

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2022

№ 43

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Лебедев В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Вроцлавского университета (Польша); **Мешко Горази** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Пранко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Путике Холм** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Университета Пассау (Германия); **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Треушников М.К.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Осокина Г.Л.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Азаров В.А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России	5
Антонов А.Г., Денисов С.А., Кирьянов А.А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего растрату, отчуждение, сокрытие или незаконную передачу вверенного ему имущества, подвергнутого описи или аресту	21
Гааг Л.В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье	32
Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права: проблема определения объекта и субъекта правового процесса	41
Кинев А.Ю. Антимонопольный комплаенс как обстоятельство, смягчающее административную ответственность	55
Кочои С.М. Трансформация антитеррористического права России в условиях глобализации	69
Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности	86
Соловьев В.С. Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся)	97
Юсубов Э.С., Филимонов Ю.В. Правовая природа актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами	114

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Барিশпольская Т.Ю. Роль профессора Томского государственного университета В.Н. Щеглова в развитии теории гражданского процессуального права	125
Мариничева А.Ю. Отдельные вопросы организации прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности на примере практики прокуратуры Томской области	132
Осокина Г.Л. Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сравнительно-правовой аспект	140
Серго А.Г., Романенкова Е.И. Опыт Всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров	151
Сухова Е.А., Абанина Е.Н., Алькова М.А. Развитие правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации в контексте реализации целей устойчивого развития	164
Цинделиани И.А., Безикова Е.В. Налоговая оговорка как инструмент конвергенции частного и публичного правового регулирования	182

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Azarov V.A. Justice as the primary basis of equality of all before the law and court in the criminal procedure of Russia	5
Antonov A.G., Denisov S.A., Kiryanov A.A. Criminological characteristics of the personality of a criminal who has committed embezzlement, alienation, concealment or illegal transfer of the entrusted property subjected to inventory or arrest	21
Haag L.V. About the question of referring the Russian legal system to the Romano-Germanic legal family	32
Guzeeva O.S. Constitutionalization of criminal law: the problem of defining the object and subject of the legal process	41
Kinev A.Yu. Antimonopoly compliance as a circumstance which mitigates administrative responsibility	55
Kochoi S.M. Transformation of Russian counter-terrorism law in the context of globalization	69
Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criminal legal means against combating group crimes	86
Solovjev V.S. Threats to the security of educational institutions (criminological study based on an anonymous online survey of students)	97
Yusubov E.S., Philimonov Yu.V. The legal nature of acts containing explanatory legislation and possessing normative qualities	114

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Barishpolskaya T.Yu. The role of Professor of Tomsk State University V.N. Shcheglov in the development of the theory of civil procedure law	125
Marinicheva A.Yu. Selected issues in the organisation of prosecutorial oversight of the legality of procurement activities as exemplified by the practice of the Tomsk Oblast Prosecutor's Office	132
Osokina G.L. Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: comparative legal aspect	140
Sergo A.G., Romanenkova E.I. World Intellectual Property Organisation's experience in domain dispute resolution	151
Sukhova E.A., Abanina E.N., Alcova M.A. Development of legal provision for environmental security of the Russian Federation in the context of implementing sustainable development goals	164
Tsindeliani I.A., Bezikova E.V. The tax clause as an instrument for the convergence of private and public regulation	182

Проблемы публичного права

Научная статья

УДК 334.73

doi: 10.17223/22253513/43/1

Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России

Владимир Александрович Азаров^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, kafprokrim@mail.ru*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия*

Аннотация. Выявлена и обоснована корреляция справедливости и равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России. Изучена историография присутствия положения о равенстве в уголовном судопроизводстве, аргументированы предложения о воссоздании этого предписания в системе принципов уголовного процесса и резком уменьшении перечня представителей государства в списке лиц, наделенных дополнительными привилегиями при производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: справедливость, равенство перед законом и судом, привилегии, иммунитеты, принципы уголовного процесса

Для цитирования: Азаров В.А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 5–20. doi: 10.17223/22253513/43/1

Problems of the public law

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/1

Justice as the primary basis of equality of all before the law and court in the criminal procedure of Russia

Vladimir A. Azarov^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
kafprokrim@mail.ru*

² *Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation*

Abstract. The article presents the results of the historiographic studies of the principle of equality of all before the law and court in the criminal procedural legislation of Russia. Considering the importance of the above principle for the

formation of the authority of the judiciary, the author substantiates its fundamental role in the assessment by the population of the country of the presence and reflection in the law of justice as the core category of the genotype of the Russian nation.

The positions of opponents of the legislative decision about the reflection of the category of «objective truth» in the text of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed, the inconsistency and even the perniciousness of introducing the artificial concept of «legal justice» into the theory and practice are shown. The comparative characteristics of the textual expression of the principle of equality of all before the law and court in various legislative acts of the Russian Federation are given. On this basis, the preferred wording of this principle in the Criminal Procedure Code has been formulated.

The segments of the content of the concept of justice in criminal proceedings are interpreted. From the standpoint of social justice, the redundancy of the presence in Chapter 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of a large detachment of representatives of all branches of state power of Russia, endowed with additional privileges in criminal proceedings, is shown and commented on.

The directions of changing the procedure for criminal proceedings against state and municipal employees, as well as the limits of their inviolability in the sphere of activity of criminal justice bodies, have been identified and substantiated. The evidence for the expediency of the direct participation of federal judges of courts of general jurisdiction in resolving the issues of restriction, suspension and deprivation of immunity of state and municipal employees for their criminal prosecution is given.

The history and causes are studied, the initiators and conditions for the creation of the above section of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are revealed, an assessment of its compliance with the typology and traditional ideology of the national criminal procedure is given.

The most suitable options for legislative solutions that allow minimizing reputational losses for all branches of state power in cases of bringing their representatives to criminal liability are discussed and selected.

A scheme of legislative work to optimize the content of the above section of the Criminal Procedure Code and to strengthen the principle of equality of all before the law and court and justice in the sphere of activity of criminal justice bodies is proposed and substantiated

Keywords: justice, equality before the law and the court, privileges, immunities, principles of criminal procedure

For citation: Azarov, V.A. (2022) Justice as the primary basis of equality of all before the law and court in the criminal procedure of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/1

Справедливость выше любых теоретических установок.

Профессор Л.В. Головкин

Радикальные изменения государственного, политического, экономического уклада нашей страны породили тектонические сдвиги в сфере социальной жизни российского общества. Три десятилетия в России происходят экономические, социальные и другие «эксперименты», осуществляют-ся пока не слишком результативные попытки отыскания государственной и общественной модели, способной гармонизировать интересы разных со-

циальных групп, слоев населения с общими, а носителем и защитником последних всегда является государство.

Пока что власть, с моей точки зрения, не добилась ощутимых достижений в отыскании (а точнее – конструировании) баланса вышеперечисленных интересов как в социальной, так и в экономической, политической и иных сферах нашей внутригосударственной жизни. Так называемые реформы 1990-х гг. (провозглашенные и реализованные «новой» властью) разрушили экономические основы государства, породили массовый нигилизм граждан, одновременно послужив *главной причиной отторжения населения от государственной власти.*

Эти тенденции не ослабевают и последние двадцать лет. Напротив, отдельные экономические и политические действия и решения власти (скромно называющей их «непопулярными») увеличивают дистанцию между государственными властными структурами и населением страны. Это закономерно вызывает чувства раздражения, обиды, неудовлетворенности и несправедливости у широких слоев населения.

В связи с этим нельзя не согласиться с оценками председателя Конституционного Суда России В.Д. Зорькина, считающего, что вопрос о «социальной справедливости стоит в ряду главных принципов правовой (а я бы еще добавил – не только правовой, но и структурной. – В.А.) трансформации российского общества» [1]. Спустя 9 лет, развивая вышеприведенную мысль, В.Д. Зорькин заявляет: «Страна до сих пор испытывает такие неизбежные последствия произошедшего в 1990-е годы взрывного первоначального накопления капитала (если быть более точным, то криминального «растаскивания» государственного имущества, в том числе, с помощью мошеннических «залоговых аукционов». – В.А.), как правовой нигилизм, клановая и корпоративно-олигархическая ментальность, *превращение бюрократии в своего рода квазикласс* (выделено нами. – В.А.), зачастую действующий в своих собственных интересах, неразвитость гражданского общества и прочного среднего класса, коррупция и организованная преступность, нестабильность законодательства, отсутствие твердых гарантий собственности и т.п.» [2. С. 8].

Вместе с тем общественное сознание российского общества столетиями формировалось в условиях патерналистского отношения государственной власти и населения. Обрушение экономических и государственных устоев с одновременным насаждением рыночных отношений *во всех сферах жизни* поставило на грань выживания десятки миллионов жителей страны. Именно поэтому сегодня главным «чаянием» абсолютного большинства граждан России является *запрос на справедливость.*

Обостренное чувство справедливости исторически присуще именно российскому психотипу нации. Это не просто часть общественного сознания, а *его системообразующий компонент*, генетически свойственный любому представителю нашего социума, вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений и т.д. [3. С. 55].

В этой связи представляются абсолютно правильными суждения Ал.А. Барабаша, в соответствии с которыми правовая (а я бы еще добавил – социальная и политическая) система государства, чтобы быть эффективной и устойчивой, должна жестко ориентироваться на лежащий в основе всех областей социальной жизни этнотип нации. При этом следует иметь в виду, что особый, евразийский тип менталитета населения России качественно отличается от своего западного аналога в силу воздействия на его формирование таких факторов, как географический, религиозный, отношения государства и личности, роль права в обществе [4. С. 52–53].

Здесь уместно вспомнить оценки русских философов, к творческому наследию которых, как можно увидеть, и сегодня обращаются высшие государственные лица России. В частности, Вл. Соловьев называл жажду безусловной справедливости стержневой линией духовных чаяний, устремлений русского человека [5. С. 68]. Н. Бердяев ассоциировал справедливость с понятием правды, определяя ее как великую ценность [6. С. 84]. Становятся очевидными, в связи с этим, мотивы отдельных политических групп и объединений современной России и их лидеров, включающих в наименование своих партий столь близкие и родные россиянам понятия, как «правда» и «справедливость».

Вполне объяснимы, с этих позиций, и попытки «отдельных представителей юридического сообщества», отстаивающих приоритет состязательной (читай – англосаксонской) модели уголовного правосудия, изобрести некие суррогаты понятию «справедливость», исторически центральному в российской ментальности.

Предлагается, в частности, считать, что цель совершенствования УПК РФ – «утверждать справедливость в обществе. Не социальную. Юридическую» [7. С. 156]. И эта, с «легкой руки» изобретенная «эрзац-цель» («юридическая справедливость») подается в ранге средства, якобы способствующего «повышению авторитета правосудия, независимости судебной власти», что, по мнению автора, «благотворно скажется на общественных нравах, а через их смягчение воздействует, в том числе, и на уровень преступности» [7. С. 156].

Очевидна **настоящая** цель таких «теоретических размышлений», состоящая в подмене понятий и ретушировании, размывании **действительного, адекватного понимания как справедливости, так и социальной справедливости в российском обществе**. Удивительно, что эта, казалось бы, понятная и однозначная категория в уголовном процессе России и западных стран понимается по-разному, что очень содержательно комментирует А.В. Кудрявцева. В частности, Европейский суд по правам человека интерпретирует справедливость как осуществление судебного процесса в рамках равных прав и возможностей сторон по представлению доказательств и отстаиванию собственной позиции, возможность оспорить доказательства другой стороны. Частным случаем справедливости судебного

разбирательства считается возможность оспаривания стороной защиты доказательств, представленных стороной обвинения. Иными словами, справедливость судебного разбирательства в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод представляет собой не что иное, как содержание принципа состязательности сторон [8. С. 61].

В России же, применительно к уголовному судопроизводству, справедливость всегда трактовалась как «воздаяние» за преступление, а у Ф.М. Достоевского – даже как «кара Божья», но, добавим, конечно же, при соразмерности назначенного наказания содеянному виновным.

И все же, как видно из наименования настоящей статьи, у справедливости в уголовном процессе есть и еще одна весьма важная интерпретация. Если с вышеприведенных позиций обратиться к избранной нами проблеме (см. название статьи), то появляется возможность заполучить весьма любопытные сведения.

В статье 7 Основного Закона нашей страны Россия объявлена социальным государством, обязанным обеспечить *достойную жизнь своих граждан*. Заметим – *всех граждан в равной степени*. В развитие данного положения предписания ст. 19 Конституции Российской Федерации декларируют **равенство** «всех перед законом и судом... независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Содержание ст. 19 Конституции Российской Федерации, как представляется, являясь фундаментом идеи справедливости и равенства всех перед законом и судом, формулирует **безальтернативное и однозначное правило – о невозможности** предоставления «каких бы то ни было преимуществ «кому бы то ни было», в зависимости от сословных, гендерных, конфессиональных, расовых, иных социальных характеристик. Исключительно значимой целью этого основополагающего постулата, с моей точки зрения, является запрет на введение **любых привилегий любым группам населения** и, таким путем, достижение баланса интересов, а значит, что крайне важно именно сегодня, стабильности общества.

Очень правильно подмечено, что большинством членов российского общества осознается и весьма болезненно воспринимается несправедливость его современной организации. В частности, результаты опроса граждан, проведенного О.В. Гладышевой, выявили, что 91% респондентов считают организацию российского общественного устройства несправедливой, в том числе в силу имеющегося неравноправия его членов [9. С. 17].

Безоговорочное выполнение государством правила ст. 19 Конституции Российской Федерации в состоянии резко снизить «накал страстей» в обществе и укрепить убеждение граждан как в самом наличии, так и в утверждении социальной справедливости, проецируемой, в том числе, на сферу правоохранительной деятельности.

Уголовное судопроизводство – важнейший сегмент этого вида государственной деятельности. А вот здесь-то как раз и можно наблюдать интересную картину. Любопытна в этой связи оценка ситуации О.В. Гладышевой, которая пишет: «Если рассматривать идею равенства с исторических позиций, то можно отметить относительное постоянство ее включения в тексты уголовно-процессуальных законов. УПК РФ 2001 г. **несколько отошел** (выделено нами. – В.А.) от устоявшегося правила, и в его тексте отсутствует положение о равенстве всех перед законом и судом» [9. С. 37].

Действительно, в системе принципов, представленных в гл. 2 УПК РФ, нет упоминания о равенстве всех перед законом и судом. Не отыскать данного правила и в других главах действующего кодекса. Там можно встретить, в разной интерпретации, лишь реплики о «равенстве прав сторон» как центральном компоненте нынешнего принципа состязательности.

В то же время в тексте его «предшественника» – УПК РСФСР 1960 г., в Главе Первой, названной «Основные положения», это предписание фигурировало в ранге принципиального. Ему была посвящена самостоятельная 14-я статья, которая гласила: «Правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств». Здесь приведена ст. 14 УПК РСФСР в ее редакции 1983 г., несколько видоизменившей перечень обстоятельств, не могущих влиять на реальный статус участника уголовного процесса [10]. Любопытно, что до изменений в 1983 г. редакции названной статьи признак «род и характер занятий» был поименован как «служебное положение».

Примечательно, что в ст. 19 Конституции Российской Федерации обсуждаемая характеристика уже обозначена как «должностное положение», что нам представляется более точным. Но самое интересное состоит в том, что обсужденный Государственной Думой РФ и принятый в июне 1997 г. в первом чтении проект УПК РФ в Главе 2-й – «Задачи и принципы уголовного процесса», также содержал под номером 16 статью: «Осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом». Понятно, что в этой статье речь шла о правосудии по уголовным делам. Причем в принятом в первом чтении проекте УПК РФ обсуждаемый **принцип уголовного процесса** фигурировал в редакции, практически представленной в ст. 19 Конституции Российской Федерации 1993 г. Хотя наряду с «должностным положением», названным и в Основном Законе, и в проекте УПК РФ, в последнем (в отличие от ст. 19 Конституции РФ) упоминалось также и **«социальное положение»**, что нам представляется еще одним дополнительным аргументом в подтверждение важности равенства всех, независимо от социальных характеристик, в уголовном судопроизводстве. Поэтому вполне закономерен вопрос: **почему** эта статья, имеющая принципиальное

значение, «подкрепленная» аналогичными предписаниями Основного Закона страны, «не попала» в текст УПК РФ, «спешно» принятого Парламентом России во втором и в третьем (окончательном) чтении в ноябре – декабре 2001 г.?

Можно предположить, что законодатель (сначала – Государственная Дума, а потом – Совет Федерации Федерального Собрания страны) «постеснялся» включить это положение в систему принципов уголовного процесса, поскольку в кодексе, принятом в окончательном варианте, неожиданно для многих специалистов и экспертов, «появился» самостоятельный 17-й раздел, состоящий из одной главы под номером 52, поименованной по названию этого же раздела: «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц».

Наверное, читателю интересно знать, кто инициировал, подготовил и «продавил» появление обсуждаемого раздела и одноименной с ним главы 52-й сначала в представленном ко второму чтению проекте, а затем уже и в тексте действующего УПК РФ. Разобраться в этом вопросе, как и проследить этапы подготовки и прохождения данных дополнений в УПК РФ, помогут два фундаментальных издания, посвященные истории создания действующего кодекса и обсуждению пятилетних результатов его применения [11, 12].

Из содержания этих объемных фолиантов становится ясно, что принятый в 1997 г. в первом чтении УПК РФ, который в большой мере отвечал традиционной инфраструктуре, идеологии и принципу преемственности, не устраивал определенные политические силы, своими устремлениями «развернутые» на Запад. Для этого в новом составе Государственной Думы РФ 26 октября 2000 г. была создана Временная рабочая группа по подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению во главе с Е.Б. Мизулиной [11. С. 324–325]. Вслед за этим, 28 ноября 2000 г., распоряжением Президента РФ В.В. Путина образована рабочая группа по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе при Президенте РФ, возглавляемая заместителем Руководителя Администрации Президента РФ Д.Н. Козаком. Координацию деятельности рабочей группы с остальными властными структурами по поручению Президента РФ В.В. Путина осуществлял первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ Д.А. Медведев [11. С. 740–742].

Из 35 членов этой рабочей группы, получившей условное название «Рабочая группа Д.Н. Козака», пятеро являлись «рядовыми» высококвалифицированными юристами в ранге, как правило, докторами юридических наук, профессорами, остальные были «обременены» высокими государственными должностями, представляя известный «срез» корпуса российских чиновников [11. С. 741–742]. С ноября 2000 г. по март 2021 г. рабочая группа Д.Н. Козака подготовила предложения по «совершенствованию» принятого в первом чтении УПК РФ, а по сути дела, радикально «перекроив»

его концепцию на «англосаксонский лад», особенно – в части «новой» идеологии, обильно насытившей текст проекта [11. С. 743–772].

О сути этих «новшеств» повествует «сводная таблица предложений по совершенствованию уголовного судопроизводства», в которую окончательные изменения (безусловно, учтенные разработчиками, как это видно из окончательного проекта) внесены Администрацией Президента РФ [11. С. 743–748]. Как раз-таки в этой таблице впервые появляется «прообраз» гл. 52 действующего УПК РФ об «Особенностях производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». А вскоре конкретные законотворческие очертания приобретает и сама глава [11. С. 769–772].

Весьма показательно здесь то, что в контексте общих предложений рабочей группы Д.Н. Козака об установлении дополнительных преимуществ в уголовном судопроизводстве «прокурорам, следователям, дознавателям и лицам, обладающим конституционным или дипломатическим иммунитетом», Администрация Президента РФ внесла в «список льготников» **членов Правительства Российской Федерации**, как известно, не обладающих по закону ни конституционным, ни дипломатическим иммунитетом. Правда, в окончательный вариант поправок к проекту УПК РФ, принятому в первом чтении, внесенных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 4 июня 2001 г., «члены Правительства Российской Федерации» как субъекты права на преимущества в уголовном процессе, не попали [11. С. 769]. Если бы это всё же произошло, то усилия следователей и прокуроров по доказыванию причастности к уголовным преступлениям «членов правительства Российской Федерации» Улюкаева, Сердюкова и других, были бы, скорее всего, безрезультатными.

Из предыдущего изложения очевидно, что появление в УПК РФ обсуждаемой главы, предоставившей небывалые «преференции» при производстве по уголовным делам широкому кругу представителей государственной власти, фактически инициировано Администрацией Президента Российской Федерации. Сегодня уже понятно, что в большой мере оправдались опасения здравомыслящей части юридического сообщества России, заявлявшей на этапе введения в действие принятого УПК РФ о сомнительности и негативных последствиях таких «нововведений». Так, в Аналитической записке по результатам научно-практической конференции «Новый УПК России и проблемы правоприменительной практики», состоявшейся в г. Ярославле 26 февраля 2002 г. было констатировано: «Предельно опасной является тенденция превращения процесса взаимодействия участников уголовного судопроизводства в корпоративно-рыночной, из содержания которого полностью выхолащиваются общегосударственные и публично-правовые цели и принципы. Уголовное дело и реализация процессуальных полномочий участниками судопроизводства в своей совокупности становятся денежным товарооборотом, безусловно выгодным отдельным участникам этого процесса, с одной стороны, и аб-

солютно невыгодным потерпевшим, **полностью несоответствующим цели неукоснительного соблюдения закона, равенства граждан перед судом, а также другим принципам и идеалам правосудия**» (выделено нами. – В.А.). [11. С. 315].

После этой справки об историографии гл. 52 УПК РФ, логично более пристально взглянуть в ее содержание и увидеть, что же это за «особенности» и что это за «отдельные категории лиц»? Ознакомление с содержанием ст. 447 УПК РФ позволяет заключить, что в абсолютном большинстве – это государственные и муниципальные служащие, т.е. субъекты, которых принято называть чиновниками. Возвращаясь к вопросу о причинах отсутствия предлагавшегося в принятом в первом чтении проекте УПК РФ 2001 г. положения о равенстве всех перед законом и судом, отметим следующее.

Одновременное присутствие изъятого из первого проекта кодекса принципа и обширной системы исключений из общих правил производства по уголовным делам в отношении представителей законодательной, исполнительной и судебной власти создавало бы труднообъяснимую коллизию. Тогда друг другу противоречили бы общее (принципиальное) положение и нормы процедурного характера, при том, что приоритет, исходя из канонов общей теории права, должно иметь первое.

Здесь ассоциативный ряд возвращает нас вместе с читателем к вышеприведенному высказыванию В.Д. Зорькина о сформировавшейся в России «клановой и корпоративно-олигархической ментальности» и «превращении бюрократии в своего рода квазикласс». По оценкам Министерства финансов РФ, общее количество чиновников в стране составляет около 2,5 млн [13]. Даже исходя только из численности – это весьма мощная социальная группа, к тому же обладающая широкими возможностями формирования общественного сознания, законодательства и правового режима в стране. Полагаем, что во многом именно эти обстоятельства объясняют реальное состояние дел с равенством граждан перед законом и судом, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Многие исследователи содержания **понятия «справедливость»** и форм ее реализации в праве считают одним из его центральных компонентов именно **равенство граждан перед законом и судом** [9. С. 14; 14. С. 32; 15. С. 33–35].

Последнее, в свою очередь, означает, что «существуют единые материальные и процессуальные законы, которые не создают каких-либо преимуществ, или, наоборот, ограничений в зависимости от расовой и национальной принадлежности, социального, имущественного и служебного положения или вероисповедания гражданина» [15. С. 37]. Кроме того, именно в этом контексте в государстве не создаются сословные, расовые или исключительные суды, организация и порядок деятельности которых зависели бы от любого из вышеперечисленных признаков [16. С. 81–82].

Согласимся с выводом о том, что категория равенства в уголовном процессе не предполагает одинакового объема прав его участников. Однако «равенство должно проявляться в полной мере применительно к участникам уголовного процесса, занимающим одинаковый процессуальный статус» [15. С. 110].

Следует при этом оговориться о правомерности предоставления дополнительных гарантий и льгот несовершеннолетним и недееспособным (частично дееспособным) участникам производства по уголовному делу, поскольку уровень (объем) их праводееспособности не позволяет им полноценно реализовать общую правосубъектность [17. С. 6].

Сейчас же уместно еще раз обратиться к содержанию ст. 477 УПК РФ, определяющей конкретные категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Это:

- член Совета Федерации и депутат Государственной Думы, депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо органа местного самоуправления;
- судья Конституционного Суда Российской Федерации, судья федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мировой судья и судья конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, присяжный или арбитражный заседатель в период осуществления им правосудия;
- Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудиторы Счетной палаты Российской Федерации;
- Уполномоченный по правам человека Российской Федерации;
- Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, а также кандидат в Президенты Российской Федерации;
- Генеральный прокурор;
- Председатель Следственного комитета Российской Федерации;
- руководитель следственного органа;
- следователь;
- адвокат;
- член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;
- зарегистрированный кандидат в депутаты Государственной Думы, зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Ретроспективный анализ содержания анализируемой статьи показывает, что она изменялась и дополнялась с момента принятия в 2001 г. УПК РФ 6 раз, причем, что характерно, по большей части – в направлении увеличения перечня субъектов, обладающих существенными льготами в уголовном судопроизводстве. Что же это за преимущества?

В отношении этой категории лиц установлены более сложные процедуры возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого (ст. 448 УПК РФ), избрания меры пресечения и производства следственных и процессуальных действий (ст. 450 УПК РФ). Чаще всего сам факт и потребность наличия перечисленных преимуществ (воспринимаемых обычными гражданами как привилегии) объясняются необходимостью создания дополнительных гарантий эффективности выполнения представителями разных ветвей власти «важнейших государственных и общественных функций» [18. С. 924], что звучит, на наш взгляд, недостаточно убедительно. Стоит согласиться с К.Ф. Гуценко, который еще на этапе существования УПК РСФСР считал, что перечень лиц, обладающих привилегиями в уголовном процессе, «сравнительно широк и имеет тенденцию, вопреки ст. 19 Конституции Российской Федерации, провозглашающей равенство всех перед законом и судом, к дальнейшему расширению» (что нами уже отмечено на примере УПК РФ. – В.А.) [19. С. 45].

Авторы коллективной монографии, изданной в 2013 г., анализируя содержание гл. 52 УПК РФ, также с сожалением констатируют следующее: «...уголовно-процессуальный закон предоставляет в настоящее время **именно привилегии** (подчеркнуто нами. – В.А.) отдельным категориям лиц, что является существенным нарушением принципа равенства, закрепленного в Конституции Российской Федерации» [15. С. 116].

С позиции социальной справедливости вызывает серьезные сомнения необходимость столь широкого спектра «служебных иммунитетов»¹ [18. С. 924] у обширного числа представителей государственной власти, поскольку это напрямую сказывается на авторитете последней, а также на уровне доверия к ней населения страны.

Что же можно предложить для восстановления и укрепления авторитета судебной (да и не только) власти у населения? Представляется, что в этой связи требует изменения процедура уголовного производства прежде всего в отношении представителей высших органов государственной власти страны. Сегодня эта процедура необоснованно, вопреки принципу равенства всех перед законом и судом, искусственно расширяет пределы неприкосновенности представителей высших органов государственной власти [15. С. 123–124]. При этом скажем, что вопрос о лишении неприкосновенности депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации (в связи с их вероятной причастностью к преступлениям) решается единолично **этими же самыми государственными органами без участия в формировании окончательного решения** представителей других ветвей государственной власти. Генеральный прокурор РФ, согласно ч. 1 ст. 448 УПК РФ,

¹ Такой, на мой взгляд, сомнительный термин употребляют А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский.

внося соответствующее представление, лишь ставит этот вопрос перед палатами Федерального собрания РФ.

Очевидно, что в такой ситуации открываются широкие возможности для проявления «корпоративной (партийной, иной) солидарности» со стороны определенных групп депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации. Это особенно вероятно в условиях доминирования одной или соперничества двух (нескольких) политических партий в стенах парламента России.

В литературе высказано предложение, в соответствии с которым возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемых таких субъектов должны быть урегулированы общими нормами, а в УПК РФ надлежит закрепить **порядок уведомления** соответствующих органов о принятом решении. Что же касается избрания мер пресечения и производства следственных и процессуальных действий, то авторы предлагают производить их в порядке, закрепленном в настоящее время в уголовно-процессуальном законе [15. С. 127].

Поддерживая, в основном, данное предложение, выскажем сомнения в эффективности конкретной схемы, которую анонсируют авторы. В частности, по их мысли, «в случаях вынесения судом в судебном разбирательстве обвинительного приговора суд должен запросить решение о лишении судей, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, Президента Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в РФ и других лиц неприкосновенности. После получения такого решения суд обращает приговор к исполнению» [15. С. 127].

С нашей точки зрения, вряд ли целесообразен такой вариант движения уголовного дела с участием **в качестве подсудимых** представителей государственной власти (особенно – из ее «высших эшелонов»). В таком случае прогнозируются существенно более высокие и болезненные репутационные потери в целом для всех ветвей государственной власти, особенно сейчас, в условиях «вакханалии» свободы слова и наличия в России средств массовой информации, проводящих откровенно антигосударственную информационную политику. С гораздо меньшими потерями для имиджа государственных органов возможно достижение реализации конституционного принципа равенства всех перед законом и судом – базового для утверждения справедливости в российском обществе.

Для этого оптимальной представляется следующая схема:

1. Восстановление в УПК РФ принципа равенства всех перед законом и судом. Желательно в редакции ст. 19 Конституции Российской Федерации.

2. Воссоздание в УПК РФ предписаний **об участии судебных органов** в решениях Государственной Думы и Федерального Собрания о возможности возбуждения уголовного дела в отношении депутата (члена Совета Федерации) и о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное

дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Для этого соответствующее представление Генерального прокурора РФ должно подаваться в Верховный Суд РФ и рассматриваться коллегией из трех судей. Заключение судейской коллегии об обоснованности представления Генерального прокурора РФ в течение 10 дней надлежит передать в палату Федерального Собрания РФ, которая в течение 10 дней принимает решение **о приостановлении** (а не о лишении!) неприкосновенности члена соответствующей палаты либо отказывает в этом.

В случае удовлетворения представления Генерального прокурора РФ (прошедшего горнило судебного контроля в Верховном Суде РФ), палата Федерального Собрания РФ принимает заключение, после чего **производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке**.

3. По окончании расследования, в зависимости от его результатов, следователь принимает решение в соответствии с гл. 28–30 УПК РФ.

4. Если по уголовному делу составлено обвинительное заключение, Генеральный прокурор РФ, перед его утверждением, уведомляет об этом соответствующую палату Федерального Собрания РФ, которая в 10-дневный срок принимает **окончательное решение о лишении конкретного субъекта его неприкосновенности**, и уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направляется в суд для рассмотрения по существу.

5. Вышеприведенную схему целесообразно спроецировать на нижестоящие структуры государственной власти, уровня субъекта Российской Федерации и выборных должностных лиц органов местного самоуправления.

6. Согласиться с предложением, в соответствии с которым из гл. 52 УПК РФ надлежит исключить прокурора, руководителя следственного органа (включая председателя Следственного Комитета Российской Федерации), следователя, адвоката как лиц, не обладающих неприкосновенностью по российскому законодательству [15. С. 133].

Предлагаемая схема участия в качестве подозреваемых, обвиняемых, подсудимых представителей государственной власти в уголовном судопроизводстве восстановит равновесие (баланс) в системе взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной властей в Российской Федерации. Кроме того, появятся реальные основания для воссоздания в УПК РФ принципа равенства всех перед законом и судом и, что самое главное, будет сделан серьезный шаг в направлении утверждения социальной справедливости и укреплении авторитета органов государственной власти в стране.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Приговор по преискуранту // Российская газета. 2004. 19 мая.
2. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М. : Норма, 2013. 495 с.

3. Азаров В.А. Деструктивные факторы стратегии развития уголовно-процессуального Законодательства России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 49–59.
4. Барабаш Ал.А. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 213 с.
5. Соловьев В. Смысл любви. М., 1991. 526 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 240 с.
7. Резник Г.М. Задача УПК обеспечивать юридическую справедливость в обществе // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / отв. ред. А.Е. Лебедев, Е.Б. Мизулина ; [науч. ред. Е.Б. Мизулина]. М. : Норма, 2007. 800 с.
8. Кудрявцева А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 61–64.
9. Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Краснодар, 2008. 304 с.
10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.83 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.
11. Уроки реформы уголовного правосудия России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина ; науч. ред. Е.Б. Мизулина. М. : Юрист, 2006. 847 с.
12. Уроки реформы уголовного правосудия России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / отв. ред. А.Е. Лебедев, Е.Б. Мизулина ; [науч. ред. Е.Б. Мизулина]. М. : Норма, 2007. 800 с.
13. Интервью РИА Новости заместителя министра Финансов РФ Татьяны Нестеренко: «Без сокращения госслужащих не будет и повышения зарплат» 23.09.2019 г. URL: <https://ria.ru/20190923/1558915623.html>
14. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе / под науч. ред. З.Д. Еникеева. М. : Юрлитинформ, 2007. 256 с.
15. Равенство в уголовном процессе России / А.М. Баранов, С.А. Кузора, Ю.Г. Овчинников, И.А. Черданцева. М. : Юрлитинформ, 2013. 168 с.
16. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М. : Юрид. лит., 1971. 200 с.
17. Красильников А.В. Уголовно-процессуальные привелегии отдельных категорий лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 242 с.
18. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 992 с.
19. Уголовный процесс : учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1997. 509 с.

References

1. Zorkin, V.D. (2004) Prigovor po preyskurantu [Sentence by the price list]. *Rossiyskaya gazeta*. 19th May.
2. Zorkin, V.D. (2013) *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [Law in the Context of Global Change]. Moscow: Norma.
3. Azarov, V.A. (2019) Destructive factors of the strategy for the development of criminal procedure legislation in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 33. pp. 49–59. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/33/5
4. Barabash, Al.A. (2012) *Sushchnost' otechestvennogo ugovnogo protsessa v svete rossiyskogo natsional'nogo mentaliteta* [The criminal process in the Russian national mentality]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

5. Soloviev, V. (1991) *Smysl lyubvi* [The Meaning of Love]. Moscow: Lybid'.
6. Berdyaev, N.A. (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
7. Reznik, G.M. (2007) *Zadacha UPK obespechivat' yuridicheskuyu spravedlivost' v obshchestve* [The goal of the Code of Criminal Procedure to ensure legal justice in society]. In: Lebedev, A.E. & Mizulina, E.B. (eds) *Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii (po materialam raboty Mezhhvedomstvennoy rabochey gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v deystvie)* [Lessons from the reform of criminal justice in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group on Monitoring the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary from the date of its adoption and enactment)]. Moscow: Norma.
8. Kudryavtseva, A.V. (2018) Justification of a court decision as a component of a fair trial. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 61–64. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/12
9. Gladysheva, O.V. (2008) *Spravedlivost' i zakonnost' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Justice and legality in the criminal proceedings of the Russian Federation]. Krasnodar: [s.n.].
10. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1983) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 08.08.83 [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of August 8, 1983]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 32. Art. 1153.
11. Mizulina, E.B. & Pligin, V.N. (eds) (2006) *Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya Rossii (po materialam raboty Mezhhvedomstvennoy rabochey gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v deystvie)* [Lessons of the criminal justice reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental working group on monitoring the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary from the date of its adoption and enactment)]. Moscow: Yurist".
12. Lebedev, A.E. & Mizulina, E.B. (eds) (2007) *Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii (po materialam raboty Mezhhvedomstvennoy rabochey gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v deystvie)* [Lessons from the reform of criminal justice in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group on Monitoring the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary from the date of its adoption and enactment)]. Moscow: Norma.
13. Nesterenko, T. (2019) *Interv'yu RIA Novosti zamestitelya ministra Finansov RF Tat'yany Nesterenko: "Bez sokrashcheniya gossluzhashchikh ne budet i povysheniya zarplat"* [RIA Novosti interviews Deputy Minister of Finance of the Russian Federation Tatyana Nesterenko: "Without layoffs of civil servants, there will be no increase in salaries"]. September 23, 2019. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190923/1558915623.html>
14. Ashirova, L.M. (2007) *Problemy realizatsii printsipa spravedlivosti v ugolovnom protsesse* [Problems of the implementation of the principle of justice in the criminal process]. Moscow: Yurlitinform.
15. Baranov, A.M., Kuzora, S.A. & Ovchinnikov, Yu.G. (2013) *Ravenstvo v ugolovnom protsesse Rossii* [Equality in the Russian Criminal Process]. Moscow: Yurlitinform.
16. Dobrovolskaya, T.N. (1971) *Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsessa (voprosy teorii i praktiki)* [Principles of the Soviet Criminal Process (Questions of Theory and Practice)]. Moscow: Yuridicheskaya literature.
17. Krasilnikov, A.V. (2006) *Ugolovno-protsessual'nye privilegii otdel'nykh kategoriy lits* [Criminal procedure privileges of certain categories of persons]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
18. Smirnov, A.V. (ed.) (2009) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. 5th ed. Moscow: Prrospekt.
19. Gutsenko, K.F. (ed.) (1997) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Zertsalo.

Информация об авторе:

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: kafprokrim@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Azarov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kafprokrim@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.11.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 12.11.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья

УДК 343.91

doi: 10.17223/22253513/43/2

**Криминологическая характеристика
личности преступника, совершившего растрату,
отчуждение, сокрытие или незаконную передачу
вверенного ему имущества,
подвергнутого описи или аресту**

**Антон Геннадьевич Антонов¹, Сергей Анатольевич Денисов²,
Арсений Алексеевич Кирьянов³**

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹antonovanton1@mail.ru

²denisov_61@mail.ru

³russtyle89@mail.ru

Аннотация. Анализ криминологической характеристики лица, совершившего преступление, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, имеет определенную специфику, так как в состав соответствующего преступления входит один из специальных субъектов – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которому вверено имущество, подвергнутое описи или аресту. Исследованы данные судебной статистики, которые позволяют сделать вывод и выделить наиболее часто встречающиеся признаки личности преступника, совершившего незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту. Особенности личности, совершившей данное преступление, позволяют разработать меры антикриминального предупреждения в дальнейшем.

Ключевые слова: личность преступника, ст. 312 УК РФ, криминологическая характеристика

Для цитирования: Антонов А.Г., Денисов С.А., Кирьянов А.А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего растрату, отчуждение, сокрытие или незаконную передачу вверенного ему имущества, подвергнутого описи или аресту // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 21–31. doi: 10.17223/22253513/43/2

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/2

Criminological characteristics of the personality of a criminal who has committed embezzlement, alienation, concealment or illegal transfer of the entrusted property subjected to inventory or arrest

Anton G. Antonov¹, Sergey A. Denisov², Arseniy A. Kiryanov³

^{1, 2, 3} *St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *antonovanton1@mail.ru*

² *denisov_61@mail.ru*

³ *russtyle89@mail.ru*

Abstract. The history of criminal law and criminology shows that the discussion about the identity of the criminal is already very old, but it still raises high interest. The interpretation of this issue does not remain unchanged.

The analysis of the criminological characteristics of a person who has committed a crime provided for in Part 1, Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation has a certain specificity, since the corresponding crime includes one of the special subjects - an individual, a sane person who has reached the age of liability and who is entrusted with property subjected to inventory or arrest. The authors examined the data of judicial statistics, which make it possible to draw a conclusion and highlight the most common signs of the identity of a criminal who has committed illegal actions in relation to the property subjected to inventory or arrest.

It is possible to distinguish typical signs of the identity of a criminal who has committed illegal acts in relation to the property subjected to inventory or arrest:

1) The corpus delicti under study is often committed by persons aged from 30 to 49. Men and women of 50 and older are much less likely to commit illegal acts in relation to the property subjected to inventory or arrest, but they make up the second group of persons in terms of the frequency of committing the crime. The least number of persons convicted were under the age of 30 at the time of the commission of such a crime.

2) Men are more than twice as women commit illegal acts against property that has been inventoried or arrested.

3) Almost all the crimes under study are committed by citizens of the Russian Federation with a permanent place of residence.

4) Most of the potential criminals have secondary education (general or vocational).

5) Most convicts are able-bodied persons without a permanent source of income, i.e. unemployed.

6) Often, the crimes that provide for criminal liability under Part 1, Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation are committed by persons who had unexpunged and unspent convictions. Most often, they had unexpunged and unspent convictions at the time of the trial for crimes of minor gravity. Despite this, the personality of the criminal does not have an increased social danger, but the propensity and probability of committing a new crime is stable (high). Thus, in order to prevent the crime enshrined in Part 1, Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation, a differentiated assessment of the personality properties of the person who is entrusted with a certain property is important.

Keywords: identity of the criminal, Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminological characteristics

For citation: Antonov, A.G., Denisov, S.A. & Kiryanov, A.A. (2022) Criminological characteristics of the personality of a criminal who has committed embezzlement, alienation, concealment or illegal transfer of the entrusted property subjected to inventory or arrest. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 21–31. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/2

История науки уголовного права и криминологии показывает, что дискуссия о личности преступника уже очень стара, но интерес к ней по-прежнему высок. Трактовка данного вопроса не остается неизменной. Достаточно вспомнить классическую, антропологическую и социологическую школу уголовного права. При появлении новой школы часто отрицались теории и идеи, которые господствовали ранее. Сложилось положение, сравнимое с рабочей площадкой, на которой модель личности преступника строится, но остается незавершенной, так как ни одна из теорий, сформулированных данными школами, не кажется беспорной.

Под личностью преступника в литературе обычно понимается личность лица, совершившего преступление. Конечно, данное лицо обладает социальными, психологическими и другими характеристиками, которые присуще любому человеку. Эти характеристики в своей совокупности составляют криминологическую характеристику лица, совершившего преступление, которая важна для разработки мер по предупреждению преступлений. Однако «нет социально-типичных свойств личности, отличающих преступника от законопослушных граждан» [1. С. 99]. Тем не менее есть одно свойство, которое и отделяет преступника от общества – это общественная опасность его личности. Данное свойство является определяющим [2. С. 39]. Следует отметить, что в литературе и законодательстве общественная опасность личности оценивалась как во взаимосвязи с общественной опасностью преступления, так и без таковой.

Середина XX в. знаменуется рождением новых идей в уголовной политике. Французский ученый М. Ансель пытался разработать «теорию новой социальной защиты», в основе которой лежат положения о дальнейшей гуманизации наказаний, о неопределенности приговоров, ресоциализации осужденного лица (помощи ему в адаптации в социальной среде после отбытия наказания) [3. С. 33]. По мнению автора, «новая социальная защита» гуманистична, потому что она рассматривает правонарушение не столько как юридический акт, сколько как человеческий поступок [4. С. 52]. Один из авторов этой теории Р. Вьенн считал, что судья должен обращать внимание на правонарушителя и оставлять на заднем плане правонарушение, которое он совершил. Такой подход И.И. Карпец справедливо считал неправильным, так как в действиях человека проявляется его личность, которую по-настоящему нельзя познать без анализа его действий [4. С. 52]. Од-

нако упомянутая теория оказала значительное влияние на отечественное уголовное законодательство на определенном этапе.

В настоящее время известная зависимость общественной опасности личности преступника от общественной опасности преступления сомнения не вызывает. Тем самым личность преступника не следует оценивать изолировано от совершенного преступления.

В.Д. Филимонов выделяет две группы критериев общественной опасности личности преступника: криминологический и уголовно-правовой [5. С. 15]. К первой автор относит антиобщественную направленность существования (взглядов) лица, слабоволие относительно негативного влияния и т.п. Ко второй группе уголовно-правовых критериев характера и степени общественной опасности личности преступника отнесены преступления как основной критерий и совокупность смягчающих и отягчающих уголовную ответственность обстоятельств как дополнительный критерий [5. С. 15–16]. Преступление является основным критерием общественной опасности личности преступника [2. С. 49]. При этом критериями общественной опасности личности преступника являются как совершенное преступление, так и степень опасности и вероятности совершения нового преступления в будущем [2. С. 49]. Основываясь на изложенном, считаем возможным предпринять попытку анализа криминологической характеристики лица, совершившего растрату, отчуждение, сокрытие или незаконную передачу вверенного ему имущества, подвергнутого описи или аресту.

Правосудие является приоритетной сферой государственной службы, политико-правовых институтов и социальных ценностей [6. С. 14]. В части 1 ст. 312 УК РФ закреплена уголовная ответственность за указанное деяние. Оно имеет определенную специфику, так как в состав соответствующего преступления входит, помимо другого, специальный субъект – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которому вверено имущество, подвергнутое описи или аресту. В связи с этим полагаем необходимым исследовать особенности личности, совершившей данное преступление, с целью предупреждения таких деяний в дальнейшем.

За 2017, 2018 гг. и первую половину 2019 г. в Российской Федерации по ч. 1 ст. 312 УК РФ всего осуждено 1 144 лица, в том числе 44 служащих коммерческой или иной организации (статистическая форма не позволяет отделить эту группу от «основной» группы осужденных по исследуемому составу, поэтому при интерпретации данных необходимо учитывать соответствующую допустимую погрешность).

Возраст. Рассматривая возраст осужденных лиц на момент совершения преступления, можно обнаружить, что в данном периоде не было осуждено ни одного несовершеннолетнего по ч. 1 ст. 312 УК РФ. Это объяснимо с экономической точки зрения: у лиц несовершеннолетнего возраста наличие собственного значимого имущества маловероятно. Его человек приоб-

ретают по прошествии определенного времени. И связано это с заработком определенных средств. От 14 до 17 лет – 0% лиц, от 18 до 24 – 2,7%, от 25 до 29 – 9,7%, от 30 до 49 – 68,9%, 50 лет и старше – 18,7% лиц (из них 11% мужчин, которые достигли к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, и 11% женщин пенсионного возраста, т.е. 55 лет и старше). Основная масса рассматриваемого состава преступления совершается лицами в возрасте от 30 до 49 лет. Мужчины и женщины пятидесятилетнего возраста и старше значительно реже совершают незаконные действия в отношении имущества подвергнутого описи или аресту, тем не менее они составляют вторую группу лиц по частоте совершения исследуемого преступления. Наименьшее количество осужденных не достигли тридцатилетнего возраста на момент совершения преступления. Совершили преступления в возрасте от 30 до 49 лет 68,9% осужденных. Для данного возрастного диапазона характерна определенная социальная активность и экономическая состоятельность.

Гражданство. Из всей массы осужденных по ч. 1 ст. 312 УК РФ ни одного лица без гражданства и гражданства иных государств (кроме СНГ), только 0,52% лиц, имеющих гражданство государств СНГ. Все остальные – граждане Российской Федерации. Данный фактор обусловлен спецификой преступления, так как место нахождения имущества иностранного гражданина, которое может быть подвергнуто описи или аресту, с большой степенью вероятности, находится в другой стране. То есть отсутствует основная предпосылка преступления – определенное имущество, которое может быть подвергнуто описи или аресту. Нет его – нет и преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ.

Место жительства. Имели постоянное место жительства 98% лиц. Беженцы и вынужденные переселенцы – одно лицо. Другие жители иной местности – 2% лиц. Без определенного места жительства – два лица. Наличие места жительства также обусловлено спецификой преступления. Так как имущество, подвергнутое описи или аресту, должно находиться в каком-либо месте. В большинстве случаев – это жилище. Отсутствие жилища может обусловить и отсутствие какого-либо значимого имущества, о котором идет речь в настоящей статье.

Образование. Высшее профессиональное имели 14% лиц. Среднее профессиональное – 42,7% лиц. Среднее общее – 34,3% лиц. Основное общее, начальное или нет образования – 9% лиц. У большинства лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 312 УК РФ, имеет место средний образовательный уровень. Однако правосознание у них находится на низком уровне. Ведь очевидно, что если компетентный орган описал имущество, а впоследствии, обратившись за ним, не найдет его, то лицо, кому оно вверено, будет подвергнуто, с высокой степенью вероятности, уголовной ответственности. Видимо, с психологической стороны, виновные продолжают считать описанное или арестованное имущество своим. Либо

правоприменительная практика позволяет им считать эфемерной неотвратимость наказания.

Род занятий (социальное положение). Рабочие – 18,4% лиц. Работники сельского хозяйства – 1% лиц. Государственные и муниципальные служащие – ни одного лица. Служащие коммерческой или иной организации – 3,8% лиц. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в предпринимательской деятельности, – 6,1% (из них индивидуальные предприниматели – 37,1% лиц). Учащиеся и студенты – ни одного лица. Отбывающие лишение свободы или имеющие неисполненный приговор к лишению свободы (реально) – 0,08% лиц. Нетрудоспособные (неработающие) – 6,9% лиц. Безработные трудоспособные (зарегистрированные в службе занятости) – 1,8% лиц. Военнослужащие по призыву и по контракту – ни одного лица. Адвокаты, нотариусы, аудиторы – ни одного лица. Судьи, работники суда – ни одного лица. Прокуроры, следователи – ни одного лица. Лица прочих занятий (кроме вышеуказанных) – 1,04% лиц. Совершены инвалидами I и II групп – 0,52% лиц. Иные сотрудники правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры, – 0,08% лиц. Трудоспособные лица без постоянного источника дохода – 61,9% лиц [7–9]. Исходя из приведенных данных, можно выявить некоторые проявления причин совершения рассматриваемого преступления. Ведь подавляющее большинство лиц, его совершивших, не имеют постоянного источника дохода, что позволяет считать таких лиц нуждающимися. У них описывают имущество и оставляют же у них, у лиц, которые не имеют средств к существованию. Итог очевиден, лица реализуют это имущество для удовлетворения жизненных потребностей. Показателен в этом аспекте следующий пример. С неработающего виновного Б. в пользу банка взыскивали 96 195 рублей 81 копейку. Произвели арест газонокосилки, которую он успешно, но противоправно реализовал за 4 тыс. рублей [10]. Сложилась такая ситуация. Виновный не работает, кредит платить нечем, описывать, кроме газонокосилки, нечего. И ему же оставляют арестованное имущество, вероятность незаконного его отчуждения очевидна.

В 2018 г. появились новые формы статистического учета, позволяющие получить дополнительные данные о личности преступника. В 2018 г. и первой половине 2019 г. (далее будет охвачен этот временной диапазон) всего было осуждено 600 лиц по ч. 1 ст. 312 УК РФ. Из них 29,1% лиц совершили преступления в сельской местности, 19,8% – в административных центрах субъектов РФ. Из них никто не совершил преступления в группе (в том числе организованной). Из общего числа осужденных 0,8% лиц совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения либо под его воздействием. Ни одно лицо не совершило данного преступления в состоянии опьянения: наркотического, психотропных веществ, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, иного опьянения либо под их воздействием. Отсюда следует, что для рас-

смаатриваемого состава не характерно совершение его в состоянии опьянения, а также для данного преступления индифферентно место его совершения – оно имеет место и в сельской местности и в городах, хотя в последних совершается значительно чаще.

Характеристика преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных (ч. 1 ст. 312 УК РФ). Всего 23,5% лиц имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения (из них было две судимости у 14,1% лиц; три и более судимости у 5,6% лиц). Из них никто не осужден в несовершеннолетнем возрасте (на дату текущего приговора). 1,4% лиц осуждено только за неосторожные преступления и 87,2 лица – только к мерам, не связанным с лишением свободы. Имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения за наиболее тяжкие из совершенных преступлений: особо тяжкие – 0% лиц, тяжкие – 10,6%, средней тяжести – 7%, небольшой тяжести – 82,4% лиц [11–13]. Как видно, значимая часть виновных в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, имела судимости, что свидетельствует об их общественной опасности. Вероятность совершения такими лицами преступлений в будущем выше, чем у законопослушных граждан. Это и подтвердилось в дальнейшем. Следовательно, вверять определенное имущество таким лицам бессмысленно. Отдельного внимания заслуживают случаи ареста имущества в обеспечение исполнения приговора суда. Так, в отношении автомобиля И. был наложен арест для обеспечения приговора в части гражданского иска. Этот автомобиль владелец успешно продал вопреки запрету. Данный факт был обнаружен при осуждении виновного за кражу в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В связи с обеспечением этого приговора и был наложен арест на имущество. Обеспечение гражданского иска по данному приговору стало невозможным [14]. В приведенном примере имущество было вверено лицу, обладающему общественной опасностью в связи с совершением кражи. И прогноз совершения им нового преступления, связанного с собственностью, очевиден. При этом автомобиль подлежит обязательной регистрации, а на такого рода имущество можно предусмотреть дополнительное обеспечение его сохранности в виде передачи информации об его аресте в компетентные регистрационные органы.

Характеристика осужденных по виду основного наказания за преступления, предусматривающие уголовную ответственность по ч. 1 ст. 312 УК РФ, в 2018 г. и первой половине 2019 г. Из 600 осужденных: лишение свободы у 3,6% лиц; условное осуждение к лишению свободы у 3%; исправительные работы у 1,9%; обязательные работы у 50%; штраф у 41,5% лиц. Оправдано 1,5% лиц. Прекращено: за примирением с потерпевшим уголовное дело в отношении 0,16% лиц; в связи с деятельным раскаянием – 3% лиц; назначена мера уголовно-правового характера судебный штраф – 7,3% лицам; по другим основаниям – 2% лицам [14, 15]. Таким

образом, более 10% виновных были освобождены от уголовной ответственности, что говорит об утрате ими общественной опасности. При этом лишь 3,6% осужденным было назначено наказание в виде лишения свободы. Здесь мы видим, что суд счел наличие повышенной опасности у такой небольшой части осужденных. В отношении же остальных были назначены наказания, не связанные с изоляцией от общества, что свидетельствует о возможности достижения целей наказания без таковой, так как общественная опасность их невелика.

Подводя итог, можно выделить типичные признаки личности преступника, совершившего незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту:

1. Преимущественно рассматриваемый состав преступления совершается лицами в возрасте от 30 до 49 лет. Мужчины и женщины пятидесятилетнего возраста и старше значительно реже совершают незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, но, тем не менее, составляют вторую группу лиц по частоте совершения исследуемого преступления. Меньше всего было осуждено лиц, которые не достигли тридцатилетнего возраста на момент совершения преступления.

2. Мужчины более чем в два раза чаще по сравнению с женщинами совершают незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту.

3. Практически все исследуемые преступления совершаются гражданами Российской Федерации, которые имеют постоянное место жительства.

4. Большая часть лиц имеет среднее образование (общее или профессиональное).

5. Большинство осужденных – это трудоспособные лица без постоянного источника дохода, т.е. безработные.

6. Довольно часто преступления, предусматривающие уголовную ответственность по ч. 1 ст. 312 УК РФ, совершаются лицами, которые имели неснятые и непогашенные судимости. Чаще всего имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения за преступления небольшой тяжести. Несмотря на это личность преступника не обладает повышенной общественной опасностью, но склонность и вероятность совершения нового преступления устойчивы (высоки).

Исходя из представленной характеристики, можно выделить следующие направления предупреждения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 312 УК РФ:

1. Компетентное лицо, принимая решение о передаче имущества, подвергнутого описи или аресту, должно принимать во внимание наличие у лиц неснятых и непогашенных судимостей, а также факт возбужденного в их отношении уголовного дела. Вместе с тем следует обращать внимание на наличие у лиц, которым передается описанное или арестованное имущество, постоянного источника дохода.

2. Имущество виновного подвергается описи или аресту, преимущественно, в связи с совершением преступления или иного правонарушения. Это уже показывает определенную антиобщественную направленность его личности. Поэтому необходимы альтернативные варианты решения вопроса сохранения соответствующего имущества, нежели оставление его лицам, имеющим определенный потенциал общественной опасности.

Таким образом, для предупреждения преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 312 УК РФ, особо значима дифференцированная оценка свойств личности лица, которому вверяется определенное имущество.

Список источников

1. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997.
2. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.
3. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. пособие. М., 2008.
4. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973.
5. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.
6. Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
7. Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о демографических признаках, осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 6 месяцев 2019 г.» // Форма № 11.1 утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в редакции приказа от 30.05.2019 № 108).
8. Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о демографических признаках, осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 12 месяцев 2018 г.» // Форма № 11.1 Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в редакции приказа от 08.05.2018 № 75).
9. Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2017 г.» // Форма № 11 Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65.
10. Приговор Хлевенского судебного участка Задонского судебного района Липецкой области по делу № 1-5/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/jhiVvBdUpkx2/> (дата обращения: 26.02.2020).
11. Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 6 месяцев 2019 г.» // Форма № 11.2 утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в редакции приказа от 30.05.2019 № 108).
12. Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2018 г.» // Форма № 11.2 Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в редакции приказа от 08.05.2018 № 75).
13. Приговор от 28 августа 2019 года по делу № 1-18/2019 судебного участка № 6 Индустриального района г. Барнаула Алтайского края // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (ГАС Правосудие): официальный сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.02.2020).

14. Ведомственное статистическое наблюдение «отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» за 6 месяцев 2019 г. // Форма № 10.3 Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в редакции приказа от 30.05.2019 № 108).

15. Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» за 12 месяцев 2018 г. // Форма № 10.3 Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в редакции приказа от 08.05.2018 № 75).

References

1. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (1997) *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. A General Part]. Krasnoyarsk: [s.n.].

2. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Sverchkov, V.V. (2008) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal Law. General and Special Parts]. Moscow: Yurayt.

4. Karpets, I.I. (1973) *Nakazanie. Sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problem* [Punishment. Social, Legal and Criminological Problems]. Moscow: Yurid. lit.

5. Filimonov, V.D. (1971) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika* [Social danger of the offender's identity]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

6. Denisov, S.A. (2002) *Aktual'nye problemy ugovolnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv pravosudiya* [Topical problems of criminal liability for crimes against justice]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.

7. Russia. (2019a) *Vedomstvennoe statisticheskoe nablyudenie "Otchet o demograficheskikh priznakakh, osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy UK RF za 6 mesyatsev 2019 g."* [Departmental statistics "Report on the demographic characteristics of the convicted for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation for 6 months of 2019"]. Form No. 11.1, approved by Order No. 65 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2017 (as amended by Order No. 108 of May 30, 2019).

8. Russia. (2018a) *Vedomstvennoe statisticheskoe nablyudenie "Otchet o demograficheskikh priznakakh, osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy UK RF za 12 mesyatsev 2018 g."* [Departmental statistics "Report on demographic characteristics of the convicted of all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2018"]. Form No. 11.1, approved by Order No. 65 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2017 (as amended by order No. 75 of May 8, 2018).

9. Russia. (2017a) *Vedomstvennoe statisticheskoe nablyudenie "Otchet o sostave osuzhdennykh, meste soversheniya prestupleniya za 12 mesyatsev 2017 g."* [Departmental statistics "Report on the lineup of convicts and crime sights for 12 months of 2017"]. Form No. 11 Approved by Order No. 65 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2017.

10. Russia. (2017b) *Prigovor Khlevenskogo sudebnogo uchastka Zadonskogo sudebnogo rayona Lipetskoy oblasti po delu № 1-5/2017* [The verdict of the Khlevensky judicial district of the Zadonsk judicial district of Lipetsk Region in Case No. 1-5 / 2017]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/magistrate/doc/jhiVvBdUpkx2/> (Accessed: 26.02.2020)

11. Russia. (2019b) *Vedomstvennoe statisticheskoe nablyudenie "Otchet o kharakteristike prestupleniya, ego retsidiva i povtornosti po chislu osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 6 mesyatsev 2019 g."* [Departmental statistics "Report on the character of the crimes, its recurrence and repetition by the number of convicts for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation for 6 months of 2019"]. Form No. 11.2, approved by Order No. 65 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2017 (as amended by Order No. 108 of May 30, 2019).

12. Russia. (2018b) *Vedomstvennoe statisticheskoe nablyudenie "Otchet o kharakteristike prestupleniya, ego retsidiva i povtornosti po chislu osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 12 mesyatsev 2018 g."* [Departmental statistics "Report on the character of the crimes, its recurrence and repetition by the number of convicts for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2018"]. Form No. 11.2, approved by Order No. 65 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2017 (as amended by Order No. 75 of May 8, 2018).

13. Russia. (2019c) *Prigovor ot 28 avgusta 2019 goda po delu № 1-18/2019 sudebnogo uchastka № 6 Industrial'nogo rayona g. Barnaula Altayskogo kraya* [Sentence of August 28, 2019, in Case No. 1-18/2019 of Court District No. 6 of the Industrial District of Barnaul, Altai Territory]. [Online] Available from: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (Accessed: 20th February 2020).

14. Russia. (2019c) *Vedomstvennoe statisticheskoe nablyudenie "Otchet o vidakh nakazaniya po naibolee tyazhkomu prestupleniyu (bez ucheta slozheniya) za 6 mesyatsev 2019 g."* [Departmental statistics "Report on the types of punishment for the most serious crime (excluding addition) for 6 months of 2019"]. Form No. 10.3, approved by Order No. 65 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated April 11, 2017 (as in Order No. 108 of May 30, 2019).

15. Russia. (2018c) *Vedomstvennoe statisticheskoe nablyudenie "Otchet o vidakh nakazaniya po naibolee tyazhkomu prestupleniyu (bez ucheta slozheniya) za 12 mesyatsev 2018 g."* [Departmental statistics "Report on the types of punishment for the most serious crime (excluding addition) for 12 months of 2018"]. Form No. 10.3, approved by Order No. 65 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2017 (as in Order No. 75 of May 8, 2018).

Информация об авторах:

Антонов А.Г. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: antonovanton1@mail.ru

Денисов С.А. – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), полковник полиции (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: denisov_61@mail.ru

Кирьянов А.А. – преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, майор полиции (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: russtyle89@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.G. Antonov, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antonovanton1@mail.ru

S.A. Denisov, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antonovanton1@mail.ru

A.A. Kiryanov, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antonovanton1@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2020;
одобрена после рецензирования 15.02.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 23.10.2020;
approved after reviewing 15.02.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья

УДК 340

doi: 10.17223/22253513/43/3

К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье

Людмила Владимировна Гааг

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, gaaglv@mail.ru*

Аннотация. Исследован вопрос о возможности отнесения российской правовой системы к романо-германской правовой семье. Проведен анализ сходства и различий правовой системы России и правовых систем стран, относящихся к романо-германской правовой системе, по основным структурным элементам правовой системы: история возникновения и развития правовой системы, сущность, содержание и структура права, источники права, правовое сознание и правовая культура.

Ключевые слова: правовая система, правовая система России, романо-германская правовая семья

Для цитирования: Гааг Л.В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 32–40. doi: 10.17223/22253513/43/3

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/3

About the question of referring the Russian legal system to the Romano-Germanic legal family

Ludmila V. Haag

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, gaaglv@mail.ru

Abstract. Russian legal system is like the legal systems of the countries of the Romano-Germanic legal family on formal grounds. The Russian legal system, as well as the legal systems of the Romano-Germanic legal family, are characterized by such features as the influence of Roman law on the formation of the legal system; recognition of a normative legal act as the main source of law, among which the law occupies the supreme position; codification of the current legislation; division into public and private law and division of law into branches.

When writing the article, the author used the following methods: system analysis, dialectical, logical, comparative, analysis and synthesis, induction and deduction. She got the following results:

- the Romano-Germanic legal family developed regardless of the tendencies of increasing the centralization of power and the achievement of political goals;
- civilizational flows from Europe and Asia influenced the development of Russia. The Golden Horde also had a considerable influence. In society, relations of citizenship were established, as in the East, and not those of vassalage, as in the West. The main difference between the formation of Russian society and the West lies in the fact that in the Russian state there was a steady process of leveling the individual, destroying the autonomy of society and complete subordination of the subjects to the power of the Grand Duke and Tsar;
- the most important feature of the Romano-Germanic legal family is the reception of Roman law;
- Roman law had less influence on the Russian legal system;
- the peculiarity of historical development led to the differences in the essence, content and structure of Russian law and the legal systems of the Romano-Germanic legal family;
- the Romano-Germanic legal family is based on natural law. A clear division into private and public law and branch division is typical;
- the law in the countries of the Romano-Germanic legal system is considered as a means of maximally clear presentation of the rules of law based on natural law principles that ensure their uniform implementation and application;
- in the Russian legal system since the days of the USSR, the importance of a law was the most natural way of creating the law, which at the same time is identified with the will of the ruling class, which does not always meet the real needs of society, its level of development;
- a tendency to legal nihilism has always characterized legal consciousness in Russia;
- the presence of formal and legal similarities between the Russian legal system and legal systems of the Romano-Germanic legal family makes it possible to move toward their rapprochement not only in terms of formal but also on substantive characteristics.

Keywords: legal system, legal system of Russia, Romano-Germanic legal family

For citation: Haag, L.V. (2022) About the question of referring the Russian legal system to the Romano-Germanic legal family. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 32–40. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/3

Вопрос о месте российской правовой системы на современной юридической карте мира возник практически сразу после распада СССР. Несмотря на почти 20-летнее исследование, вопрос остается открытым и дискуссионным. Сегодня наиболее распространенной позицией относительно принадлежности российской правовой системы является ее отнесение к романо-германской правовой семье.

Если исходить из внешних характеристик, то с данным подходом трудно не согласиться. Так, для российской правовой системы, как и для правовых систем романо-германской правовой семьи, характерны такие особенности, как влияние римского права на формирование правовой системы; признание нормативно-правового акта основным источником права, среди которых верховное положение занимает закон; кодифицированность действующего законодательства; деление на публичное и частное право, отраслевое деление права.

Однако при более глубоком анализе указанных особенностей можно обнаружить различия на содержательном уровне между российской правовой системой и правовыми системами стран романо-германской правовой семьи.

Если обратиться к историческим корням, обуславливающим формирование, развитие и содержательные характеристики правовых систем, то уже здесь можно обнаружить существенные отличия.

Так, романо-германская правовая семья в своем историческом развитии не была продуктом деятельности феодальной государственной власти, а была продуктом культуры, независимым от политики. «Она сложилась на основе изучения римского права в итальянских, французских и германских университетах, создавших в XII–XVI вв. на базе Свода законов Юстиниана общую для многих европейских стран юридическую науку» [1. С. 179–180]. Произошел процесс, получивший название «рецепция римского права».

«Романо-германская правовая семья изначально набирала силу и развивалась безотносительно тенденций усиления централизации власти и осуществления каких бы то ни было политических целей. Ее фундаментом с самого начала служила общность культуры и традиций западноевропейских стран» [2. С. 320]. Основными средствами формирования и развития основ романо-германской правовой системы стали европейские университеты, где в XVII и XVIII вв. побеждает доктрина *естественного права*, которая ставит в центр любого общественного строя человека, подчеркивая его неотъемлемые «естественные права». Школа естественного права видела в праве творение человеческого разума, признанного отныне единственной направляющей право силой. Выдвижение на первый план разума как силы, творящей право, подчеркивало новую важную роль, отводимую закону, и открывало путь к кодификациям. Школа естественного права требовала, чтобы наряду с частным правом, основанным на римском праве, были выработаны и недостающие ей нормы публичного права, выражающие естественные права человека и гарантирующие свободу человеческой личности.

На развитие России оказывали влияние цивилизационные потоки, исходящие и из Европы, и из Азии. Немалое влияние оказала и Золотая Орда. «Уже к концу XV в. (при Иване III) сложилась неограниченная единоличная власть Московского князя. В обществе устанавливались отношения подданства, как на Востоке, а не вассалитета, как на Западе. Западный институт вассалитета предполагал отношения двух договаривающихся сторон, которые были связаны взаимными правами и обязанностями» [3. С. 108–109]. Во главе Русского государства стоял «Государь всея Руси», как стал именоваться Иван III. В своей деятельности он опирался на совет бояр, получивший название Боярской думы. Усложнение задач государственного управления привело к появлению новых органов – приказов, функциональных исполнительных учреждений, ведавших определенной частью государственных дел.

Управление на местах передавалось в руки бояр-наместников, которые за осуществление своих обязанностей получали «корм» от населения в

натуральной или денежной форме. Такая система, получившая название кормления, приводила к серьезным злоупотреблениям со стороны «кормленщиков» и вызывала протесты населения. Поэтому московские государи стремились ее ограничить. Одним из способов ограничения произвола стало укрепление системы права. В этих целях при Иване III разработали новый Судебник (1497 г.), устанавливающий единые правовые нормы ведения судопроизводства для всего Российского государства.

В основном в Судебнике 1497 г. содержатся нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Вместе с тем Судебник включает целый ряд норм гражданского права, регулирующих обязательства из договора купли-продажи, займа, найма, порядок наследования, разрешение земельных споров и др.

Главное отличие становления русского общества от Запада заключалось в том, что в Российском государстве шел неуклонный процесс нивелирования личности, уничтожения автономии общества и полного подчинения подданных власти великого князя и царя. Николай Михайлович Карамзин писал: «Ничто не удивляло так иностранцев, как самовластие государя Российского и легкость употребляемых им средств для управления землею. <...> Скажет, и сделано, – говорит барон Герберштейн, – жизнь, достояние людей, мирских и духовных, вельмож и граждан, совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо как в делах божества; ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли небесной» [4. С. 181].

Важнейшей особенностью романо-германской правовой семьи, соответственно правовых систем, относящихся к данной семье, является рецепция римского права. В отношении российской правовой системы данный вопрос является дискуссионным. Немало ученых, как дореволюционных (С.А. Муромцев, М.Ф. Владимирский-Буданов), так и современных, отрицают рецепцию римского права. В России, в отличие от стран Западной Европы, Азии и Латинской Америки, пишет Е.В. Салогубова, «никогда не имела место рецепция римского права в полном смысле этого слова и Дигесты никогда не были в ней действующим правом». Современные цивилисты в связи с этим, обобщив значительный эмпирический материал, вполне резонно замечают, что российское гражданское право «почти никогда не использовало напрямую законодательные решения римского права (подобно тому, как это сделал известный наполеоновский Code Civil, до сих пор формально действующий во Франции). Оно заимствовало прежде всего сами идеи, суть таких решений, вырабатывая на этой базе собственные юридические конструкции» [5. С. 173].

В то же время необходимо отметить, что римское право, его отдельные идеи и принципы оказали определенное влияние на российское право. В постсоветский период интерес к нему возрос в связи с процессом «либерализации». Но это не означает, в частности, по мнению М.Н. Марченко, идентичности «римских корней» российской и романо-германской право-

вых систем «поскольку: а) характер и степень воздействия римского права на российское и романо-германское право далеко не одинаковы и трудно сопоставимы: на первое оно лишь влияет, тогда как сущность, структуру, принципы деятельности и содержание второго оно предопределяет; б) формы воздействия римского права на российское и романо-германское право далеко не идентичны и не сопоставимы. В то время как механизм воздействия римского права на российское ограничивается в основном набором идей и принципов и лишь в отдельных случаях – норм и институтов, то в отношении романо-германского права в полной мере используется весь набор форм и средств воздействия» [2. С. 585]. Следует иметь в виду, что в основе римского права и права европейских стран, правовые системы которых относятся к романо-германской правовой семье, находятся схожие культурные традиции, менталитет, идеологические ценности.

Римское право является «родственным» по своей природе европейскому праву. И обратная ситуация складывается с российским правом. По отношению к нему римское право выступает скорее как «инородный элемент», который не всегда органично встраивается в сложившуюся правовую систему.

Таким образом, стоит согласиться с мнением М.Н. Марченко, который утверждал: «В силу сказанного аргумент о принадлежности или вхождении российского права в романо-германскую правовую семью на том основании, что они имеют общие “римские корни”, довольно уязвим и сомнителен. Можно и нужно говорить о сходстве, близости, наконец – о взаимном тяготении российского и романо-германского права на том основании, что они были подвержены, хотя и в разной степени, воздействию со стороны римского права, но никак – об их однородстве, а тем более – идентичности или единстве» [2. С. 586–587].

Своеобразие исторического развития обусловило отличия сущности, содержания и системы российского права и правовых систем романо-германской правовой семьи. Так, как было уже отмечено выше, в основе романо-германской правовой семьи лежит естественное право. Естественное право представляет собой обусловленную природной и социально-естественной средой совокупность объективных социальных ценностей и потребностей человеческого бытия (свобода, равенство, справедливость и т.д.), выступающих в виде правовых требований и прообразов юридических норм. Ядром естественного права в современном его понимании являются неотъемлемые права человека. Естественное право выступает выразителем «добра и справедливости», как считали римские юристы. Отсюда само происхождение слова «право» (jus) от слова «justitia», что переводится и как «справедливость». Находясь в основании западноевропейских правовых систем, естественно-правовые требования обуславливают формирование соответствующего позитивного права, выраженного в законодательстве, главной целью которого является обеспечение и защита естественных и неотъемлемых прав человека.

В основу российского права была положена воля главы государства. Особенно данное положение проявляется в период правления Петра I. Как писал Г.В. Вернадский, «начиная с Петра Великого, единственным источником права делается воля законодателя; это период правотворчества императорских указов...» [6. С. 11]. При этом воля государя не была связана никакими законами. Он нес ответственность только перед Богом. В воинском артикуле об этом сказано так: «Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен. Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять. И яко же о его величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако и о его величества царской супруге, и его государства наследии» [7. С. 329].

Данная тенденция сохранилась и в советский период, и на современном этапе формирования российской правовой системы.

Романо-германская правовая семья изначально отличалась четким делением на частное и публичное право. Здесь первоначально сложилась система частного права, направленная на обеспечение интересов отдельных субъектов (физических и юридических лиц), а публичное право формировалось как система, направленная на обслуживание и защиту частных интересов (во Франции уголовное право относится к частноправовой сфере).

В России изначально отсутствовало четкое деление на частное и публичное право. Данное деление с трудом приживалось в российской правовой системе. И публичное право либо поглощало, либо подавляло частнопровые отрасли.

В системе отраслей в российской правовой системе так и не сформировалась самостоятельная отрасль торгового права (коммерческого), нормы которой оказались поглощены гражданским правом. По мнению отечественных ученых, это свидетельствует о недостаточно развитом рынке, соответственно рыночных отношений и предпринимательства, отсутствии гарантий частной собственности и предпринимательской деятельности. И в романо-германской правовой семье, и в российской правовой системе основным источником права является нормативно-правовой акт, среди которых верховное положение занимает закон.

С формальной точки зрения здесь действительно прослеживается безусловное сходство, которое выражается в том, что и в странах континентальной Европы, и в России признается приоритет закона, в том числе и по отношению к судебному прецеденту. Более того, по мнению У. Батлера, правовые системы западных стран и России становятся слишком технократичными. Нормативно-правовые акты страдают избыточной детализацией, теряют связь с реальностью, законодательная терминология перестает быть по-

нятной обычному гражданину. Возрастает фрагментарность законодательства, оно стремительно увеличивается в объеме и быстрее начинает отражать интересы отдельных групп. Как следствие, работа судов состоит не в применении правовых принципов и норм, а в интерпретации формальной стороны правовых конструкций, что противоречит всякому здравому смыслу [8. С. 78–79].

Разница заключается в том, что закон в странах романо-германской правовой системы рассматривается как средство максимального ясного и четкого изложения норм права, базирующихся на естественно-правовых началах, обеспечивающего их единообразную реализацию и применение. В романо-германской правовой семье сложилось два противоположных направления формирования законодательства: первое отличается стремлением сделать законы как можно доступнее, второе предполагает максимальное использование профессионального юридического языка, что может усложнить его понимание. Тогда как «в российской правовой системе со времен СССР... значение закона усматривалось в том, что он является “наиболее естественным способом создания права, которое при этом отождествляется с волей правящих”, не всегда отвечающее реальным потребностям общества, реальному уровню развития общества» [2. С. 589].

Для российской правовой системы, в отличие от правовых систем стран романо-германской правовой семьи, характерны такие особенности, как избыточность законодательства (только в 2020 г. Государственная Дума РФ приняла 553 закона [9]), противоречивость, неустойчивость (постоянное внесение изменений).

Кодифицированность действующего законодательства как отличительная особенность романо-германской правовой семьи также присуща и российской правовой системе. Особо при этом подчеркиваются последовательность и преемственность процесса кодификации российского права на всех этапах его развития: от дореволюционного периода к советскому, а от советского – к постсоветскому.

С начала 1990-х гг. в российском праве идет достаточно активный процесс изменения содержания кодифицированных актов, что отражает коренные изменения в нашем обществе. Но этот процесс характеризуется нестабильностью, что является отличием от правовых систем романо-германского типа, где до сих пор действуют кодексы, принятые в XIX в., хотя и претерпевшие значительные изменения, например, Французский гражданский кодекс 1804 г. (Кодекс Наполеона).

Нестабильность обусловлена либо отсутствием ясного понимания, какую систему мы хотим построить, либо при внешних изменениях нежеланием проведения реальных кардинальных содержательных демократических перемен. Содержательное отличие российской правовой системы от правовых систем романо-германской правовой семьи можно выявить и на уровне таких элементов правовой системы, как правовое сознание и правовая культура.

В романо-германской правовой системе правовое сознание и правовая культура базируются на идеях свободы, естественных прав человека, осознании ценности позитивного права как социального института (закона), выступающего гарантией прав и свобод человека, равенства всех перед законом. Как следствие, законопослушность как характерная черта менталитета народов европейских стран, высокий уровень ответственности, гражданская активность (политичность) населения. Правовое сознание в России практически всегда характеризовалось склонностью к правовому нигилизму.

Сегодня в современной юридической литературе отмечается, что для общественного и правового сознания современной России также характерен «некоторый откат на позиции правового нигилизма, связываемый с “традиционализмом” и “антизападничеством”. Данная тенденция выражается в количественно увеличивающихся призывах к отказу от утвержденных в России правовых ценностей (изменению действующей Конституции и законодательства), появлении и распространении новых идеологических антиправовых разработок (например, национальных или религиозных концепций права, прав и свобод человека, авторитарно-тоталитарных концепций национального государства).

Происходит активное внедрение в общественное сознание и культивирование консервативных идей. Современный российский консерватизм — явление искусственное, политически обусловленное. По данным социальных исследований, большинство россиян отдают предпочтение стабильности, нежели свободе, безразличны к либеральным ценностям и не готовы отстаивать свои права и свободы [10. С. 8].

Таким образом, сложно утверждать, что российская правовая система органично вписывается в романо-германскую правовую семью. Но наличие формально-юридического сходства российской правовой системы и правовых систем романо-германской правовой семьи дает возможность двигаться в направлении их сближения не только по формальным, но содержательным характеристикам. Результатом такого развития станет формирование демократической правовой системы, основанной на общепризнанных естественно-правовых ценностях, ведущими среди которых являются неотъемлемые права человека, их гарантирование и защита.

Список источников

1. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение : академический учебник. М. : Норма-Инфра-М, 2021. 320 с.
2. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение : учебник. 2-е изд., перераб. М. : Проспект, 2013. 784 с.
3. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. 2-е изд., испр. и доп. Брянск: Курсив, 1996. 539 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. Т. 1 / под ред. А.Н. Сажарова. М. : Наука, 1989. 640 с.
5. Салогубова Е.В. Элементы римского права в российском судопроизводстве X–XVIII вв. // Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 173–179.

6. Вернадский Г.В. История права. СПб. : Лань, 1999. 175 с.
7. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М. : Юрид. лит., 1986. 511 с.
8. Батлер У.Э. Российская правовая система // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 73–80.
9. URL: duma.gov.ru/news/5041/ (дата обращения: 15.01.2022).
10. Лукьянова Е.Г. Правовая система России: современные тенденции развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 6. С. 6–12.

References

1. Saidov, A.Kh. (2021) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Law]. Moscow: Norma Infra-M.
2. Marchenko, M.N. (2013) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Law]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
3. Semennikova, L.I. (1996) *Rossiia v mirovom soobshchestve tsivilizatsiy* [Russia in the world community of civilizations]. 2nd ed. Bryansk: Kursiv.
4. Karamzin, N.M. (1989) *Ob istorii gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
5. Salogubova, E.V. (1999) *Elementy rimskogo prava v rossiyskom sudoproizvodstve X–XVIII vv.* [Elements of Roman law in Russian legal proceedings in the 10th–18th centuries]. *Drevnee pravo*. 1(4). pp. 173–179.
6. Vernadskiy, G.V. (1999) *Istoriya prava* [History of Law]. St. Petersburg: Lan'.
7. Mankov, A.G. (ed.) (1986) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Butler, U.E. (2015) *Rossiyskaya pravovaya sistema* [Russian legal system]. *Vestnik universiteta im. Kutafina – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 5. pp. 73–80.
9. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *Novosti* [News]. [Online] Available from: duma.gov.ru/news/5041/ (Accessed: 15th January 2022).
10. Lukyanova, E.G. (2016) *The legal system of russia: modern trends of development. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 6. pp. 6–12. (In Russian).

Информация об авторе:

Гааг Л.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gaaglv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Haag, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gaaglv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2021;
одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 25.09.2021;
approved after reviewing 27.12.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 343.01
doi: 10.17223/22253513/43/4

Конституционализация уголовного права: проблема определения объекта и субъекта правового процесса

Ольга Сергеевна Гузеева

Арбитражный суд Московской области, Москва, Россия, Olga3520@list.ru

Аннотация. Механизм конституционализации уголовного права в единстве его структурных и функциональных характеристик представляет собой систему действий, отражающих предопределенную разделением властей роль субъектов конституционализации, и систему их взаимодействия в общем процессе применения государством конституционных норм для регулирования уголовно-правовых отношений. Каждый структурный элемент этого механизма (парламент, президент, суды) обладает самостоятельной функцией, компетенцией и технологиями в деле воплощения конституционных стандартов в уголовно-правовом регулировании. Взаимодействие субъектов развивается постоянно и циклически, следуя логике опровержения презумпции конституционности деятельности государственных органов на этапах правотворчества и правоприменения, при том замыкает цикл Конституционный Суд РФ, как единственный орган, наделенный полномочиями по подтверждению или опровержению конституционности уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: конституция, уголовный закон, конституционализация уголовного права, механизм конституционализации уголовного права, объект отраслевой конституционализации, субъект отраслевой конституционализации

Для цитирования: Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права: проблема определения объекта и субъекта правового процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 41–54. doi: 10.17223/22253513/43/4

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/4

Constitutionalization of criminal law: the problem of defining the object and subject of the legal process

Olga S. Guzeeva

Arbitration Court of the Moscow Region, Moscow, Russian Federation, Olga3520@list.ru

Abstract. The constitutionalization of criminal law is a complex and multi-level process of translating constitutional ideas and values into criminal law and the practice of its application. This is a controlled and directed process, which, from the

point of view of its structural and functional analysis, presupposes the presence of a well-defined object of influence and subjects of constitutionalization. The object-subject characteristic of the constitutionalization of criminal law in branch science has not been studied. In the article, the author solves this urgent problem based on the application of a systematic approach within the framework of the implementation of the requirements of structural and functional analysis. The constitutionalization of criminal law is understood in this work as a process of substantive concretization of constitutional principles and standards in the practice of criminal law regulation. Proceeding from the fact that such regulation is an organic unity of the law and the practice of its application, the author, nevertheless, argues that the phenomenon of criminal law practice itself, as an element of the object of constitutionalization of criminal law, should be limited, excluding from its scope institutional and procedural characteristics of the practice, and leaving only its results in the form of the content, interpretation and meaning of the criminal law norms created by the parliament and applied by the court in a particular case. As a result, it is concluded that the object of constitutionalization in criminal law is precisely the criminal law norms expressed in the sources of law, which are given a particular interpretation in the process of law enforcement. When analyzing the subjects of the constitutionalization of criminal law, there is widespread opinion in science that this is exclusively the Constitutional Court of Russia is critically assessed. It is proved that, in addition to it, the subjects of constitutionalization are: parliament and courts of general jurisdiction. This made it possible to classify the subjects of constitutionalization, depending on the moment at which criminal regulation they are connected to ensure its constitutionality. "Primary" subjects of constitutionalization (parliament and court of general jurisdiction) carry out perspective constitutionalization, using constitutional principles and norms to regulate public relations, creating and applying criminal law norms. The Constitutional Court of the Russian Federation is empowered to carry out retrospective constitutionalization of the already declared legal matter through constitutional justice, which makes it possible to recognize it as a "secondary" subject of the constitutionalization of criminal law.

Keywords: constitutionalization of criminal law; restriction of human rights and freedoms; measures of a criminal-legal nature; criminal penalty; legal consequences of committing a crime; crime prevention measures

For citation: Guzeeva, O.S. (2022) Constitutionalization of criminal law: the problem of defining the object and subject of the legal process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 41–54. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/4

Конституционализация уголовного права может рассматриваться не только как констатация конституционного качества уголовного законодательства и практики его применения, но и, что важнее, как процесс реализации конституционных норм в сфере уголовно-правового регулирования. Он предполагает последовательное развертывание в тексте уголовного закона конституционных идей и принципов [1–4], а также применение уголовного закона в соответствии с конституционными началами регулирования уголовно-правовых отношений [5–8].

Представляется, что оптимальному познанию конституционализации уголовного права как процесса будет способствовать применение методологических возможностей структурно-функционального анализа, ибо

фундаментальные вопросы «что?», «кто?» и «как?» конституционализуют в сфере уголовного права и остаются на сегодняшний день в отраслевой науке принципиально неисследованными [9]. Однако, учитывая, что сам по себе механизм конституционализации уголовного права требует специального анализа¹, позволим себе в рамках настоящей публикации ограничиться исследованием объект-субъектной характеристики обозначенного процесса.

Надо признать, что в области конституционного права вопросы, связанные с определением объекта и субъекта отраслевой конституционализации, не получили развернутого анализа. Тем не менее здесь высказаны весьма важные тезисы, отталкиваясь от которых процесс конституционализации уголовного права может быть рассмотрен как относительно самостоятельное направление отраслевой конституционализации в единстве образующих его, порой специфичных, структурных и функциональных характеристик.

Так, в конституционно-правовой науке объект конституционализации описывается как полисоставной и многоохватный феномен. В.И. Крусс признает таковым все компоненты правовой системы общества: правовое сознание, систему права, юридические практики [10. С. 16].

О.Н. Шупицкая, вслед за ним, отмечает, что понятие конституционализации права распространяется не только на законодательство, но и на юридическую практику, правовое сознание и правовую культуру [11. С. 106]. Не оспаривая этих суждений, признаем, что применительно к проблематике конституционализации уголовного права они требуют некоторых ограничений и уточнений. Должно быть очевидно, что правовая культура и правовое сознание, как не имеющие отраслевой специфики феномены, не могут быть предметом специальной деятельности по конституционализации уголовного права. Другое дело – законодательство и юридическая практика. Их намеренная конституционализация обеспечит не только правовой характер уголовно-правовой деятельности, но и содержательное наполнение социально-психологических и культурологических компонентов права.

¹ Лишь в самых общих чертах заметим, что парламент, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ в общем деле обеспечения правового, конституционного характера уголовного законодательства и практики его применения выполняют каждый свою роль, предопределенную функциональным назначением государственного органа и его компетенцией. Механизм конституционализации уголовного права в каждом из этих сегментов весьма специфичен. Представляется, что в процессе его анализа необходимо четко дифференцировать два основных направления. Первое (назовем его условно институциональным) предполагает изучение тех приемов и способов, при помощи которых субъекты конституционализации (парламент, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ) обеспечивают воплощение в уголовном праве норм и ценностей Конституции страны. Второе (его также условно можно назвать содержательным) предполагает анализ влияния конституционных положений на уголовно-правовые предписания и уголовно-правовые отношения.

Однако в понимании уголовного законодательства и уголовно-правовой практики в нашей отраслевой науке, как известно, нет единого подхода. Не углубляясь в детальное обсуждение этих вопросов, обозначим лишь кратко свою исходную позицию по данному вопросу.

Во-первых, выразим солидарность с теми специалистами, которые, трактуя понятие «уголовное законодательство», не ограничивают его объем исключительно УК РФ, но признают полиисточниковый характер отрасли уголовного права [12–15]. В принципе, любой источник уголовного права (чтобы под ним не понимать), поскольку он по определению содержит отраслевые правовые нормы, должен отражать, поддерживать и развивать конституционные установления, имеющие отношение к вопросам уголовно-правового регулирования. Некоторые теоретические сложности могут возникнуть в связи с тем, однако, что далеко не все источники уголовного права могут подлежать конституционному нормоконтролю со стороны Конституционного Суда РФ как одного из главных субъектов конституционализации права, а вопрос о проверке законности иных источников, напротив, не может быть разрешен в общем судебном порядке и требует обязательного обращения в Конституционный Суд РФ. Проблема эта, разумеется, в большей степени касается компетенции Конституционного Суда РФ, которая, кстати, существенно расширилась за счет возможности толкования на предмет соответствия Конституции России решений Европейского суда по правам человека. Применительно к нашей теме полагаем достаточным указать, что в любом случае, даже если какой-то источник уголовного права не может составлять предмет конституционного обжалования сам по себе, он по причине наличия прямой нормативной связи непосредственно с текстом УК РФ (который только и определяет преступность и наказуемость общественно опасных деяний) может быть вовлечен в орбиту конституционной оценки, поскольку предопределяет практику применения самого уголовного закона, проверка конституционности которого, в свою очередь, не может быть осуществлена без учета смысла, приданного ему иным источником уголовного права. Таким образом, можем констатировать, что объектом конституционализации в сфере уголовного права могут и должны выступать все без исключения отраслевые источники, что, однако, не исключает различий и особенностей в самом механизме их конституционализации.

Во-вторых, что касается юридической практики в области уголовного права (или уголовно-правовой практики). Заметим, что само это понятие и скрывающийся за ним феномен относятся к числу совершенно малоразработанных в науке, хотя и имеют большой эвристический потенциал. Касаясь его лишь косвенно, в связи с темой настоящего исследования, заметим, что в отраслевом аспекте конституционализация уголовно-правовой практики требует существенно ограничительного толкования.

Юридическая практика в области уголовного права, как известно, может быть правотворческой и правоприменительной. Субъекты, компетенция, процедуры и результат их деятельности в каждой из этих практических сфер должны соответствовать конституционным установлениям и принципам. При этом очевидно, что из сферы анализа специалистов в области уголовного права, акцентирующих внимание на проблемах отраслевой конституционализации, некоторые важные аспекты юридической практики исключаются.

Так, исключается проблематика конституционализации парламента, судов и органов правоприменения как ключевых субъектов юридической практики [16, 17], несмотря на всю принципиальную важность их легитимности для обеспечения режима конституционной законности в уголовно-правовых отношениях.

Далее: результаты практики в виде нормативных текстов и правоприменительных решений имеют различное отношение к предмету конституционализации. Если первые относятся к нему напрямую, составляя элемент системы источников уголовного права, то вторые, по нашему представлению, априори не могут быть предметом конституционализации, но способны лишь воплощать в себе отраженные в источниках уголовного права конституционные идеи и принципы.

С учетом изложенного можно констатировать, что феномен уголовно-правовой практики как элемент объекта конституционализации уголовного права в отраслевых исследованиях вполне отчетливо ограничивается, исключая из своего объема институциональные и процедурные характеристики практики и оставляя лишь ее результаты в виде содержания, толкования и смысла созданных парламентом и примененных судом в том или ином конкретном деле уголовно-правовых норм.

Отсюда можно сделать первый обобщенный вывод о том, что с точки зрения организации отраслевого, уголовно-правового исследования проблемы конституционализации уголовного права, ***объектом конституционализации могут выступать лишь сами уголовно-правовые нормы, выраженные в источниках права и примененные (или подлежащие применению) судом.***

Здесь важно уточнить, что речь идет об объекте конституционализации как объекте реального, фактического процесса. Оценивать конституционность уголовно-правовых норм и практик можно, безусловно, отвлеченно от той или иной реальной ситуации. Но такая оценка будет подчеркнута теоретической, результаты ее будут иметь лишь доктринальное значение, мало отражаясь в практике. С позиции совершенствования правовой системы важнее смотреть на конституционализацию как на реальный процесс, близкий по своему характеру правовому регулированию. И здесь объектом конституционализации будет выступать именно реальная, фактическая ситуация.

Такое понимание объекта предопределяет решение взаимообусловленных вопросов, связанных с установлением круга субъектов и форм конституционализации уголовного права. Полагаем самоочевидным тот факт, что конституционализация уголовно-правовых норм и практик требует в предварительном порядке, чтобы подлежащие отражению в них конституционные нормы, принципы, ценности, смыслы были, во-первых, названы, а во-вторых, содержательно «развернуты» и облечены в вербальные конструкты. Но тут возникает принципиальный вопрос о том, кто наделен правом интерпретации конституционных норм в разрезе регулирования тех или иных отраслевых (в частности, уголовно-правовых) отношений. Он особенно важен в связи с тем, что уголовное законодательство находится в ведении федерального законодателя (парламента), а применение уголовного закона, равно как и иных источников уголовного права, а также Конституции Российской Федерации в силу ее прямого действия, – в компетенции суда.

Парламент, по определению, должен реализовывать в принимаемых им нормативных правовых актах конституционные идеи. Это вытекает из его конституционного предназначения и правила всеобщности действия Конституции страны. Тезис этот подтверждается и конституционными презумпциями деятельности парламента, в частности:

- презумпцией конституционности положений федерального законодательства¹;
- презумпцией, в силу которой любой официально-властный акт уполномоченного публично-правового субъекта отвечает требованиям законности²;
- презумпцией добросовестности и разумности действий конституционных органов³;

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2001 № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Поволжском федеральном округе об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 2059.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапланова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 4.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 5.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД “О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан”» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 3059.

– презумпцией добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам¹.

В силу этого уже на этапе разработки и принятия уголовно-правовых норм вопрос об их соответствии Конституции Российской Федерации должен быть не просто поставлен, но и всесторонне проанализирован. Отсюда надо признать, что **парламент есть субъект, ответственный за конституционный характер уголовно-правовых норм**, иными словами – субъект конституционализации отрасли уголовного права.

Другое дело, что в силу различных причин (изучение которых выходит за пределы нашего анализа и составляет предмет самостоятельного исследования) результат деятельности парламента не отражает, не полностью или ошибочно отражает конституционные идеи уголовного права. В подобной ситуации, вне зависимости от того, применяется или не применяется на практике уголовный закон, создается реальная угроза конституционному правопорядку в виде наличия нормы, потенциально неконституционной. Теоретически существует возможность исключить такую норму из правовой системы страны до момента, когда возникнет потребность или возможность ее применения. Речь идет, в частности, об институте предварительного конституционного контроля парламентских актов. Пример функционирования подобного института демонстрирует правовая система Республики Беларусь².

Белорусские специалисты признают, что, осуществляя предварительный конституционный контроль законов, принятых парламентом, Конституционный Суд не только предупреждает появление в законодательстве норм, противоречащих Основному закону государства и вступающих в коллизию с иными нормативными правовыми актами, но также излагает правовые позиции, имеющие своей целью выявление конституционно-правового смысла положений рассмотренных законов с точки зрения норм и принципов Конституции, что способствует в дальнейшем единообразному пониманию и применению истолкованных нормативных предписаний [18. С. 82; 19. С. 202].

В России, как известно, до 2020 г. Конституционный Суд был лишен возможности осуществлять предварительный конституционный контроль.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления” и Закона Корякского автономного округа “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе” в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

² Закон Республики Беларусь от 08.01.2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве». URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400124> (дата обращения: 03.12.2019).

Согласно Закону «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹, он проверял конституционность уголовных законов лишь в двух ситуациях: по жалобам граждан, если он фактически применен в том или ином конкретном деле, или по запросам судов, если он подлежит применению при разрешении дела. Таким образом, в отечественной правовой системе была реализована концепция «последующего конституционного контроля», что не исключало существования «в спящем виде» неконституционных уголовно-правовых норм. Считалось, что до тех пор, пока не возникнет необходимость их применения или же они не будут применены, угроза конституционному порядку существует лишь абстрактно, в потенциальном виде, в силу отмеченных выше презумпций добросовестности и конституционности парламента.

Однако в 2020 г. ситуация была принципиально изменена. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”», конкретизируя предписания обновленной Конституции РФ, не только расширил спектр нормативных актов, которые могут быть непосредственно рассмотрены в Конституционном Суде на предмет соответствия Конституции России, но и установил правило, согласно которому Суд, среди прочего, получил полномочия по запросу Президента РФ проверять конституционность проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также законов, принятых в порядке, предусмотренном ч. 2 и 3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции РФ, до их подписания Президентом РФ.

Такое решение законодателя еще не было апробировано на практике, да и в науке не сложилось его детального понимания и оценки. С одной стороны, безусловно, оно создает дополнительные и важные гарантии конституционной законности, подчеркивает конституционную роль Президента РФ в качестве «гаранта Конституции». С другой стороны, оно «втягивает» и Президента РФ, и Конституционный Суд РФ в законодательный процесс, что создает новую конфигурацию воплощения принципа разделения властей; и кроме того, корректирует представления о самом Конституционном Суде РФ как органе правосудия, рассматривающим споры о Конституции РФ. Как бы то ни было, оформившееся решение дает все основания к тому, чтобы Президента РФ включить в круг субъектов конституционализации права, в том числе и уголовного.

Не обсуждая достоинств и недостатков различных моделей организации конституционной юстиции, заметим, что в любом случае абстрактный конституционный контроль не предопределяет конституционности всей по-

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

следующей правоприменительной практики, связанной с воплощением предписаний закона, прошедшего предварительную конституционную экспертизу. В ситуации, связанной с фактическим применением потенциально неконституционной уголовно-правовой нормы, «на страже» конституционного порядка стоит судебная система. Согласно ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации, судьи подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, а сама Конституция в силу ч. 1 ст. 15 имеет прямое действие. Однако в силу особенностей строения судебной системы возникает непостоянство с теоретической точки зрения вопрос о том, какие именно суды и в какой форме выступают и могут ли выступать субъектами конституционализации уголовного права. С одной стороны, в РФ провозглашен принцип единства судебной системы, которая обеспечивается в том числе посредством применения всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ (ст. 3 Закона «О судебной системе Российской Федерации»¹); с другой стороны, решение вопросов о конституционности того или иного акта – исключительная прерогатива Конституционного Суда РФ.

Отсюда в правовой науке применительно к конституционализации правовой системы через деятельность судов сформировалось два основных подхода. Некоторые специалисты признают две формы конституционализации права: через призму деятельности Конституционного Суда РФ посредством его решений и посредством прямого действия Конституции Российской Федерации либо же только посредством проверочной практики Конституционного Суда РФ. Другие же субъектом конституционализации признают только Конституционный Суд РФ. Причем, как показывает анализ, вторая позиция является наиболее распространенной.

«Единственным безоговорочно легитимным субъектом конституционализации национальной правовой системы страны выступает Конституционный Суд РФ, результаты деятельности которого определяют актуальное “приращение” материи позитивного права и решающим образом обеспечивают необходимое для целей правового регулирования ее оформление. <...> Не может (не вправе) кто-либо кроме Конституционного Суда РФ, решать либо “предрешать” вопрос о конституционности тех или иных правовых установлений, содержание которых всегда предопределено на конституционном уровне» [20. С. 104–109].

К этому же выводу приходят наши отраслевые специалисты Л.В. Головкин [21] и А.В. Елинский. Последний связывает конституционализацию

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

уголовного права с выполнением конкретных решений, принятых Конституционным Судом РФ, и обеспечением соответствия УК РФ общим требованиям, которые в этих решениях сформулированы [22. С. 35–37].

Признавая качество представленных авторами аргументов, нельзя не заметить, что при таком подходе не учитываются упомянутые предписания о прямом действии Конституции Российской Федерации, а также цели уголовного судопроизводства, обозначенные в ст. 6 УПК РФ. Защита прав и свобод человека составляет главное назначение, цель деятельности судов при разрешении уголовных дел. И руководствуются суды в достижении этой цели, в первую очередь, предписаниями Конституции страны. Применяя тот или иной закон, суд дает ему развернутое толкование, в том числе системное и аксиологическое, определяя взаимосвязь с иными, в том числе конституционными нормами и выявляя не только буквальное, но и ценностное содержание нормы, ее конституционное назначение. Тем самым **суд очевидным образом включается в число субъектов конституционализации уголовного права** и его решение, в силу презумпции добросовестности и разумности действий конституционных органов, должно по определению соответствовать конституционным стандартам.

Ограничивая круг субъектов конституционализации права только и исключительно Конституционным Судом РФ, исследователи, как представляется, не вполне учитывают содержание самого процесса конституционализации. Суть его в том, чтобы принимаемый уголовный закон и его применение в конкретном деле соответствовали конституционным нормам и ценностям. Следовательно, и парламент, и суды общей юрисдикции ответственны за обеспечение конституционного содержания уголовного права. Другое дело, что презумпции добросовестности, разумности, конституционности, соответствия общим принципам права в деятельности и парламента, и судов являются опровержимыми, поскольку в процессе их функционирования могут возникать явления, получившие в науке определение «конституционная деформация» [23. С. 45].

Констатировать наличие конституционных деформаций и опровергнуть изложенные презумпции в исследуемой нами части функционирования государственных органов может только Конституционный Суд РФ. Правом же на сомнение обладают, с одной стороны, суды общей юрисдикции, ставя вопрос о конституционности уголовного закона, подлежащего применению, а с другой – граждане, жалующься на неконституционный характер примененного к ним уголовного закона.

В итоге создается в целом вполне стройная, логическая схема, соответствующая общим принципам теории разделения властей и современным представлениям о равновеликом статусе человека и государства в их публично-правовых отношениях. Суды «сдерживают» возможность применения принятых парламентом уголовно-правовых норм, которые, по их мнению, не обладают конституционными свойствами, а граждане оспаривают

конституционность результатов деятельности государственных органов, принявших и применивших в конкретном деле уголовно-правовые нормы, по их мнению, не соответствующие Конституции страны.

Решающее слово в этих спорах, как было отмечено, принадлежит Конституционному Суду РФ. Но это вовсе не снимает с парламента и судов общей юрисдикции обязанности уяснять конституционный смысл создаваемых и применяемых уголовно-правовых норм, не лишает их статуса субъектов конституционализации уголовного права. Напротив, можно утверждать о том, что эти органы выступают «первичными» субъектами конституционализации, тогда как ошибки их деятельности устраняются органом конституционного правосудия.

В зависимости от уровня субъекта конституционализации уголовного права можно выделить две ее основные формы. «Первичные» субъекты осуществляют так называемую перспективную конституционализацию, используя конституционные принципы и нормы для регулирования тех или иных общественных отношений, создавая и применяя в том числе уголовно-правовые нормы. Конституционный Суд РФ наделен эксклюзивными полномочиями в осуществлении ретроспективной конституционализации уже продекларированной правовой материи посредством конституционной юстиции.

Это, разумеется, не умаляет роли и значения Конституционного Суда РФ, не сводит его исключительно к проверочной инстанции. Формулируя конституционно-правовые положения, связанные с фабулой конкретного разбирательства, Конституционный Суд РФ дает такое толкование конституционных норм и выявляет такой конституционный смысл уголовно-правовых предписаний, которые не только сохраняют свое значение для всех иных аналогичных дел (как уже рассмотренных, так и находящихся в стадии рассмотрения и тех, что только будут рассматриваться), но обладают, по сути своей, правоустановительным значением. Речь идет о том, что правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ, выступают ориентиром в правотворчестве и правоприменении. Их значение выходит за рамки казуса, ставшего предметом рассмотрения, а сами позиции распространяются на все аналогичные случаи, т.е. на нормативные правовые акты, содержащие подобные положения, по которым была принята правовая позиция, а также на вновь принимаемые нормативные акты, содержащие подобные положения [24. С. 99–100].

В этом специфика конституционализации уголовного права, осуществляемой Конституционным Судом РФ. Она, будучи инициированной в ретроспективном отношении, задает направление будущим, потенциально возможным уголовно-правовым нормам, формирует конституционное мировоззрение и правопонимание, необходимые для создания, а равно толкования и оценки действующих (но не проверенных Конституционным Судом РФ) норм. Позиции Конституционного Суда РФ наполняют интеллектуальное и правовое пространство необходимой информацией, восприятие

содержания которой является обязанностью субъектов правотворчества и правоприменения, которые, в свою очередь, призваны привести в соответствие с мнением Конституционного Суда РФ свою актуальную и потенциальную деятельность.

Список источников

1. Barak A. The Constitutionalization of the Israeli Legal System as a Result of the Basic Laws and its Effect on Procedural and Substantive Criminal Law // *Israel Law Review*. 1997. № 31 (1-3). P. 3–23. doi: 10.1017/S0021223700015223
2. Bilionis L.D. Process, the Constitution, and Substantive Criminal Law // *Michigan Law Review*. 1998. Vol. 96, № 5. P. 1269–1334. doi: 10.2307/1290179
3. Brownstein A. The Constitutionalization of Self-Defense in Tort and Criminal Law, Grammatically-Correct Originalism, and Other Second Amendment Musings // *Hastings Law Journal*. 2009. Vol. 60, Is. 6. P. 1205.
4. Cédras J. La constitutionnalisation de la procédure pénale en France et aux États-Unis // *Revue internationale de droit pénal*. 2011. № 82 (3). P. 445–456. doi: 10.3917/ridp.823.0445
5. Dubber M.D. Criminal Justice in America: Constitutionalization Without Foundation (March 16, 2012). URL: <https://ssrn.com/abstract=2024942> (available at 20.01.2020).
6. Merita Kettunen Legitimizing European Criminal Law. Springer International Publishing, 2020. P. XIII, 278.
7. Philip L. La Constitutionnalisation du droit pénal français // *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 1985. № 4. P. 711–723.
8. Lazerges Ch. La question prioritaire de constitutionnalité devant le Conseil constitutionnel en droit pénal: entre audace et prudence // *Dans Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 2011. № 1. P. 193–207.
9. Singelstein T. Zur Konstitutionalisierung im Strafrecht // *Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul*. 2011. Vol. XLIII, № 60. P. 33–45.
10. Крыс В.И. Конституционализация права: основы теории. М. : Норма-Инфра-М, 2017. 239 с.
11. Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // *Юридический вестник ДГУ*. 2018. Т. 28, № 4. С. 105–113.
12. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 184 с.
13. Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект). Саратов: Саратов. гос. академия права, 2007. 168 с.
14. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015. 502 с.
15. Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2003. № 5. С. 64–75.
16. Кузьмин А.Г. Конституционализация правосудия и арбитражная судебная практика в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 57 с.
17. Ульянов А.Ю. Конституционализация института прокуратуры как закономерный этап развития российской государственности // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2016. № 3 (21). С. 90–99.
18. Козырева Л.Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда на правоприменительную практику в экономической сфере // *Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь*. 2012. № 3. С. 82–87.
19. Сеницына А.М. Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в обеспечении конституционализации нормотворчества и правоприменения // *Вестник Полоцкого Государственного Университета*. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2018. № 6. С. 202–206.

20. Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2012. № 31. С. 104–119.
21. Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. № 12. С. 83–94.
22. Елинский А.В. Некоторые направления конституционализации российского уголовного законодательства с точки зрения разработки проекта нового Уголовного кодекса // Юридический мир. 2012. № 4 (184). С. 35–38.
23. Никитина А.В. Понятие и виды конституционных дефектов // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Междуна. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита : Молодой ученый, 2017. С. 40–45.
24. Кукушкин А.А. Правовая позиция Конституционного Суда РФ: сущность, юридические признаки и процессуальные формы // Актуальные проблемы Российского права. 2009. № 1. С. 96–102.

References

1. Barak, A. (1997) The Constitutionalization of the Israeli Legal System as a Result of the Basic Laws and its Effect on Procedural and Substantive Criminal Law. *Israel Law Review*. 31(1-3). pp. 3–23. DOI: 10.1017/S0021223700015223
2. Bilonis, L.D. (1998) Process, the Constitution, and Substantive Criminal Law. *Michigan Law Review*. 96(5). pp. 1269–1334. doi: 10.2307/1290179
3. Brownstein, A. (2009) The Constitutionalization of Self-Defense in Tort and Criminal Law, Grammatically-Correct Originalism, and Other Second Amendment Musings. *Hastings L.J.* 60(6). p. 1205.
4. Cédras, J. (2011) La constitutionnalisation de la procédure pénale en France et aux États-Unis. *Revue internationale de droit pénal*. 82(3). pp. 445–456. DOI: 10.3917/ridp.823.0445
5. Dubber, M.D. (2012) *Criminal Justice in America: Constitutionalization Without Foundation (March 16, 2012)*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2024942> (Accessed: 20th January 2020).
6. Kettunen, M. (2020) *Legitimizing European Criminal Law*. Springer International Publishing.
7. Philip, L. La (1985) Constitutionnalisation du droit pénal français. *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 4. pp. 711–723.
8. Lazerges, Ch. (2011) La question prioritaire de constitutionnalité devant le Conseil constitutionnel en droit pénal: entre audace et prudence. *Dans Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 1. pp. 193–207.
9. Singelstein, T. (2011) Zur Konstitutionalisierung im Strafrecht. *Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul*. XLIII(60). pp. 33–45.
10. Kruss, V.I. (2017) *Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii* [Constitutionalization of Law: The Foundations of Theory]. Moscow: Norma-INfra-M.
11. Shupitskaya, O.N. (2018) Konstitutsionalizatsiya prava i pravovaya sistema [Constitutionalization of law and the legal system]. *Yuridicheskii vestnik DGu*. 28(4). pp. 105–113.
12. Kaysin, D.V. (2005) *Istochniki ugovolno-pravovoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Sources of the Criminal Law of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Kopsheva, K.O. (2007) *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii i ego osnovaniya (teoreticheskiy aspekt)* [Criminal legislation of the Russian Federation and its foundations (the theoretical aspect)]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
14. Obrazhiev, K.V. (2015) *Sistema formal'nykh (yuridicheskikh) istochnikov Rossiyskogo ugovolnogo prava* [The system of formal (legal) sources of Russian criminal law]. Moscow: YurLitinform.
15. Pudovochkin, Yu.E. (2003) *Istochniki ugovolnogo prava Rossiyskoy Federatsii* [The sources of criminal law of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 5. pp. 64–75.

16. Kuzmin, A.G. (2016) *Konstitutsionalizatsiya pravosudiya i arbitrazhnaya sudebnaya praktika v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutionalization of Justice and Arbitration Judicial Practice in the Russian Federation]. Abstract Law Dr. Law. Ekaterinburg.

17. Ulianov, A.Yu. (2016) Constitutionalization of the Prosecutor's office as a naturally determined stage of the Russian statehood development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3(21). pp. 90–99. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/21/10

18. Kozyreva, L.G. (2012) Vliyanie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda na pravoprimenitel'nyuyu praktiku v ekonomicheskoy sfere [Influence of the legal positions of the Constitutional Court on law enforcement practice in the economic sphere]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'*. 3. pp. 82–87.

19. Sinitsyna, A.M. (2018) Rol' Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus' v obespechenii konstitutsionalizatsii normotvorchestva i pravoprimeneniya [The role of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in ensuring the constitutionalization of rule-making and law enforcement]. *Vestnik Polotskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 6. pp. 202–206.

20. Kruss, V.I. (2012) Ponyatie, aktual'nost' i formy konstitutsionalizatsii prava [The concept, relevance and forms of constitutionalization of law]. *Vestnik TvGU: seriya "Pravo"*. 31. pp. 104–119.

21. Golovko, L.V. (2013) Konstitutsionalizatsiya rossiyskogo ugolovnogo protsessa: mezhdu lozungami i real'nost'yu [Constitutionalization of the Russian criminal process: between slogans and reality]. *Gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 83–94.

22. Elinskiy, A.V. (2012) Certain directions of constitutionalization of the Russian criminal law from the viewpoint of elaboration of Draft New Criminal Code. *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 4(184). pp. 35–38. (In Russian).

23. Nikitina, A.V. (2017) Ponyatie i vidy konstitutsionnykh defektov [The concept and types of constitutional defects]. *Aktual'nye vo-prosy yuridicheskikh nauk* [Topical Issues of Legal Studies]. Proc. of the Third International Conference. Chita, April, 2017. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 40–45.

24. Kukushkin, A.A. (2009) Pravovaya pozitsiya Konstitutsionnogo Suda RF: sushchnost', yuridicheskie priznaki i protsessual'nye formy [Ratio decidendi of the Constitutional Court of the Russian Federation: essence, legal features and procedural forms]. *Aktual'nye problemy Rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 1. pp. 96–102.

Информация об авторе:

Гузеева О.С. – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Московской области (Москва, Россия). E-mail: Olga3520@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.S. Guzeeva, Arbitration Court of the Moscow Region (Moscow, Russian Federation). E-mail: Olga3520@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021;
одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 02.03.2022.

The article was submitted 12.05.2021;
approved after reviewing 18.09.2021; accepted for publication 02.03.2022.

Научная статья
УДК 342.8
doi: 10.17223/22253513/43/5

Антимонопольный комплаенс как обстоятельство, смягчающее административную ответственность

Александр Юрьевич Кинев

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия, kinev@rambler.ru*

Аннотация. Анализируются проблемы административного комплаенса. Данный вопрос исследуется в контексте обстоятельств, смягчающих административную ответственность. Дана оценка роли источников правового регулирования и стандартов, опосредующих формирование системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, и практика его внедрения.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольное законодательство, антимонопольный комплаенс

Для цитирования: Кинев А.Ю. Антимонопольный комплаенс как обстоятельство, смягчающее административную ответственность // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 55–68. doi: 10.17223/22253513/43/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/5

Antimonopoly compliance as a circumstance which mitigates administrative responsibility

Alexander Yu. Kinev

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, kinev@rambler.ru

Abstract. The article deals with administrative compliance; the author studies this issue in circumstances which mitigate administrative responsibility. An assessment of the role of sources of legal regulation and standards mediating the formation of a system of internal compliance with the requirements of antimonopoly legislation and the practice of its implementation is given.

When writing the article, the author examined the content of certain issues under the jurisdiction of the Federal Antimonopoly Service in terms of implementing its administrative and tort powers. An analysis of their content is carried out; the problems of practical importance, including an assessment of administrative compliance, are identified. The author used the following methods: system analysis, dialectical, logical, comparative, analysis and synthesis, induction and deduction.

The following results were got:

- mitigation of administrative liability creates a tangible legal incentive, while not restricting the effectiveness of administrative punishment, and an economic entity is given the opportunity to invest in the implementation of the compliance system for its improvement. The antimonopoly compliance can exclude the liability of the subject, provided that it implements all measures to prevent a violation;

- organization of the antimonopoly compliance system should contribute to improving the efficiency and success of the activities of an economic entity at the expense of introducing a risk-oriented approach. The introduction of antimonopoly compliance can contribute to the increasing of the level of legality and success of the activities of an economic entity, and in the future antimonopoly compliance will be one of the most effective mechanisms for implementing state policy in ensuring law and order and legality, but a full assessment of the effectiveness of its application can be given only over time;

- antimonopoly compliance will always be in demand, since management decision-making is carried out in the prism of assessing their impact on competition. There is also a simulation of the consequences, excluding violations of legislation, i.e. the subject acts already within the framework of the agreed antimonopoly policy;

- adoption of the act on antimonopoly compliance does not mean its full functioning. Its adoption is followed by a whole range of elements of its implementation, enshrined in methodological recommendations (development of a risk map and of an action plan to reduce violations of antimonopoly legislation, as well as several other constituent parts of the system).

Keywords: competition, antimonopoly legislation, antimonopoly compliance

For citation: Kinev, A.Yu. (2022) Antimonopoly compliance as a circumstance which mitigates administrative responsibility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 55–68. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/5

Антимонопольный комплаенс является одной из наиболее обсуждаемых тем в сфере антимонопольного регулирования в последние годы. Если обратиться к опыту зарубежных стран, то его анализ показывает, что антимонопольный комплаенс – один из самых действенных способов предупреждения антимонопольных правонарушений.

Комплаенс (англ. compliance – соответствие) – соблюдение, действие в соответствии с запросом или указанием. То есть комплаенс в широком смысле представляет собой соответствие каким-либо внутренним или внешним требованиям или нормам. Формирование комплаенса в том виде, который мы знаем сейчас, началось в Соединенных Штатах Америки в 1960–1970-х гг. В Российской Федерации впервые статус системы комплаенс был обозначен в Указании Банка России от 07.07.1999 № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» [1]. Строго унифицированного определения комплаенса нет.

Внедрение указанного института до недавнего времени имело цель предотвратить нарушения антимонопольного законодательства, а как следствие – снизить риски привлечения к ответственности. Но с принятием По-

становления Правительства РФ от 01.03.2018 № 213 «Об утверждении критериев отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих экономическую деятельность, к категориям риска при осуществлении государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства Российской Федерации» [2] начал проследиваться эффект от внедрения антимонопольного комплаенса.

Обратимся к антимонопольному законодательству Российской Федерации. Оно основано на положениях Конституции РФ [3], которая устанавливает запрет на экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34), и Гражданского кодекса РФ [4], предусматривающего запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке (ст. 10). В развитие указанных принципов принят Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5] (далее – Закон о защите конкуренции), который, в частности, установил: в том числе антимонопольные требования как для товарных, так и для финансовых рынков; унифицировал понятийный аппарат в сфере антимонопольного регулирования; детализировал запреты на злоупотребление доминирующим положением, а также антиконкурентные соглашения и согласованные действия; ввел антимонопольные требования к торгам; регламентировал порядок рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства. В связи с принятием данного закона были разработаны Разъяснения ФАС России от 02.07.2021 № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 02.07.2021 № 4) [6].

До 2020 г. законодательно закрепленного определения понятия «антимонопольный комплаенс» не содержалось. Федеральный закон о защите конкуренции ввел термин «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства». Данный закон в ст. 9.1 закрепил понятие «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», а также порядок и требования к его организации. Помимо этого, предусматривается право внедрения хозяйствующими субъектами антимонопольного комплаенса, а также перечень требований к внутреннему акту антимонопольного комплаенса и возможность его согласования с Федеральной антимонопольной службой России.

После законодательного закрепления к данному виду системы менеджмента ФАС России в 2021 г. опубликовала разъяснения по требованиям, предъявляемым к системе антимонопольного комплаенса. В частности, указываются стимулы внедрения комплаенса:

- снижение рисков нарушения антимонопольного законодательства и соответствующих последствий;

- снижение категории риска и, как следствие, интенсивность проверок со стороны ФАС России;

- возможность снижения административной ответственности или освобождения от нее при выявлении антиконкурентного соглашения и сообщения о нем в ФАС России.

В соответствии с ч. 1 ст. 9.1 Закона о защите конкуренции в целях соблюдения антимонопольного законодательства и административного предупреждения его нарушения хозяйствующий субъект вправе организовать систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства. Антимонопольные требования к хозяйствующим субъектам выступают в качестве правовых пределов допустимого поведения на товарном рынке, обеспечивая оптимальный баланс между свободой осуществления экономической деятельности и интересами защиты конкуренции. И, как многие отмечают, основной задачей антимонопольного комплаенса выступают предупреждение вероятных правонарушений и минимизация антимонопольных рисков [7, 8]. Следовательно, решение о том, внедрять или нет такую специализированную систему, как антимонопольный комплаенс, является правом хозяйствующего субъекта. Такое решение принимается хозяйствующим субъектом исключительно добровольно и остается полностью на его усмотрение. В данной статье также закреплены обязательные требования, которые должны содержаться во внутренних актах по антимонопольному комплаенсу:

- требования к порядку проведения оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства, связанных с осуществлением хозяйствующим субъектом своей деятельности;

- меры, направленные на снижение хозяйствующим субъектом рисков нарушения антимонопольного законодательства, связанных с осуществлением своей деятельности;

- меры, направленные на осуществление хозяйствующим субъектом контроля за функционированием системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства;

- порядок ознакомления работников хозяйствующего субъекта с внутренним актом (внутренними актами);

- информацию о должностном лице, ответственном за функционирование системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства.

Структурно антимонопольный комплаенс состоит из отдельных частей, среди которых выделяются:

- определение и оценка антимонопольных рисков;
- разработка мер по снижению выявленных рисков;
- определение политики хозяйствующего субъекта по соблюдению антимонопольных прав;

– контроль за внедрением и регулярным осуществлением антимонопольного комплаенса.

Исходя из структуры и содержания антимонопольного комплаенса, можно сделать вывод о том, что антимонопольные риски выявляются путем анализа хозяйствующим субъектом требований антимонопольного законодательства, применимых к его деятельности, и установления действий, связанных с рисками, после чего следует проведение оценки антимонопольных рисков и указываются меры по снижению таких рисков. Принуждение антимонопольного органа к внедрению комплаенс-системы недопустимо с учетом необходимости баланса между самостоятельностью хозяйствующего субъекта в принятии управленческих решений и вмешательством антимонопольного органа [9. С. 59].

При принятии решения о внедрении данного института преследуется цель обеспечения соблюдения антимонопольного законодательства при осуществлении деятельности хозяйствующим субъектом и предупреждения нарушений антимонопольного законодательства в его деятельности. Комплаенс является своего рода «подушкой безопасности» компании от различного рода рисков: правовых, операционных, репутационных. Они, в свою очередь, влекут за собой как финансовые (штрафы, пени, неустойки), так и нефинансовые потери (репутация) [10. С. 160]. Также с уверенностью можно судить об экономическом эффекте внедрения комплаенса. Так, В.Ф. Попондопуло и Д.А. Петров отмечают: «В экономике комплаенс приобретает более определенные черты в качестве механизма внутреннего контроля и предупреждения неблагоприятных экономических последствий с учетом секторальных особенностей, как проявление функции корпоративного контроля на микроуровне и инструмент экономической политики на макроуровне» [11. С. 24].

При организации антимонопольного комплаенса хозяйствующему субъекту рекомендуется руководствоваться следующими принципами:

– заинтересованность руководства хозяйствующего субъекта в эффективности функционирования антимонопольного комплаенса, а также вовлеченность работников хозяйствующего субъекта в реализацию положений внутреннего акта об антимонопольном комплаенсе;

– регулярность оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства;

– непрерывность функционирования антимонопольного комплаенса, а также постоянное совершенствование и повышение эффективности антимонопольного комплаенса.

Правовая база внедрения антимонопольного комплаенса начала формироваться с утверждения Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2017 г. № 785-р Методических рекомендаций по внедрению внутреннего контроля соблюдения антимонопольного законодательства, законодательства о государственном оборонном заказе и законо-

дательства, регулирующего закупочную деятельность [12] (далее – Методические рекомендации). Данные рекомендации были разработаны с целью сформировать у хозяйствующих субъектов единые подходы к организации внутреннего контроля соблюдения требований законодательства. Кроме того, Методические рекомендации содержат в себе понятие «карта рисков», которое определяется как карта выявленных регулируемых рисков нарушения сводного законодательства.

Официальное признание в Российской Федерации антимонопольный комплаенс получил при принятии «Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг.» (утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013 г.) [13]. Толчком в нормативно-правовом регулировании внедрения системы антимонопольного комплаенса является Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 год») [14], который закрепил основополагающие принципы государственной политики по развитию конкуренции, в частности стимулирование хозяйствующих субъектов к внутреннему обеспечению соответствия требованиям антимонопольного законодательства, а также приказ ФАС России от 5 февраля 2019 г. № 133/19 «Об утверждении методики расчета ключевых показателей эффективности функционирования в федеральном органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса» [15].

Этапы внедрения антимонопольного комплаенса содержатся в национальных и международных стандартах. Так, внедрить в компании качественную и эффективно работающую систему предупреждения антимонопольных рисков поможет международный стандарт ISO 19600-2014 «Compliance management systems – Guidelines» [16]. Он охватывает все необходимые элементы комплаенс-программ в тех областях деятельности организации, где следует обеспечить соответствие требованиям закона и добровольно взятым на себя повышенным обязательствам по этическому ведению бизнеса. Внедрение комплаенс-программ обусловлено не действиями органа публичной власти, а стремлением хозяйствующего субъекта улучшить управление бизнес-процессами. Согласно указанному стандарту, универсальной комплаенс-системы нет. Компания должна формировать индивидуальную комплаенс-программу, оценив риски, вытекающие из ее организационной структуры и сферы деятельности.

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство» [17] содержит определение понятия риска, под которым понимается следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей. Также стандарт закрепил необходимость обеспечения руководителями высшего звена и надзорными органами, где это применимо, полномочия, обязанности и ответственность

за соответствующие роли в отношении менеджмента риска и доведение до сведения соответствующих лиц на всех уровнях организации.

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 58771-2019 «Менеджмент риска. Технологии оценки риска» [18], по сути, представляет собой руководство по выбору и применению технологий оценки риска. Технологии используются для оказания помощи и содействия в принятии решений в случаях неопределенности, предоставления информации о конкретных рисках и в рамках процесса управления рисками.

Национальный стандарт ГОСТ Р 51901.23-2012 «Менеджмент риска. Реестр риска. Руководство по оценке опасных событий для включения в реестр риска» [19] устанавливает, что необходимость разработки и ведения реестра риска организация определяет самостоятельно. В данный реестр включены основные виды опасных событий, применяемые методы оценки и снижения риска, план мероприятий по предупреждению и снижению риска.

Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» [20] содержит основные понятия, принципы и терминологию систем менеджмента качества, а также основу для других стандартов на системы менеджмента качества. Настоящий стандарт призван помочь в понимании основных понятий, принципов и терминологии менеджмента качества для того, чтобы более результативно и эффективно внедрить систему менеджмента качества, а также получить ценность от других стандартов на системы менеджмента качества.

Результаты реализации Национального плана показали положительные результаты. Принятые Правительством Российской Федерации и высшими должностными лицами в рамках Национального плана меры были направлены на создание и организацию системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности федеральных органов исполнительной власти и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. С этой целью были разработаны Методические рекомендации по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, утвержденные Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 октября 2018 г. № 2258-р, а также приказ Федеральной антимонопольной службы России от 5 февраля 2019 г. № 133/19 «Об утверждении методики расчета ключевых показателей эффективности функционирования в федеральном органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса» [21].

На сегодняшний день можно говорить о положительном эффекте для конкуренции от реализации мероприятий, направленных на внедрение антимонопольного комплаенса и в органах власти. Так, внедрение антимонопольного комплаенса способствовало исполнению одного из ключевых

показателей Национального плана – снижению количества административных правонарушений в сфере действия антимонопольного законодательства со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления более чем в 2 раза по сравнению с 2017 г. В настоящее время 100% органов власти субъектов Российской Федерации приняли акты об антимонопольном комплаенсе.

В рамках реализации Национального плана система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства внедрялась в деятельности органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. При этом по состоянию на конец 2020 г. в 74 субъектах Российской Федерации (87,06%) региональными органами исполнительной власти ведется работа по утверждению карт комплаенс-рисков и в 78 субъектах Российской Федерации (91,76%) – по утверждению планов мероприятий («дорожных карт») по снижению комплаенс-рисков. В 67 субъектах Российской Федерации (78,82%) организована работа по внедрению антимонопольного комплаенса в органах местного самоуправления, в частности в 49 регионах (57,65%) органами местного самоуправления проводится работа по разработке и утверждению карт комплаенс-рисков и в 51 субъекте Российской Федерации (60%) – по разработке и утверждению планов мероприятий («дорожных карт») по снижению комплаенс-рисков. Одновременно с этим отмечено снижение количества нарушений антимонопольного законодательства в 2020 г. по сравнению с 2017 г. (на 62%) [22].

Эти показатели свидетельствуют о том, что работа субъектов Российской Федерации, принявших акты, направленные на обеспечение внедрения антимонопольного комплаенса как на региональном, так и на муниципальном уровнях, оказывает положительное воздействие не только на субъектов предпринимательства, но и на общее состояние конкуренции.

Выработка конкурентной стратегии компании базируется на исследовании тех рисков, с которыми она может столкнуться. Для управления правовыми рисками юридической практикой был разработан инструмент, который получил название «комплаенс», представляющий по своей сути инструмент правового риск-менеджмента, направленный на обеспечение соблюдения положений законодательства, стандартов и иных предписаний [23. С. 6].

Исходя из обзоров практики внедрения антимонопольного комплаенса, видится необходимым продолжать работу по повышению мотивации хозяйствующих субъектов и органов власти к внедрению антимонопольного комплаенса, а также сокращение административных нарушений антимонопольного законодательства хозяйствующими субъектами. В рамках реализации направления по сокращению антимонопольных правонарушений хозяйствующих субъектов на сегодняшний день разработка и осуществление комплекса мероприятий по адвокатированию системы комплаенса являются одной из стратегических задач Федеральной антимонопольной

службы России. Предлагается достаточное количество правовых стимулов для хозяйствующих субъектов к системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, от смягчения и полного освобождения от административной ответственности до исключительной заинтересованности участников рынка в снижении своих рисков антимонопольных правонарушений [24].

Таким образом, антимонопольный комплаенс может быть учтен не только в качестве обстоятельства, смягчающего административную ответственность, но и может выступать основанием для назначения административного штрафа ниже низшего предела, а также доказать субъектом свою добросовестность и защититься от необоснованных претензий по возмещению убытков компании [22]. Даже усилия и желания субъекта могут учитываться при снижении ответственности. Так, ст. 4.2 КоАП РФ содержит в себе открытый перечень обстоятельств, смягчающих административную ответственность, которые должны побуждать хозяйствующие субъекты внедрять антимонопольный комплаенс.

То есть смягчение административной ответственности создает ощутимый правовой стимул, одновременно не ограничивая результативность административного наказания, а хозяйствующему субъекту предоставляется возможность инвестировать средства в реализацию комплаенс-системы для ее совершенствования. Представляется, что антимонопольный комплаенс может и исключить ответственность субъекта при условии реализации им всех мер для предупреждения нарушения.

Организация системы антимонопольного комплаенса должна способствовать повышению эффективности и успешности деятельности хозяйствующего субъекта за счет внедрения риск-ориентированного подхода. Представляется, что внедрение антимонопольного комплаенса может способствовать повышению уровня законности и успешности деятельности хозяйствующего субъекта, а в будущем антимонопольный комплаенс будет одним из самых действенных механизмов реализации государственной политики в области обеспечения правопорядка и законности, но полную оценку эффективности его применения можно дать только лишь с течением времени.

Антимонопольный комплаенс всегда будет востребован, так как принятие управленческих решений осуществляется в призме оценки их влияния на конкуренцию. Также происходит моделирование последствий, исключая нарушения законодательства, т.е. субъект действует уже в рамках согласованной антимонопольной политики.

После закрепления на законодательном уровне понятия системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства прошло сравнительно мало времени, но эффект от внедрения данной системы очевиден, несмотря на дискуссии ученых и практиков.

Совершенно очевидно, что принятие акта об антимонопольном комплаенсе не означает его функционирование в полном объеме – за принятием следует целый спектр элементов его реализации, закрепленных в методических рекомендациях (разработка карты рисков и плана мероприятий по снижению нарушений антимонопольного законодательства, а также ряд других составляющих системы). На это, в частности, обращает внимание Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, говоря о том, что дальнейшее развитие системы антимонопольного комплаенса зависит не только от его внедрения органами власти, но и должно быть обусловлено повышением эффективности его реализации.

Список источников

1. Указание Банка России от 07.07.1999 № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» // Вестник Банка России. № 41. 14.07.1999 (утратил силу с 15 февраля 2004 года в связи с изданием Указания ЦБ РФ от 16.12.2003 № 1354-У).
2. Постановление Правительства РФ от 01.03.2018 № 213 «Об утверждении критериев отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих экономическую деятельность, к категориям риска при осуществлении государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.03.2018. № 11. Ст. 1628.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.12.2021).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
6. Разъяснение ФАС России от 02.07.2021 № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства»: утв. протоколом Президиума ФАС России от 02.07.2021 № 4. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401403096> (дата обращения: 20.12.2021).
7. Пузыревский С.А. Антимонопольный комплаенс как способ предупреждения нарушений антимонопольного законодательства // Конкуренция и право. 2014. № 5. С. 5–9.
8. Хохлов Е.С. Меры предупредительного воздействия на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение // Закон. 2017. № 4. С. 132–140.
9. Ашфа Д.М. Правовое обеспечение системы антимонопольного комплаенса хозяйствующего субъекта: дискуссия продолжается // Юрист. 2021. № 8. С. 57–62.
10. Бородин А.Г. Комплаенс: проблема минимизации нефинансовых рисков в корпоративном управлении // Вестник университета. 2015. № 10. С. 157–162.
11. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Комплаенс как система управления рисками в сфере предпринимательства // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений / под общ. ред. канд. юрид. наук С.А. Пузыревского. М.: Юрист, 2019. С. 15–32.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2017 г. № 785-р «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению внутреннего

контроля соблюдения антимонопольного законодательства, законодательства о государственном оборонном заказе и законодательства, регулирующего закупочную деятельность» // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. URL: <https://fas.gov.ru/documents/561689> (дата обращения: 17.12.2021).

13. «Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг.»: утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013 г. // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. URL: <http://www.fas.gov.ru> (дата обращения: 17.12.2021).

14. Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы») // Собрание законодательства РФ. 25.12.2017. № 52 (Часть I). Ст. 8111.

15. Приказ ФАС России от 05.02.2019 № 133/19 «Об утверждении методики расчета ключевых показателей эффективности функционирования в федеральном органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса» // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. URL: <https://fas.gov.ru/documents/133-19> (дата обращения: 17.12.2021).

16. ISO 19600:2014 Compliance management systems – Guidelines. URL: www.iso.org/ru/standard/62342.html (дата обращения: 17.12.2021).

17. ГОСТ Р ИСО 31000-2019. «Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Принципы и руководство»: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.12.2019 № 1379-ст. М. : Стандартинформ, 2020.

18. ГОСТ Р 58771-2019. «Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Технологии оценки риска»: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 17.12.2019 № 1405-ст. М. : Стандартинформ, 2020.

19. ГОСТ Р 51901.23-2012. «Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Реестр риска. Руководство по оценке риска опасных событий для включения в реестр риска»: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.11.2012 № 1285-ст. М. : Стандартинформ, 2014.

20. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. «Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»: утв. Приказом Росстандарта от 28.09.2015 № 1390-ст. М. : Стандартинформ, 2015.

21. Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2018 № 2258-р «Об утверждении методических рекомендаций по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» // Собрание законодательства РФ. 29.10.2018. № 44. Ст. 6777.

22. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год (краткая версия) // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/doklady_o_sostoyanii_konkurencii (дата обращения: 17.12.2021).

23. Варламова А.Н. Правовые средства осуществления антимонопольного комплаенса // Конкурентное право. 2019. № 1. С. 3–7.

24. Ведяшкин С.В., Сенникова Д.В., Юсубов Э.С. Административная ответственность за нарушения законодательства о выборах в контексте правового статуса избирательных комиссий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 16–28.

References

1. The Bank of Russia. (1999) Ukazanie Banka Rossii ot 07.07.1999 № 603-U “O poryadke osushchestvleniya vnutrennego kontrolya za sootvetstviem deyatel'nosti na finansovykh ryinkakh zakonodatel'stvu o finansovykh ryinkakh v kreditnykh organizatsiyakh”

[Order No. 603-U of the Bank of Russia dated July 7, 1999, "On the procedure for exercising internal control over the compliance of the activities in financial markets with the legislation on financial markets in credit institutions"]. *Vestnik Banka Rossii*. 41. July 14, 1999 (lost force on February 15, 2004, after the publication of the Directive No. 1354-U of the Central Bank of the Russian Federation of December 16, 2003).

2. The Government of the Russian Federation. (2018) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.03.2018 № 213 "Ob utverzhdenii kriteriev otneseniya deyatel'nosti yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley, osushchestvlyayushchikh ekonomicheskuyu deyatel'nost', k kategoriyam riska pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya za soblyudeniem antimonopol'nogo zakonodatel'stva Ros-siyskoy Federatsii"* [Decree No. 213 of the Government of the Russian Federation of March 1, 2018, "On approval of the criteria for classifying the activities of legal entities and individual entrepreneurs engaged in economic activity as risk categories in the exercise of state control over compliance with the antimonopoly legislation of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 11. Art. 1628.

3. Russia. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 17.12.2021).

4. Russia. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 26.10.2021)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on June 28, 2021, as amended on October 26, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 3301.

5. Russia. (2006) *Federal'nyy zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ (red. ot 02.07.2021) "O zashchite konkurentsii"* [Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 (as amended on July 2, 2021) "On Protection of Competition"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 (1 Part). Art. 3434.

6. FAS Russia. (2021) *Raz'yasnenie FAS Rossii ot 02.07.2021 № 20 "O sisteme vnutrennego obespecheniya sootvetstviya trebovaniyam antimonopol'nogo zakonodatel'stva": utv. protokolom Prezidiuma FAS Rossii ot 02.07.2021 № 4* [Clarification No. 20 of the FAS Russia dated July 2, 2021, "On the system of internal compliance with the requirements of the antimonopoly legislation": approved by Minutes No. 4 of the Presidium of the FAS Russia dated July 2, 2021]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401403096> (Accessed: 20th December 2021).

7. Puzyrevskiy, S.A. (2014) *Antimonopol'nyy kompliens kak sposob preduprezhdeniya na-rusheniy antimonopol'nogo zakonodatel'stva* [Antimonopoly Compliance as a Way to Prevent Violations of Antimonopoly Legislation]. *Konkurentsia i pravo*. 5. pp. 5–9.

8. Khokhlov, E.S. (2017) *Mery predupreditel'nogo vozdeystviya na khozyaystvuyushchikh sub"ektov, zanimayushchikh dominiruyushchee polozhenie* [Measures to prevent economic entities from occupying a dominant position]. *Zakon*. 4. pp. 132–140.

9. Ashfa, D.M. (2021) The legal support of the system of antimonopoly compliance of a business entity: the discussion continues. *Yurist*. 8. pp. 57–62. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3929-2021-8-57-62

10. Borodin, A.G. (2015) *Komplaens: problema minimizatsii nefinansovykh riskov v korporativnom upravlenii* [Compliance: the problem of minimizing non-financial risks in corporate management]. *Vestnik universiteta*. 10. pp. 157–162.

11. Popondopulo, V.F. & Petrov, D.A. (2019) *Komplaens kak sistema upravleniya riskami v sfere predprinimatel'stva* [Compliance as a risk management system in entrepreneurship]. In: Puzyrevskiy, S.A. (ed.) *Antimonopol'nyy kompliens kak effektivnyy instru-ment profilaktiki narusheniy* [Antimonopoly Compliance as an Effective Tool to Prevent Violations]. Moscow: Yurist. pp. 15–32.

12. FAS Russia. (2017) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 26 aprelya 2017 g. № 785-r "Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsiy po vnedreniyu vnutrennego kontrolya soblyudeniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva, zakonodatel'stva o*

gosudarstvennom oboronnom zakaze i zakonodatel'stva, reguliruyushchego zakupochnuyu deyatel'nost'” [Decree No. 785-r of the Government of the Russian Federation dated April 26, 2017, “On Approval of Methodological Recommendations for the Implementation of Internal Control over Compliance with Antimonopoly Legislation, State Defense Order Legislation and Legislation Regulating Procurement Activities”]. [Online] Available from: <https://fas.gov.ru/documents/561689> (Accessed: 17th December 2021).

13. FAS Russia. (2013) “*Strategii razvitiya konkurentsii i antimonopol'nogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii na period 2013–2024 gg.*”: utv. Prezidiumom FAS Rossii 03.07.2013 g. [“Strategies for the development of competition and antimonopoly regulation in the Russian Federation in 2013–2024”: Approved by the Presidium of the FAS Russia on July 3, 2013]. [Online] Available from: <http://www.fas.gov.ru> (Accessed: 17th December 2021).

14. Russia. (2017) Ukaz Prezidenta RF ot 21.12.2017 № 618 “Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoy politiki po razvitiyu konkurentsii” (vmeste s “Natsional'nym planom razvitiya konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii na 2018–2020 gody”) [Decree No. 618 of the President of the Russian Federation of December 21, 2017, “On the main directions of the state policy for the development of competition” (together with the “National Plan for the Development of Competition in the Russian Federation for 2018–2020”)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52 (Part I). Art. 8111.

15. FAS Russia. (2019) *Prikaz FAS Rossii ot 05.02.2019 № 133/19 “Ob utverzhdenii metodiki rascheta klyuchevykh pokazateley effektivnosti funktsionirovaniya v federal'nom organe ispolnitel'noy vlasti antimonopol'nogo komplaensa*” [Order No. 133/19 of the FAS Russia dated February 5, 2019, “On Approval of the Methodology for Calculating Key Performance Indicators of Functioning in the Federal Executive Body of Antimonopoly Compliance”]. [Online] Available from: <https://fas.gov.ru/documents/133-19> (Accessed: 17th December 2021).

16. Russia. (n.d.) *ISO 19600:2014 Compliance management systems – Guidelines*. [Online] Available from: www.iso.org/ru/standard/62342.html (Accessed: 17th December 2021).

17. Russia. (2020a) *GOST R ISO 31000-2019. “Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Menedzhment riska. Printsipy i rukovodstvo*”: utv. i vveden v deystvie Prikazom Rosstandarta ot 10.12.2019 № 1379-st. [GOST R ISO 31000-2019. “National Standard of the Russian Federation. Risk management. Principles and leadership”: approved and put into effect by Order No. 1379-st of Rosstandart dated December 10, 2019]. Moscow: Standartinform.

18. Russia. (2020b) *GOST R 58771-2019. “Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Menedzhment riska. Tekhnologii otsenki riska*”: utv. i vveden v deystvie Prikazom Rosstandarta ot 17.12.2019 № 1405-st. [GOST R 58771-2019. “National Standard of the Russian Federation. Risk management. Risk Assessment Technologies”: approved and put into effect by Order No. 1405-st of Rosstandart dated December 17, 2019]. Moscow: Standartinform.

19. Russia. (2014) *GOST R 51901.23-2012. “Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Menedzhment riska. Reestr riska. Rukovodstvo po otsenke riska opasnykh sobyitiy dlya vklucheniya v reestr riska*”: utv. i vveden v deystvie Prikazom Rosstandarta ot 29.11.2012 № 1285-st [GOST R 51901.23-2012. “National Standard of the Russian Federation. Risk management. Risk register. Guidance on the risk assessment of hazardous events for inclusion in the risk register”: approved and put into effect by Order No. 1285-st of Rosstandart dated November 29, 2012]. Moscow: Standartinform.

20. Russia. (2015) *GOST R ISO 9000-2015. “Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozeniya i slovar*”: utv. Prikazom Rosstandarta ot 28.09.2015 № 1390-st [GOST R ISO 9000-2015. “National standard of the Russian Federation. Quality management systems. Basic provisions and vocabulary ”: approved by Order No. 1390-st of Rosstandart dated September 28, 2015]. Moscow: Standartinform.

21. The Government of the Russian Federation. (2018) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 18.10.2018 № 2258-r "Ob utverzhdenii me-todicheskikh rekomendatsiy po sozdaniyu i organizatsii federal'nymi organami ispolnitel'noy vlasti sistemy vnutrennego obespecheniya sootvetstviya trebovaniyam anti-monopol'nogo zakonodatel'stva" [Decree No. 2258-r of the Government of the Russian Federation of October 18, 2018, "On approval of methodological recommendations for the creation and organization by federal executive authorities of a system of internal compliance with the requirements of anti-monopoly legislation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 44. Art. 6777.

22. FAS Russia. (n.d.) *Doklad o sostoyanii konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii za 2020 god (kratkaya versiya)* [Report on the state of competition in the Russian Federation for 2020 (a short version)]. [Online] Available from: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/doklady_o_sostoyanii_konkurencii (Accessed: 17th December 2021).

23. Varlamova, A.N. (2019) Legal Means of Antimonopoly Compliance. *Konkurentnoe pravo – Competition Law*. 1. pp. 3–7. (In Russian).

24. Vedyashkin, S.V., Sennikova, D.V. & Yusubov, E.S. (2021) Administrative responsibility for violations of the election legislation in the context of the legal status of electoral commissions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Joournal of Law*. 41. pp. 16–28. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/41/2

Информация об авторе:

Кинев А.Ю. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: kinev@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Kinev, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kinev@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 14.09.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi: 10.17223/22253513/43/6

Трансформация антитеррористического права России в условиях глобализации

Самвел Мамадович Кочои

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия, sam.kochoi@bk.ru*

Аннотация. Глобализация в нынешнем своем значении имеет, прежде всего, экономическое измерение. Однако она не мыслима без интеграции и унификации права, что в итоге приводит к трансформации правовых систем и национального законодательства отдельных государств. Особенно важным представляется сближение национального законодательства в борьбе против террористических угроз, с неизбежностью сопровождающих процесс глобализации.

Ключевые слова: уголовное право России, глобализация, антитеррористическое законодательство

Источник финансирования: исследование проведено в рамках Государственного задания 075-00293-20-02 от 25.05.2020 г. на тему «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы», тема № FSMW-2020-0030.

Для цитирования: Кочои С.М. Трансформация антитеррористического права России в условиях глобализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 69–85. doi: 10.17223/22253513/43/6

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/6

Transformation of Russian counter-terrorism law in the context of globalization

Samvel M. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, sam.kochoi@bk.ru

Abstract. The article shows the creation and development of modern anti-terrorism legislation in the Russian Federation. It is noted that the period of its formation coincided with the involvement of the post-Soviet Russian Federation in the process of globalisation, an inherent feature of which is the integration and unification of the legal systems and national legislations of individual states. According to the author, convergence of national anti-terrorist legislation of those states involved in countering transnational, global international terrorist organizations, such as the Islamic State banned in the Russian Federation, seems particularly important.

The process of adjustment of the Russian national legal system to needs of counteraction to terrorism (external and internal), its transformation both taking into account features of the international, and foreign legal experience of counteraction to terrorism is considered. The current strengthening of responsibility for terrorist crimes in the Criminal Code of the Russian Federation in many cases should be seen as a manifestation of global trends in combating terrorism. Not only the tightening of sanctions for terrorist activity, but also the addition of new anti-terrorist norms to the Criminal Code of the Russian Federation is proposed to be regarded as one of the results of integration processes in national law.

Despite the steps taken to transform Russian counter-terrorism legislation, its approximation and integration with international and foreign law, the process of globalisation in this field is not complete. It is concluded that the transformation of the Russian Federation's anti-terrorism law (the relevant counter-terrorism legislation and the relevant criminal law norms) must be continued in order to further its involvement in the effective counter-terrorism response in general – international law in the first place.

Terrorism has long ceased to be perceived as a local threat, so the internationalisation of counter-terrorism is one of the manifestations of globalisation in law. However, globalisation, which is a catalyst for the convergence of legal systems and national legislations, does not mean that the transformation of national law must necessarily lead to the dismantling of legal institutions and traditions successfully applied in the practice of law enforcement agencies and courts of states.

Keywords: Russian criminal law, globalisation, anti-terrorist legislation

Source of financing: the study was conducted within the framework of State Assignment No. 075-00293-20-02 of May 25, 2020, Topic No. FSMW-2020-0030: Transformation of Russian Law in the Face of Great Challenges: Theoretical and Applied Foundations.

For citation: Kochoi, S.M. (2022) Transformation of Russian counter-terrorism law in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 69–85. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/6

Введение

В английском языке термин «глобализация» (globalization или globalisation) появился еще в 1930-х гг., но приобрел свое нынешнее значение лишь в 1980-х гг., когда стал широко использоваться для характеристики деятельности транснациональных компаний [1. Р. 11; 2. С. 105–127]. Данное понятие в науке имеет множество определений и толкований. По мнению западных исследователей, под глобализацией следует понимать «все те процессы, посредством которых люди мира включаются в единое мировое сообщество» [3], «процесс сжатия мира, сокращения расстояний, сближения вещей» [4. Р. 9]. Глобализация имеет, прежде всего, экономическое измерение, однако выделяют и другие ее измерения (формы): политическое, культурное, идеологическое, экологическое, религиозное и т.д. [5. Р. 11; 6. С. 17].

Таким образом, то обстоятельство, что исследуемый процесс имеет экономическое основание, не только не исключает, но и предполагает наличие различных его аспектов, в том числе правового (законодательного). Ведь процесс сближения между государствами не мыслим без интеграции и унификации их правовых систем. Особенно заметно такое сближение в тех сфе-

рах деятельности, в которых правовое взаимодействие государств является не просто настоятельной, а объективной необходимостью. Речь, в первую очередь, идет о сфере безопасности (международной и национальной), одной из основных и главных угроз для которой представляет терроризм.

В настоящей статье рассматривается процесс приспособления российской правовой системы к нуждам противодействия терроризму (внешнему и внутреннему), ее трансформации как с учетом особенностей международного, так зарубежного правового опыта противодействия терроризму. Поскольку прогнозы относительно будущего угроз, которые содержит терроризм, нельзя называть утешительными, в настоящей работе рассматриваются предложения, которые, по нашему мнению, могут способствовать дальнейшей трансформации антитеррористического права в целом и уголовного законодательства в частности.

Одним из итогов глобализации стали события, происходившие на территории бывшего СССР на рубеже 1980–1990-х гг. Открытие границ, беженцы и неконтролируемые большие группы мигрантов, фактическое и одномоментное появление на территории некогда сверхцентрализованного государства различных «суверенных» республик со своими вооруженными силами и желанием выхода любой ценой из состава России – все это также было результатом глобализации, но наихудшим ее результатом. Идеология терроризма и сепаратизма, за экспорт которой взялись многочисленные антироссийские силы, нашла свою благодатную почву на территории именно этих республик.

Так, в начале 1990-х гг. для молодой Российской Федерации самым серьезным вызовом и наибольшей угрозой стал внутренний терроризм, носителями которого были, в первую очередь, национал-сепаратисты с Северного Кавказа, в основном борцы за «независимую Ичкерия». В разных городах России, включая ее столицу, регулярно происходили террористические акты с большим количеством жертв. Среди таких актов были беспрецедентно жестокие, направленные исключительно против мирного населения: атаки в школе Беслана, больнице Буденовска и театральном комплексе на Дубровской улице Москвы.

Антитеррористическое уголовное и профильное законодательство России: создание и развитие

Период громких террористических атак по времени (первая половина 1990-х гг.) совпал с разработкой и обсуждением проектов УК РФ, в которых, можно сегодня утверждать, еще не было полного понимания важности уголовно-правовых мер противодействия терроризму. Показательно, что, например, в одном из трех опубликованных проектов УК РФ антитеррористических норм не было вовсе¹ (в двух других говорилось о «терро-

¹ Новый Уголовный кодекс (Проект) // Спецвыпуск журнала «Закон» – приложения к газете «Известия».

ризме» и «террористических действиях»¹). В принципе, в этом не было ничего удивительного, если иметь в виду, что тогда, как считали многие авторитетные специалисты, по своей природе терроризм «не имеет тенденции к росту и развитию» [7. С. 42].

В итоге принятый в 1996 г. УК РФ, как оказалось, был далек от реальных потребностей борьбы с захлестнувшей страну волной терроризма, как и, что немаловажно, от учета положительного опыта конструирования антитеррористических норм в международных актах. Ведь как справедливо замечает А.И. Рарог, «в глобальном масштабе задача конвенций и прочих международных документов о противодействии терроризму заключается в интеграции усилий стран в выработку международно-правовых механизмов относительно террористических явлений, имеющих межгосударственное значение и требующих такой интеграции» [8. С. 155–178].

УК РФ, надо сказать, первоначально под террористическим актом понимал посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, предусмотренное ст. 277, тогда как совершение взрыва, поджога или иных действий либо угроза их совершения, предусмотренных ст. 205, называл терроризмом. В последней норме, правда, законодатель не был последовательным: одновременно в примечании к ст. 205 УК РФ, устанавливавшей основания освобождения от уголовной ответственности за преступление, содержащееся в ней, это же самое преступление называлось актом терроризма. Ситуацию с терминологией еще больше запутал принятый через полтора года (25 июля 1998 г.) после вступления в силу УК РФ Федеральный закон № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (далее – профильный закон 1998 г.), который не знал ни понятия «акт терроризма», ни понятия «террористический акт», но содержал понятие «террористическая акция». И лишь через восемь лет после принятия нового Федерального закона «О противодействии терроризму» (причем не сразу, а спустя четыре месяца после его принятия – 27 июля 2006 г.) законодатель, основываясь на новых дефинициях данного профильного закона, совершил рокировку в УК РФ: преступление, предусмотренное ст. 205, стало террористическим актом и одновременно перестало считаться террористическим актом преступление, предусмотренное ст. 277². Это было вызвано тем, что исчезнувшее из УК РФ понятие «терроризм» иначе стало определяться во вновь принятом (26 марта 2006 г.) профильном Федеральном законе (далее – профильный закон 2006 г.): теперь под терроризмом понимается «идеология насилия и практика воздей-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (Особенная часть). Проект Министерства юстиции РФ и Государственно-правового управления Президента РФ. М., 1994; Уголовный кодекс Российской Федерации. Проект // Российская газета. 1995. 1 февраля; Проект Уголовного кодекса России // Юридический вестник. 1992. № 20.

² Относительному упорядочению терминов способствовали также отказ в профильном законе 2006 г. от понятия «террористическая акция» и замена в 2008 г. в УК РФ (примечание к ст. 205) понятия «акт терроризма» на «террористический акт».

ствия», связанные с различными формами противоправных насильственных действий. Наряду с этим, несмотря на отказ в ст. 205 от понятия «терроризм», оно полностью не исчезло из УК РФ: сохранилась ответственность за финансирование терроризма (ст. 205¹), публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205²), поддержку терроризма (ст. 205⁴), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207).

В описании террористического акта, как показывает анализ норм международного права¹, важное место отводится такому его признаку, как устрашение населения. Между тем на момент вступления в силу УК РФ (ч. 1 ст. 205) устрашение было названо в качестве одной из целей терроризма (акта терроризма). В этой связи мы еще в 2004 г. писали, что следует «исключить устрашение населения как цель терроризма, но необходимо его сохранить как свойство терроризма. Речь в данной норме должна идти о действии, направленном на устрашение населения. Необходимость упоминания в УК РФ устрашения населения можно объяснить также тем, что в международном праве почти во всех определениях терроризма оно присутствует» [9. С. 53]. Важно заметить, что такое изменение действительно было внесено 27 июля 2006 г. в Федеральный закон «О противодействии терроризму», что, безусловно, сблизило определения терроризма, имеющиеся в российском и международном праве.

Первоначальная редакция определения терроризма (акта терроризма) в УК РФ (как и в профильном законе 1998 г.) была далека от его международно-правовой дефиниции еще по одному признаку – кругу лиц (физических и юридических), могущих стать объектом воздействия террористов. Дело в том, что указанная редакция, содержащаяся в УК РФ (ч. 1 ст. 205), к таковым относил только органы власти. Подобная редакция не позволяла квалифицировать как «терроризм» («акт терроризма») указанные в ч. 1 ст. 205 УК РФ действия в отношении международной организации. Кроме того, она, казалось бы, создавала проблему отнесения к объектам воздействия террористов органы местного самоуправления, которые, согласно Конституции РФ, не входят в систему органов власти. Если первая проблема нашла свое решение в 2006 г., когда вновь принятый Федеральный закон «О противодействии терроризму» и УК РФ дополнили объекты воздействия террористов ссылкой на международные организации, то вопрос отнесения к ним органов местного самоуправления был решен не сразу. В начале, в профильном законе 2006 г. (в определении террористического акта), органы местного самоуправления входили в перечень объектов воздействия террористов, но уже через четыре месяца они были исключены из него². Федеральный

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. и др.

² В УК РФ (ч. 1 ст. 205), в определении терроризма (акта терроризма) органы местного самоуправления ни разу так и не были названы. В принципе, позиция УК РФ

закон, внесший данные изменения, был принят 27 июля 2006 г. и назывался «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”». Безусловно, эти шаги законодателя следует рассматривать как важный этап по сближению антитеррористических норм РФ и международного права.

Еще один вопрос, требовавший решения с учетом происходящих глобальных перемен в сфере права, это вопрос о видах террористических преступлений в российском праве и, в конечном счете, о сближении перечня террористических преступлений в национальном и международном (зарубежном) антитеррористическом праве. Как следовало из определения терроризма, к последнему Федеральный закон № 130-ФЗ от 25 июля 1998 г. «О борьбе с терроризмом» прямо относил только три преступления: терроризм (ст. 205 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений (ч. 2 ст. 360 УК РФ). При этом уголовный закон содержал оговорку о том, что к преступлениям террористического характера «могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях».

Помимо понятия «терроризм», профильный закон 1998 г. использовал понятие «преступления террористического характера», которое было шире первого понятия и включало, кроме преступлений, предусмотренных ст. 205, 277 и 360 УК РФ, также преступления, предусмотренные статьями 206 («Захват заложника») и 207 («Заведомо ложное сообщение об акте терроризма») УК РФ. Еще больший перечень деяний охватывало понятие «террористическая акция» (ст. 3 профильного закона 1998 г.).

Тем временем в литературе раздавались голоса в пользу безусловного расширения перечня преступлений, которые следовало считать проявлением терроризма. Например, ссылаясь на известные события в Чечне, в литературе утверждали, что поскольку «исключительно уголовные, казалось бы, преступления (убийства, грабежи, разбой, изнасилования и др.) являлись частью общей системы геноцида по отношению к некоренным этническим группам населения с целью их “выдавливания” из “Республики Ичкерия”, а потому должны быть отнесены к преступлениям террористического характера» [10. С. 156].

представляется нам разумной, поскольку требования террористов обычно обращены к государству (органам государственной власти), а не к местному самоуправлению.

Необходимо отметить, что вообще сам подход определения террористических преступлений через формулирование перечня таких преступлений известен международному праву¹. В России также не все специалисты разделяют позицию законодателя относительно определения в УК РФ общего понятия террористического акта (терроризма) и считают, что достаточно иметь перечень составов преступлений, которые следует рассматривать как террористические [11. С. 33; 12. С. 203; 13. С. 5–6]. Однако вопрос о том, что относить к таким составам, в теории непременно вызывал серьезные споры. Например, одни авторы предлагали под терроризмом понимать совокупность преступлений, предусмотренных ст. 105 (ч. 2, п. «б», «е», «л»), 167, 206, 208, 277, 278, 279, 281, 295, 317, 357 УК РФ [14. С. 24–25; 15. С. 26–30], другие (при условии исключения из УК РФ ст. 205) – преступления, предусмотренные ст. 205¹–212, 227, 277 и 360 УК РФ [16. С. 22; 17. С. 130] и т.д.

Правда, складывается впечатление, что не только в литературе, но и в законодательстве отсутствует единство в том, что касается перечня таких преступлений. Так, первоначально в профильном законе (1998 г.) для характеристики этих преступлений использовалось понятие «преступления террористического характера», которое включало преступления, предусмотренные шестью статьями (205, 206, 207, 208, 277, 360 УК РФ), а также «другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях». В 2006 г. вновь принятый профильный закон отказался от понятия «преступления террористического характера» и ввел в оборот понятие «террористическая деятельность», к которой относятся, согласно примечанию 2 к ст. 205² УК РФ, преступления, предусмотренные семнадцатью статьями (205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 205⁶, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361) УК РФ. При этом, как показывает анализ данных норм, понятие «террористическая деятельность», используемое в действующем профильном законе (2006 г.) и УК РФ, имеет разные содержания. Противоречия можно обнаружить даже в самих нормах УК РФ, в которых содержится данное понятие. Так, перечни преступлений, предусмотренных в диспозициях ч. 1, 1¹, 3 и 4 ст. 205¹, исходя из названия данной статьи («Содействие террористической деятельности»), по идее, должны быть идентичными, поскольку

¹ Например, в Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. содержится только перечень преступлений, которые договаривающимися государствами не квалифицируются в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершаемого по политическим мотивам, и которые, значит, могут быть квалифицированы как терроризм. Наряду с этим создана практика принятия мер против терроризма путем его определения (прямого или косвенного) в других документах: Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, принятой 16 декабря 1997 г. (ратифицированной Федеральным Собранием РФ 13 февраля 2001 г.); Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. (ратифицированной Федеральным Собранием РФ 10 июля 2002 г.) и др.

относятся к одному и тому же понятию – «террористическая деятельность», однако каждый из этих перечней в отдельности не совпадает с перечнем преступлений, образующих «террористическую деятельность», так как ее определяет примечание 2 к ст. 205² УК РФ. Для полноты картины следует сказать еще и об используемом в отдельных нормах Общей части УК РФ (например, в ч. 3 ст. 64) понятии «сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные статьями 277, 278, 279 и 360» УК РФ, при том что преступления, предусмотренные всеми этими статьями, в Особенной части УК РФ охватываются понятием «террористическая деятельность».

Трансформация российского антитеррористического законодательства

Как мы уже говорили, в первоначальной редакции антитеррористических норм не было полного понимания опасности террористических преступлений. Оно пришло позже, когда, в частности, Федеральным законом от 21 июля 2004 г. было введено пожизненное лишение свободы в случае совершения террористического акта при особо квалифицирующих признаках (ч. 3 ст. 205 УК РФ). После того, как все виды терроризма (акта терроризма) были отнесены к особо тяжким преступлениям, стали наказуемы не только приготовление к ним, но и их укрывательство (ст. 316 УК РФ).

Как безусловное подтверждение ужесточения в России ответственности за террористическую деятельность следует рассматривать введение Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ уголовной ответственности за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (кроме супруга или близкого родственника самого виновного), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Этим же законом установлен пониженный возраст уголовной ответственности (14 лет) за большинство преступлений, составляющих такую деятельность: прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ), несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ). Как было отмечено в заключении Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по безопасности и проти-

водействию коррупции, «во многих зарубежных законодательствах закреплён гораздо более строгий (в отличие от предлагаемого в законопроекте) подход к привлечению к уголовной ответственности несовершеннолетних, а возраст вообще не связывается с криминологической спецификой преступления (США, Французская Республика, Швейцарская Конфедерация и др.)»¹.

Действительно, строгие меры ответственности, вплоть до смертной казни, предусматривает уголовное законодательство многих государств мира, реально столкнувшихся с терроризмом и его угрозой, поэтому обращение к подобным мерам со стороны российского законодателя являются общемировой тенденцией в борьбе с терроризмом.

Так, например, принятый Палатой представителей Конгресса США «Акт об объединении и укреплении Америки путем предоставления надлежащих средств, необходимых для перехвата информации и воспрепятствования терроризму 2001 года» (Акт США о патриотизме – USA PATRIOT Act) ужесточил наказания для тех, кто совершает террористические преступления. Как объясняют авторы закона, американцам угрожает не только тот, кто совершает взрыв, но и тот, кто его финансирует. По этой причине федеральный Закон (Акт) о патриотизме ввел новые суровые наказания для тех, кто совершает и поддерживает террористические операции как внутри страны, так и за рубежом.

Также Закон предусмотрел ответственность за укрывательство лиц, которые совершили или собираются совершить ряд террористических преступлений, таких как: уничтожение самолетов; использование ядерного, химического или биологического оружия; использование оружия массового поражения; уничтожение государственного имущества; саботаж на ядерных объектах; воздушное пиратство. Усилены наказания, вплоть до установления максимальных, за различные преступления, которые могут быть совершены террористами, включая поджоги, разрушение энергетических объектов, материальную поддержку террористов и террористических организаций и уничтожение объектов национальной обороны. Усилено наказание за сговор, в том числе за поджоги, убийства на федеральных объектах, атаки на системы связи, саботаж ядерных объектов и вмешательство «в дела» членов летного экипажа (согласно предыдущему закону, многие статуты о терроризме конкретно не запрещали участие в заговоре с целью совершения основных преступлений, поэтому власти могли возбуждать уголовное дело только в соответствии с общим федеральным положением о заговоре, которое предусматривает максимальное наказание в виде пяти лет

¹ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 № 174/6 «О проекте Федерального закона № 1039101-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”» // СПС «КонсультантПлюс».

лишения свободы). Наконец, новый Закон США карает террористические атаки на системы общественного транспорта и биотерроризм¹.

Усиление ответственности в нормах Общей части УК РФ² во многих случаях также следует рассматривать как проявление общемировых тенденций в борьбе с терроризмом. Так, в США упомянутый Акт о патриотизме отменил сроки давности для определенных террористических преступлений и продлил их для других террористических преступлений. В России также, обосновывая в 2016 г., например, изменение редакции ч. 3 ст. 12 УК РФ, Комитет Госдумы указал следующее: «С учетом того, что международный терроризм признается глобальной угрозой, законопроектом предлагается скорректировать понятие территориального принципа привлечения к ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, и совершивших преступление вне пределов Российской Федерации, включив в него отсылку на случаи, предусмотренные не только международными договорами Российской Федерации, но и иными документами международного характера, содержащими обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых уголовным законодательством Российской Федерации. В данном случае речь идет в том числе и о таких глобальных инструментах ООН, как, например, Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН), Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма (Принята Генеральной Ассамблеей ООН), Глобальной контртеррористической стратегии ООН (принята Генеральной Ассамблеей ООН)»³.

Однако не только ужесточение санкций за террористическую деятельность, но и дополнение УК РФ новыми антитеррористическими нормами следует рассматривать как проявление интеграционных процессов в национальном праве. В частности, упомянутым Федеральным законом введена уголовная ответственность за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Обосновывая введение данной законодательной новеллы, ее авторы указывали, что подход, «выделяющий в законодательстве международный терроризм в качестве самостоятельного вида преступной деятельно-

¹ Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001: Preserving Life and Liberty. URL: <https://web.archive.org/web/20100102035036/http://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения: 09.01.2021).

² Об ужесточении борьбы с террористическими преступлениями свидетельствуют те изменения и дополнения, внесенные на протяжении 2010–2018 гг. в Общую часть УК РФ, которыми в отношении лиц, их совершивших, увеличены сроки лишения свободы до 30 или 35 лет (ч. 5 ст. 56), запрещены применение условного осуждения (п. «а»)¹ ч. 1 ст. 73), освобождение по истечении сроков давности (ч. 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83), отсрочка отбывания наказания (ч. 1 ст. 82) и др.

³ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 № 174.

сти, уже свойствен отдельным зарубежным законодательствам (США, Республика Беларусь, Республика Македония и др.), а формулировка “международный терроризм” широко используется в ряде ключевых международно-правовых актов»¹.

Нормы, содержащиеся в международно-правовых актах, выступали в качестве одного из оснований (помимо практических потребностей повышения эффективности отечественного антитеррористического законодательства по противодействию терроризму) и для ряда других законодательных новелл². Так, Европейская конвенция о пресечении терроризма требует от подписавших ее государств – членов Совета Европы³ не квалифицировать «в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершаемого по политическим мотивам»:

- покушение на совершение одного из перечисленных в пунктах «а»–«е» ст. 1 данной Конвенции преступлений⁴;

- участие в качестве сообщника лица, которое совершает подобное преступление или покушается на его совершение.

Еще один международный документ – Резолюция 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. – обязывает все государства «ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались – или при осознании того, что они будут использованы, – для совершения террористических актов». Поскольку для подготовки и осуществления большинства террористических акций нужны значительные финансовые средства,

¹ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 № 174.

² В частности, после вступления в силу, в УК РФ были введены ст.: 205¹ (в 2000 г.), 205² (в 2006 г.), 205³–205⁵ (в 2013 г.), 205⁶ и 361 (в 2016 г.).

³ Российская Федерация ратифицировала ее Федеральным законом от 07.08.2000 № 121-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Речь идет о преступлениях, подпадающих под действие положений Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (подписанной в Гааге 16 декабря 1970 г.), и Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (подписанной в Монреале 23 сентября 1971 г.); а также о «серьезном преступлении, связанном с покушением на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов; преступлении, связанном с похищением, захватом заложников или серьезным незаконным насильственным удержанием людей; преступлении, связанном с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создает опасность для людей» (Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS N 90) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 27.01.1977, с изм. от 15.05.2003) // СПС «КонсультантПлюс»).

очевидно, отказ или уклонение от выполнения указанной резолюции, подписания или ратификации действующих конвенций и договоров в этой области равносильно торпедированию усилий борьбы с терроризмом.

Российский законодатель данные положения международно-правовых актов воспринял таким образом, что установил самостоятельную ответственность за приготовительные действия или покушение на отдельные террористические преступления, а также за соучастие в них или прикосновение к их совершению. Одним из примеров установления подобной ответственности является ст. 205¹ УК РФ. Вместе с тем на примере именно данной нормы стоит показать не только плюсы глобализации в уголовном праве, но и ее минусы.

Дело в том, что введение в УК РФ подобной нормы, по мнению многих российских исследователей, подрывает институты Общей части национального права о неоконченном преступлении и соучастии в преступлении, в социальном и криминологическом отношениях является необоснованным, а в плане технико-юридическом и содержательном – неудачным [8. С. 155–178; 18. С. 92–101; 19. С. 34–38; 20. С. 288; 21. С. 149; 22. С. 106; 23. С. 69–71]. Часть 3 ст. 205¹ УК РФ, в частности, придает значение самостоятельного состава преступления пособничеству (причем определение пособничества, содержащееся в примечании 1¹ к ст. 205¹ УК РФ, фактически дублирует его определение в Общей части – в ст. 33 УК РФ), устанавливает более строгое наказания пособнику, нежели исполнителю теракта и др. В этой связи в литературе вносятся разные предложения – от полного исключения из ст. 205¹ УК РФ части третьей [24. С. 10] до смягчения ее санкций [25. С. 43–46].

Заключение

По нашему мнению, глобализация в праве, в уголовном праве в особенности, должна иметь определенные границы. То, что международно-правовые акты рекомендуют или обязывают (в случае их ратификации) вносить изменения и дополнения в УК РФ, вовсе не означает, что их нужно обязательно вносить. Мы говорим не о том, что нужно игнорировать эти требования, а о том, что нужно хорошо знать собственное законодательство, которое нередко уже содержит те нормы, на введении которых настаивают международные документы. В частности, достаточно было вместо дополнения УК РФ спорными статьями, вроде 205¹, например, дополнить сами статьи, предусматривающие ответственность за отдельные террористические преступления, примечанием о том, что приготовление к их совершению и (или) покушение на их совершение наказуемы (или, подписывая международные договоры, сделать оговорку о том, что рекомендуемые ими нормы уже есть в российском законодательстве).

Безусловно, несмотря на предпринятые шаги по трансформации российского антитеррористического законодательства, его сближению и инте-

грации с международным и зарубежным правом, процесс глобализации в этой сфере не завершен. Особенно тесными интеграционные процессы должны происходить в законодательстве России и других государств – членов СНГ. Однако не менее важными представляются свойственные процессу глобализации взаимодействие и взаимовлияние законодательства России и государств, имеющих богатый и положительный опыт борьбы с терроризмом, как внутренним, так и зарубежным: США, Великобритании, Италии, Франции, Израиля, ФРГ, Испании и др. В качестве первых шагов необходимо устранить шероховатости в собственном, национальном законодательстве, поскольку те явные, очевидные недостатки, которые имеются в нем, не способствуют сближению с законодательством тех государств, качество которых выше, чем российское. Прежде всего, следует определиться с единым перечнем преступлений, охватываемых понятием «террористическая деятельность». Очевидно также, что только в случае совершения этих преступлений организация должна быть признана террористической (ч. 2 ст. 24 профильного закона 2006 г. допускает такое признание и при совершении ряда экстремистских преступлений).

Дополнение УК РФ ст. 361 породило у специалистов вопрос о том, что следует понимать под «международным терроризмом». Хотим напомнить, что российский профильный закон 1998 г. содержал определение «международная террористическая деятельность», которое, однако, в действующем профильном законе 2006 г. отсутствует. Между тем определение международного терроризма (международной террористической организации) имеется в законодательстве многих государств. Так, Акт США о патриотизме (ст. 802) содержит определение «внутреннего (“внутригосударственного”) терроризма»¹, в Свод законов США (раздел 18, § 2331) – международного терроризма, главным признаком которого закон считает транснациональность совершаемых насильственных или иных действий.

Еще один вопрос, который можно решать на путях интеграции и унификации национальных законодательств, это вопрос о террористических организациях. Мировой практике известны международные и внутригосударственные террористические организации (группы, объединения). Российскому законодателю, по примеру ряда стран, следует определиться, необходимо ли дополнить антитеррористическое законодательство нормой о международной террористической организации. Представляется, что это необходимо сделать, поскольку международная террористическая организация может обладать признаком, которого нет у внутригосударственной

¹ Так, после штурма Капитолия 6 января 2021 г. власти США возбудили не менее 25 дел о внутреннем терроризме (Раскрыто число дел о внутреннем терроризме в США после штурма Капитолия. URL: <https://lenta.ru/news/2021/01/11/25/>).

организации – это глобальный характер ее деятельности¹. Именно данный признак делает актуальным объединение усилий многих государств по противодействию такой организации и, как следствие, решению вопросов сближения (и трансформации) их национального антитеррористического законодательства.

Также следует обратить внимание на то, что в российском профильном законе 1998 г. имелось определение террористической группы, от которого, однако, по непонятным причинам законодатель отказался при принятии действующего профильного закона (2006 г.). Сегодня из-за отсутствия ее легальной дефиниции в нашей юридической литературе идут споры о том, чем являются появившиеся с 2013 г. в УК РФ (ст. 205⁴ и 205⁵) новые террористические группы («террористическое сообщество» и «террористическая организация») – организованной группой или преступной организацией [26. С. 175–182; 27. 100–105]. Между тем есть заслуживающий внимания опыт зарубежных государств. Например, Общая часть нового УК Казахстана (2014 г.) содержит норму, которая предлагает определение используемой в нормах уголовного закона «террористической группы» (п. 31 ст. 31)². Представляется, что по примеру казахстанского УК, российский УК также мог бы предложить ответ на вопрос о том, что следует понимать под упомянутыми им террористическими группами. Возможно, такое определение следует давать в Общей части (в главе «Соучастие в преступлении»), но не исключен вариант раскрытия содержания данного понятия в примечании к той статье Особенной части, в которой эти группы впервые упомянуты.

В любом случае следует признать, что трансформация антитеррористического права России (профильного законодательства и соответствующих норм УК РФ) должна быть продолжена в целях дальнейшего участия России в эффективном противодействии терроризму – международному в первую очередь. Терроризм давно перестал восприниматься как угроза локального характера, поэтому интернационализация противодействия ему является одним из проявлений глобализации в праве. Вместе с тем глобализация, которая является катализатором процессов сближения правовых систем и национальных законодательств, не означает, что трансформация национального права обязательно должна приводить к ломке правовых институтов и традиций, успешно применяемых в практической деятельности правоохранительных органов и судов государств.

¹ Сегодня глобальный характер свойствен деятельности международной террористической организации «Исламское государство», запрещенной в России и других государствах мира.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8671/file/Kazakhstan_CC_2014_am2020_ru.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

Список источников

1. James P., Steger M.B. A Genealogy of globalization: The career of a concept // Globalizations. 2014. № 11 (4). P. 417–434. doi: 10.1080/14747731.2014.951186
2. Дробот Г.А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 105–127.
3. Albrow M., King E. Globalization, Knowledge and Society. London : Sage, 1990. 280 p.
4. Larsson Th. The Race to the Top: The Real Story of Globalization. Washington, DC : Cato Institute, 2001. 150 p.
5. Steger M. Globalization: A Very Short Introduction. New York : Oxford University Press, 2009. 184 p.
6. Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения : учеб. пособие. Пенза : Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
7. Бассиони Ш., Бериа ди Аржентине А., Дельмас-Марти М., Мак-Клеллан Д., Мельникова Э., Родионов К., Ростед Х., Савицкий В., Скревенс Р. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект / отв. сост. В.М. Савицкий. М. : БЕК, 1995. 296 с.
8. Рапог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155–178.
9. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М. : Проспект, 2005. 176 с.
10. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М. : Едиториал УРСС, 2001. 288 с.
11. Терроризм: психологические корни и правовые оценки: круглый стол // Государство и право. 1995. № 4. С. 20–42.
12. Побегайло Э.Ф. Терроризм и уголовная ответственность // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма: Проблемно-тематический сборник. 1997. № 4.
13. Артамонов И. «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности // Уголовное право. 2002. № 3. С. 4–6.
14. Назаркин М.В. Криминалистическая характеристика и предупреждение терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 197 с.
15. Трофимов Е.Н. Международное гуманитарное право и контртеррористические операции // Военно-юридический журнал. 2007. № 4. С. 26–30.
16. Дикеев С. Теоретические проблемы установления смысловых границ в уголовно-правовом определении терроризма // Уголовное право. 2004. № 1. С. 20–22.
17. Мелешко Н.П. Понятие терроризма и отграничение его от преступлений с признаками терроризирования // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 125–130.
18. Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 92–101.
19. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 34–38.
20. Борисов С.В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : материалы X Рос. конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. /отв. ред. В.С. Комисаров. М. : Юрлитинформ, 2016. 562 с.
21. Феоктистов М.В. Ответственность за терроризм и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 105–110.
22. Кадников Н.Г., Дайшутов М.М. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 104–107.
23. Некрасова А.А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 69–71.

24. Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 28 с.

25. Степанов-Егиянц В.Г. Некоторые вопросы квалификации содействия террористической деятельности // Российский следователь. 2018. № 2. С. 43–46.

26. Сипки М. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 175–182.

27. Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 100–105.

References

1. James, P. & Steger, M.B. (2014) A Genealogy of globalization: The career of a concept. *Globalizations*. 11(4). pp. 417–434. DOI: 10.1080/14747731.2014.951186

2. Drobot, G.A. (2008) Globalizatsiya: ponyatie, etapy, protivorechiya, otsenki [Globalization: the concept, stages, contradictions, assessments]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2. pp. 105–127.

3. Albrow, M. & King, E. (1990) *Globalization, Knowledge and Society*. London: Sage.

4. Larsson, Th. (2001) *The Race to the Top: The Real Story of Globalization*. Washington, DC: Cato Institute.

5. Steger, M. (2009) *Globalization: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

6. Glebov, G.I. & Milaeva, O.V. (2010) *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern International Relations]. Penza: Penza State University.

7. Bassioni, Sh., Beria di Arzhentine, A., Delmas-Marty, M., McClellan, D., Melnikova, E., Rodionov, K., Rosted, H., Savitskiy, V. & Screvens, R. (1995) *Ugolovnaya yustitsiya: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy projekt* [Criminal Justice: Problems of International Cooperation. International Research Project]. Moscow: BEK.

8. Rarog, A.I. (2017) The Criminal Code of Russia Against Terrorism. *Lex Russica*. 4. pp. 155–178. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178

9. Kochoi, S.M. (2005) *Terrorizm i ekstremizm: ugovolno-pravovaya kharakteristika* [Terrorism and extremism: criminal law characteristics]. Moscow: Prospekt.

10. Petrishchev, V.E. (2001) *Zametki o terrorizme* [Notes on terrorism]. Moscow: Editorial URSS.

11. Gosudarstvo i pravo. (1995) *Terrorizm: psikhologicheskie korni i pravovye otsenki: kruglyy stol* [Terrorism: psychological roots and legal assessments: the round table]. *Gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 20–42.

12. Pobegaylo, E.F. (1997) *Terrorizm i ugovolnaya otvetstvennost'* [Terrorism and criminal liability]. *Aktual'nye problemy Evropy. Problemy terrorizma: Problemno-tematicheskii sbornik*. 4.

13. Artamonov, I. (2002) “Terrorizm”: problemy ugovolnoy otvetstvennosti [“Terrorism”: problems of criminal responsibility]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 4–6.

14. Nazarkin, M.V. (1998) *Kriminalisticheskaya kharakteristika i preduprezhdenie terrorizma* [Forensic characteristics and prevention of terrorism]. Law Cand. Diss. Moscow.

15. Trofimov, E.N. (2007) *Mezhdunarodnoe humanitarnoe pravo i kontrterroristicheskie operatsii* [International humanitarian law and counter-terrorist operations]. *Voenno-yuridicheskii zhurnal – Military-Law Journal*. 4. pp. 26–30.

16. Dikeev, S. (2004) *Teoreticheskie problemy ustanovleniya smyslovyykh granits v ugovolno-pravovom opredelenii terrorizma* [Theoretical problems of establishing semantic boundaries in the criminal law definition of terrorism]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 20–22.

17. Meleshko, N.P. (2004) *Ponyatie terrorizma i ogranichenie ego ot prestupleniy s priznakami terrorizirovaniya* [The concept of terrorism and its delimitation from crimes with signs of terrorization]. In: Dolgova, A.I. (ed.) *Terrorizm v Rossii i problemy sistemnogo*

reagirovaniya [Terrorism in Russia and Problems of Systemic Response]. Moscow: Russian Criminological Association. pp. 125–130.

18. Kaufman, M.A. (2016) Mistakes in criminal law legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 92–101. (In Russian). DOI: 10.12737/21224

19. Gladkikh, V.I. (2014) New legal mechanisms of fighting terrorism: critical analysis. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 34–38. (In Russian).

20. Borisov, S.V. (2016) K voprosu o kriminologicheskoy osnove sostava prestupleniya v vide posobnichestva v sovershenii terroristicheskogo akta [On the criminological basis of the crime of complicity in the commission of a terrorist act]. In: Komisarov, V.S. (ed.) *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Moscow: Yurlitinform.

21. Feoktistov, M.V. (2004) Otvetstvennost' za terrorizm i problemy sovershenstvovaniya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva [Responsibility for terrorism and problems of improving Russian criminal legislation]. In: Dolgova, A.I. (ed.) *Terrorizm v Rossii i problemy sistemnogo reagirovaniya* [Terrorism in Russia and Problems of Systemic Response]. Moscow: Russian Criminological Association. pp. 105–110.

22. Kadnikov, N.G. & Dayshutov, M.M. (2016) O problemakh otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti [On the problems of responsibility for terrorist crimes]. *Obshchestvo i pravo*. 2(56). pp. 104–107.

23. Nekrasova, A.A. (2016) Problemy sistematizatsii ugovolno-pravovogo regulirovaniya spetsial'nykh vidov prikosnovennosti i souchastiya v prestupleniyakh terroristicheskogo kharaktera [Problems of systematization of criminal law regulation of special types of implication and complicity in crimes of a terrorist nature]. *Obshchestvo i pravo*. 4(58). pp. 69–71.

24. Serebryakov, A.V. (2012) *Sodeystvie terroristicheskoy deyatel'nosti: problemy kvalifikatsii i sootnosheniya so smezhnymi sostavami prestupleniy* [Facilitating terrorist activity: problems of qualification and correlation with related elements of crimes]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.

25. Stepanov-Egiyants, V.G. (2018) Some issues of qualification of facilitating terrorist activities. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2. pp. 43–46. (In Russian).

26. Sipki, M. (2017) Arranging the Activities of a Terrorist Organization and Participation in These Activities (Art.2055 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 3. pp. 175–182. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.76.3.175-182

27. Ulyanova, V.V. (2015) Terroristicheskoe soobshchestvo i terroristicheskaya organizatsiya: problemy kvalifikatsii [The terrorist community and the terrorist organization: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 100–105.

Информация об авторе:

Кочои С.М. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: sam.kochoi@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.M. Kochoi, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sam.kochoi@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2021;
одобрена после рецензирования 15.06.2021; принята к публикации 02.03.2022.

The article was submitted 02.02.2021;
approved after reviewing 15.06.2021; accepted for publication 02.03.2022.

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.17223/22253513/43/7

Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности

Лев Михайлович Прозументов¹, Александр Викторович Шеслер^{2,3}

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

³ *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Новокузнецк, Россия,*

¹ *krim_tsu@mail.ru*

^{2,3} *sofish@inbox.ru*

Аннотация. Анализируются средства противодействия групповой преступности, предусмотренные действующим уголовным законодательством. Отмечается, что к этим средствам относятся нормы о соучастии в преступлении, прикосновенности к нему, посредственном совершении преступления, групповых образованиях как признаке объективной стороны конкретных составов преступлений. Указывается, что эти нормы отражают различные типы фактического взаимодействия участников группового преступления.

Ключевые слова: групповая преступность, соучастие в преступлении, прикосновенность к преступлению, посредственное совершение преступления, групповые образования

Для цитирования: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 86–96. doi: 10.17223/22253513/43/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/7

Criminal legal means against combating group crimes

Lev M. Prozumentov, Alexander V. Shesler

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,*

³ *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russian Federation*

¹ *krim_tsu@mail.ru*

^{2,3} *sofish@inbox.ru*

Abstract. Group criminality as a criminological phenomenon comprises group crimes. And a group crime is any interaction of several individuals, the content of which is a joint criminal activity. Such activities may consist not only of acts assessed by criminal law as crimes but of actions, which do not receive such an assessment.

In the current Criminal Code of the Russian Federation, the commission of a crime by a group of persons is classified as complicity in a crime. And members of the group, under Part 1, Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation, are called perpetrators. The analysis of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation enables us to speak about an expanded interpretation of the commission of a crime by a group of persons that contradicts the current legislation. The authors propose a different approach to the consideration of this problem. The signs of a group crime in a criminological sense are, first, the involvement of several individuals in the criminal encroachment. Second, all members in a group crime must have a common group goal. Third, the interaction of members in a group crime should find its expression in the separation of functions. Fourth, group crime is characterized by a negative consequence for all members of the group.

It is possible to distinguish the following criminal law norms that characterize the interaction of several individuals as a group crime, and serve as the means of countering group crime: 1. Norms providing for the participation of several persons in performing a specific element of crime, assessed by criminal law as complicity in a crime. 2. Norms providing for the actual participation in performing a specific element of crime together with persons brought to criminal responsibility, those persons whose actions are not criminal because of the absence of signs of the subject of the crime (failure to reach the age of criminal responsibility or insanity). 3. Norms providing for the actual participation of several persons in the performance not of an act, but in the formation with a certain person who commits a crime, of other mandatory elements of the objective side of the crime as group formations. 4. Norms providing for the criminal participation of some persons in the negative activities of other persons after the commission of the crime, aimed at creating obstacles to the disclosure of crimes committed by the latter and bringing these persons to criminal responsibility.

To sum up, we can note that our conclusions are not indisputable, in many respects, they are staged in nature and need additional substantiation.

Keywords: group crime, complicity in crime, attachment to a crime, mediocre commission of a crime, group formations

For citation: Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2022) Criminal legal means against combating group crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 86–96. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/7

Групповая преступность как криминологическое явление состоит из групповых преступлений. Групповое преступление представляет собой любое взаимодействие нескольких физических лиц, содержанием которой является совместная преступная деятельность. Однако сама эта деятельность может складываться не только из действий, которые оцениваются уголовным законом как преступление, но и из действий, которые такой оценки не получают, однако представляют собой фактическое участие одних лиц в совместном совершении преступления с другими лицами. На этот аспект группового преступления давно обращается внимание в юридической литературе.

Так, Ф.Г. Бурчак акцентировал внимание на совершении преступления группой несовершеннолетних, из которых лишь один привлекается к уголовной ответственности, так как другие не достигли требуемого для этого

возраста, называя такие ситуации несостоявшимся соучастием [1. С. 14–15]. Р.И. Михеев ставил вопрос о необходимости уголовно-правовой оценки «групповых эксцессов», понимая под ними ситуации, при которых в посягательствах, предусмотренных уголовным законом, участвуют не только преступники, но и лица, не обладающие признаками субъектов преступления в силу невменяемости. Автор признавал такие посягательства одной из форм групповой преступной деятельности [2. С. 111–114]. Р.Р. Галиакбаров предложил оценивать ситуации, при которых объективная сторона состава преступления выполняется действиями нескольких физических лиц при наличии лишь у одного из них признаков субъекта преступления и отсутствии таковых в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости, как совершение преступления группой лиц. Автор исходит из того, что совершение преступления группой лиц, предусмотренное в качестве квалифицирующего признака ряда составов преступлений или в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, следует понимать не только как соисполнительство в преступлении, при котором все соучастники являются исполнителями (полностью или частично выполняют объективную сторону конкретного состава преступления), а более широко, как способ выполнения объективной стороны состава преступления [3. С. 1–15].

В период действия УК РСФСР 1960 г. эта позиция основывалась на некоторых ранее действовавших постановлениях Пленума Верховного Суда РСФСР (РФ), дающих толкование такому квалифицирующему признаку, как совершение преступления группой лиц. Так, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» указывалось: «Действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенные по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации соответственно по ч. 2 ст. 90, п. “а” ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 145, п. “а” ч. 2 ст. 146 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности» [4–7]. В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» отмечалось: «Действия участника группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР, или по другим предусмотренным законом основаниям» [8]. Этой позиции придерживались суды при вынесении конкретных решений не только по уголовным делам об изнасиловании, грабеже, разбое [9. С. 327; 10. С. 183], но и по уголовным делам о всех формах хищения [11. С. 185].

Такая позиция не получила широкой поддержки среди исследователей, которые совершение преступления группой лиц в уголовно-правовом значении относили к соучастию в форме соисполнительства, не отрицая нали-

чия преступной группы при одном субъекте преступления в криминологическом значении [12. С. 243–244; 13. С. 57–59; 14. С. 11–13].

В действующем УК РФ совершение преступления группой лиц отнесено к соучастию в преступлении, так как участники группы в ч. 1 ст. 35 УК РФ именуются исполнителями. Вместе с тем Верховный Суд РФ занимает противоречивую позицию в отношении такого посягательства. В пункте 9 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывалось: «...совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия. Вместе с тем при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности по указанным выше основаниям, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» [15. С. 540]. В пункте 42 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» отмечается: «В случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» [16. С. 9]. Аналогичное положение содержалось в ранее действующей редакции п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «В случае совершения кражи несколькими лицами... их действия следует квалифицировать... по признаку “группа лиц”, если в совершении этого преступления совместно участвовало два или более исполнителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное. Если лицо совершило кражу посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия... следует квалифицировать... как непосредственного исполнителя преступления...» [17]. Эти положения свидетельствуют о том, что Верховный Суд РФ не допускал расширительного толкования совершения преступления группой лиц, подразумевая под ним только соучастие в форме соисполнительства.

Иное толкование совершения преступления группой лиц дано в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 г., а именно: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участво-

вавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости» [18]. В обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2004 г. аналогичная позиция подтверждается: «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего... независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости» [19].

В 2010 г. была изменена редакция п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Из него было исключено положение о том, что признак «группа лиц» имеется, если в совершении преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное. Такое изменение было, по сути, «молчаливой санкцией» Верховного Суда РФ на расширительное толкование в практике судов совершения преступления группой лиц не только как соисполнительства, но и как выполнения объективной стороны состава преступления действиями нескольких физических лиц при наличии лишь у одного из них признаков субъекта преступления и отсутствии таковых у других участников группы в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости. Судебная практика по конкретным уголовным делам активно восприняла такую позицию [20. С. 98–104], которая и в настоящий период находит теоретическое обоснование у ряда исследователей [21. С. 51–53]. В решениях судов и работах исследователей такая позиция обосновывается фактическим участием физических лиц, не обладающих признаками субъекта преступления, в выполнении объективной стороны преступления и необходимостью в связи с таким участием уголовно-правовой оценки повышенной общественной опасности преступления.

Конечно, такое расширительное толкование совершения преступления группой лиц противоречит действующему законодательству, поскольку в нем, как уже отмечалось, такое посягательство отнесено к соучастию в преступлении в форме соисполнительства. В целом критикуемое толкование группового посягательства не соответствует закреплённому в ст. 3 УК РФ принципу законности, одним из аспектов которой в уголовном праве является недопустимость применения уголовного закона по аналогии. Указанное толкование, даваемое Верховным Судом РФ, является нормативной основой для аналогии уголовного закона, а выносимые судами решения по конкретным уголовным делам – применением уголовного закона по аналогии.

Следуя логике расширительного толкования группового преступления в уголовно-правовом смысле, можно признать всякое соучастие возможным при совершении преступления несколькими лицами, из которых

лишь одно является субъектом преступления. В таком случае зачем вообще в уголовном законодательстве нужна конструкция соучастия, если она не предполагает особенностей в основаниях уголовной ответственности субъектов преступления, совместно осуществивших преступное посягательство?

Считаем необходимым указать также на то, что расширительное толкование совершения преступления группой лиц не снимает практического и даже законодательного решения вопроса о минимальном возрасте и минимальной границе расстройств психической деятельности для признания участниками преступной группы лиц, фактически участвовавших в выполнении объективной стороны преступления. Выходит, что помимо конструкции субъекта преступления нужно будет создать в уголовном законе еще и конструкцию фактического участника преступления, который не будет нести уголовной ответственности? Полагаем, что решать эти искусственно создаваемые проблемы не придется, если правоприменитель откажется от расширительного толкования группового преступления в уголовно-правовом смысле и будет понимать под ним только соучастие в форме соисполнительства.

Вместе с тем отметим, что критикуемая позиция возникла не на пустом месте и отражает реальную проблему необходимости уголовно-правовой оценки действий фактических участников одного преступления, которые не подпадают под признаки соучастия в преступлении. Не случайно некоторые исследователи указывают на несовпадение терминов «групповое преступление» и «преступная группа» в уголовно-правовом и криминологическом смысле [22. С. 21–45].

Для разрешения возникшей проблемы Р.Р. Галиакбаров предложил ввести в научный оборот термин «множественность участников одного преступления», который, по мнению автора, охватывает не только соучастие в преступлении, но и неосторожное сопричинение преступного результата усилиями нескольких лиц, объективное групповое исполнение посягательства, когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невиновно действующего лица или лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости. Эту разновидность проявления множественности в уголовном праве автор предлагал отличать от иных видов стечения нескольких лиц в одном преступлении (прикосновенности к преступлению, посредственного причинения, группы как необходимого признака объективной стороны преступного посягательства, характеризующего обстановку его совершения, групповых действий как признака объективной стороны преступления, субъектами которого выступают организаторы и участники таких действий, стечения нескольких потерпевших от одного преступления) [23. С. 7–9, 41–88].

В нашу задачу не входит полемика с автором по поводу его понимания множественности участников одного преступления и стечения нескольких

лиц в одном преступлении. Тем более, что нами достаточно внимания уделено анализу его позиции по поводу совершения преступления группой лиц. Отметим основную заслугу Р.Р. Галиакбарова, а именно: он обратил внимание на то, что не все разновидности совместного преступного посягательства охватываются нормами о соучастии в преступлении, что действия некоторых из участников такого посягательства не квалифицируются как преступления, что уголовный закон нуждается в совершенствовании в аспекте правовой оценки действий последних.

Из всей совокупности уголовно-правовых норм, предусматривающих стечение нескольких лиц в одном преступлении, к средствам противодействия групповой преступности относятся те из них, которые дают уголовно-правовую оценку групповому преступлению как факту криминологической реальности. Признаками группового преступления в криминологическом смысле являются, во-первых, включенность в преступное посягательство нескольких физических лиц. Причем обязательно, чтобы действия хотя бы одного из них уголовный закон оценивал как преступление. Именно такая оценка придает посягательству в целом характер преступного. Если в совместное посягательство входят только такие общественно опасные деяния, которые не признаются преступлением (например, деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, совершаемые невменяемыми, о которых речь идет в п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ), такое посягательство не имеет отношения к групповому преступлению.

Во-вторых, у всех участников группового преступления должно быть наличие общей групповой цели, реализуемой в групповом преступлении, которой подчиняется каждый из участников группы. Это не исключает наличие индивидуальных целей у каждого из участников посягательства. Например, один из участников группового убийства помимо цели лишения жизни потерпевшего преследует цель завладеть находящимися при нем деньгами, а другой участник – отомстить потерпевшему за нанесенную обиду. Отсутствие единой групповой цели у лиц, действия которых объективно стекаются в один преступный результат, не позволяет отнести неосторожное сопричинение к групповому преступлению.

В-третьих, взаимодействие участников группового преступления должно находить выражение в разделении функций, характеризующих взаимную зависимость действий каждого из его участников, и соединении их усилий, направленных на достижение общего результата.

И, наконец, групповое преступление характеризуется общим для всех участников группы негативным последствием их деятельности. Это означает, что причинная связь существует не между действиями отдельного участника группы и наступившим результатом, а между совместной деятельностью и результатом. Действия отдельного участника группового посягательства не содержат в себе неизбежности последствий или их реальной возможности. Таким образом, групповое преступление имеет ме-

сто, когда можно сделать следующий вывод: совместное действие содержит в себе реальную возможность или неизбежность наступления общего от него результата.

Основываясь на этих положениях, можно выделить следующие разновидности уголовно-правовых норм, характеризующих взаимодействие нескольких физических лиц как групповое преступление и являющихся средствами противодействия групповой преступности.

1. Нормы, предусматривающие участие в выполнении конкретного состава преступления нескольких лиц, оцениваемое уголовным законом как соучастие в преступлении. Спецификой в этом случае, характеризующим соучастие в преступлении, является то, что для него, как уже отмечалось неоднократно, необходимо, чтобы не менее двух участников совместного преступления обладали свойствами субъекта преступления и действия которых оценивались именно как преступление.

2. Нормы, предусматривающие фактическое участие в выполнении конкретного состава преступления вместе с лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, тех лиц, действия которых не являются преступными в силу отсутствия признаков субъекта преступления (недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости). Фактическое участие этих лиц выражается в выполнении главного элемента объективной стороны состава преступления – деяния. Действия лиц, подлежащих уголовной ответственности, квалифицируются уголовным законом как посредственное совершение преступления, причем как совершенные индивидуально, а не совместно. В этом случае групповое преступление состоит из преступных действий лица, посредственно совершающего преступление, и не преступных действий фактических участников преступления.

3. Нормы, предусматривающие фактическое участие нескольких лиц в выполнении не деяния, а в формировании с определенным лицом, совершающим преступление, других обязательных элементов объективной стороны состава преступления в виде групповых образований. Данные лица действуют с ним совместно, формируя определенную обстановку совершения преступления (например, в случае, предусмотренном в ст. 212 УК РФ, создавая толпу при массовых беспорядках, в процессе которых другими лицами совершается преступление), воплощая преступный результат определенного преступного действия (например, в случае, предусмотренном в ст. 232 УК РФ, участвуя в притоне, организованном другими лицами), субъектно образуя социальную среду, используемую в качестве средства совершения преступления (например, в случае, предусмотренном в ст. 239 УК РФ, участвуя в религиозном объединении, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью людям). Указанная связь этих действий с совершенным преступлением позволяет включить их в совместную преступную деятельность. Однако уголовный закон считает действия только некоторых фактических участников события преступления общественно опасными и уголовно наказуемыми (прежде всего

организаторов, руководителей, подстрекателей, иных активных участников). Отметим, в последние годы законодатель пошел по пути расширения криминализации таких действий (организаторских, подстрекательских и пособнических действий), которые соучастием не являются (например, в ст. 110.1, 110.2, 171.2, 230.1 УК РФ).

4. Нормы, предусматривающие преступное участие одних лиц в негативной после совершения преступления деятельности других лиц, направленной на создание препятствий к раскрытию совершенных последними преступлений и привлечению этих лиц к уголовной ответственности. В этом случае групповое преступление также состоит из преступных действий, квалифицируемых уголовным законом как укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ), несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ), и непреступных, хотя и негативных действий лиц, совершивших преступление, которое укрывается или о котором не сообщается (исключение составляет деяние, предусмотренное ст. 174.1, представляющее пример вторичной криминализации) [21. С. 17–18].

В заключение отметим, что наши выводы не являются бесспорными, во многом носят постановочный характер и нуждаются в дополнительном обосновании.

Список источников

1. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев : Вища школа, 1986. 208 с.
2. Михеев Р.И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. 288 с.
3. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М. : Юрид. лит., 1980. 80 с.
4. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6.
5. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1971. № 4.
6. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1983. № 10.
7. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 7.
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.
9. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1964–1972 гг.). М. : Юрид. лит., 1974. 648 с.
10. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1974–1979 гг.). М. : Юрид. лит., 1981. 400 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М. : Юрид. лит., 1980. 416 с.
12. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М. : Юрид. лит., 1974. 360 с.
13. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 128 с.
14. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. М. : Компания Спутник+, 2004. 156 с.
15. Судебная практика по уголовным делам : в 2 ч. М. : Экзамен, 2002. Ч. 1. 928 с.
16. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
17. Российская газета. 2003. 18 января.
18. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8.
19. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

20. Шеслер А.В., Беларева О.А. Вандализм, совершенный группой лиц // Уголовное право. 2017. № 5. С. 98–104.
21. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.
22. Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 164 с.
23. Галиакбаров Р.Р. Квалификация много субъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск : Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. 96 с.
24. Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень : Тюменский юридический институт МВД России, 2005. 118 с.

References

1. Burchak, F.G. (1986) *Souchastie: sotsial'nye, kriminologicheskie i pravovye problem* [Complicity: social, criminological and legal problems]. Kiev: Vishcha shkola.
2. Mikheev, R.I. (1992) *Nevmenyaemyy. Sotsial'no-pravovoy ocherk* [The Irresponsible. A Socio-legal Essay]. Vladivostok: Far East University.
3. Galiakbarov, R.R. (1980) *Kvalifikatsiya gruppovykh prestupleniy* [Qualification of Group Crimes]. Moscow: Yurid. lit.
4. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1966) 6.
5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1971) 4.
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1983) 10.
7. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1990) 7.
8. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (1992) 7.
9. The Supreme Court of the RSFSR. (1974) *Sbornik postanovleniy Prezidiuma i opredeleniy Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RSFSR (1964–1972 gg.)* [Collected decisions of the Presidium and definitions of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR (1964–1972)]. Moscow: Yurid. lit.
10. The Supreme Court of the RSFSR. (1981) *Sbornik postanovleniy Prezidiuma i opredeleniy Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RSFSR (1974–1979 gg.)* [Collected decisions of the Presidium and definitions of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR (1974–1979)]. Moscow: Yurid. lit.
11. Severin, Yu.D. (ed.) (1980) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
12. Kriger, G.A. (1974) *Kvalifikatsiya khishcheniy sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of socialist property thefts]. Moscow: Yurid. lit.
13. Ivanov, N.G. (1991) *Ponyatie i formy souchastiya v sovetskom ugolovnom prave* [The concept and forms of complicity in Soviet criminal law]. Saratov: Saratov State University.
14. Dyadkin, D.S. (2004) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a crime]. Moscow: Kompaniya Sputnik+.
15. Russia. (2002) *Sudebnaya praktika po ugolovnym delam* [Judicial Practice in Criminal Cases]. Vol. 1. Moscow: Ekzamen.
16. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2011) 4.
17. *Rossiyskaya gazeta*. (2003) 18th January.
18. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2001) 8.
19. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2005) 4.
20. Shesler, A.V. & Belareva, O.A. (2017) *Vandalizm, sovershennyy gruppoy lits* [Vandalism committed by a group of persons]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 98–104.
21. Rarog, A. & Esakov, G. (2002) *Ponimanie Verkhovnym Sudom RF “gruppy lits” sootvetstvuet printsipu spravedlivosti* [The Supreme Court of the Russian Federation interprets a “group of persons” by the principle of justice]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 51–53.

22. Prozumentov, L.M. (2010) *Gruppovoe prestuplenie: voprosy teorii i praktiki* [Group crimes: questions of theory and practice]. Tomsk: Tomsk State University.

23. Galiakbarov, R.R. (1987) *Kvalifikatsiya mnogosub"ektnykh prestupleniy bez priznakov souchastiya* [Qualification of multi-actor crimes without signs of complicity]. Khabarovsk: Khabarovsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.

24. Shesler, A.V. (2005) *Kriminologicheskie i ugodovno-pravovye aspekty gruppovoy prestupnosti* [Criminological and criminal law aspects of group crimes]. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Информация об авторах:

Прокументов Л.М. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Шеслер А.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.M. Prozumentov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

A.V. Shesler, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service (Novokuznetsk, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2021;
одобрена после рецензирования 18.12.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 22.10.2021;
approved after reviewing 18.12.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 343.97/37.06
doi: 10.17223/22253513/43/8

Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся)

Владислав Сергеевич Соловьев

*Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
vladsolovyev@mail.ru*

Аннотация. В результате интернет-опроса обучающихся образовательных организаций оценена вероятность совершения учащимися насильственных действий, в результате которых могли бы погибнуть или серьезно пострадать люди; возможность пронести в учебное заведение оружие или взрывчатку; масштабы распространения субкультур «Колумбайн» и «А.У.Е.». Сравнивались ответы, данные учащимися на разных территориях, установлена корреляция между угрозами безопасности и уровнем криминальной активности несовершеннолетних.

Ключевые слова: интернет-опрос, социальные сети, скулшутинг, А.У.Е., Колумбайн

Для цитирования: Соловьев В.С. Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 97–113. doi: 10.17223/22253513/43/8

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/8

Threats to the security of educational institutions (criminological study based on an anonymous online survey of students)

Vladislav S. Solovjev

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar,
Russian Federation, vladsolovyev@mail.ru*

Abstract. The aim was to assess the scale and manifestation of security threats in educational institutions in Russia, the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia. For this purpose, an anonymous Internet survey of 1,075 students was conducted between March and June 2019. The questionnaire included 2 sets of

questions - about some of the characteristics of the interviewees (gender, age, place of residence, type of educational institution where they study) and about various security threats in educational organisations. The answers given by students in different territories were compared, and a correlation was established between security threats and the level of juvenile criminal activity.

More than 40 per cent of the students were inclined to believe that a situation could occur in their educational institutions where the actions of the students could lead to death or serious harm. Over 60 per cent of respondents said that they would be able to bring weapons or explosive devices into their educational institutions.

More than half of the students had encountered the display of cold weapons in educational institutions. Respondents also noted that they had seen gas, pneumatic, traumatic, hunting, military firearms, and explosive devices in educational institutions.

About 6% of those surveyed believe that there are those among the students at their educational institutions who admire teenagers who have killed people in schools and colleges, consider them their idols, and seek to emulate them.

Students are interviewed about the tragedies of homicide and serious harm to health in educational establishments. Class teachers are the most active in conducting such discussions, followed by law enforcement officials, psychologists, and representatives of the administration of educational institutions. Almost every fourth Russian respondent answered that his or her educational institution had not conducted talks about tragedies related to homicide and serious harm to health in educational institutions.

One in five respondents answered that there had been conflicts in their educational institution as a result of which someone had been killed or seriously injured.

Over 37% of respondents said that there were students who were mocked and humiliated in their classes (groups), with over 23% believing that they could avenge humiliation by killing or causing serious harm to their health.

More than 37% of respondents believe that there are those who live by the thieves' ideology among the students in their educational institutions. About 4% of respondents met students in their educational organisations who collect money from others "for the common fund", "to warm up the area", i.e. for criminals.

The results of the study can serve as a means of criminological monitoring of the security of the educational environment, become the basis for selecting objects of prevention, and be used as a methodological basis and source of empirical information for criminological research and law enforcement activities.

Keywords: internet survey, social media, skoolshooting, A.U.E., Columbine

For citation: Solovjev, V.S. (2022) Threats to the security of educational institutions (criminological study based on an anonymous online survey of students). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 97–113. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/8

Безопасность образовательной среды – важнейшее условие получения знаний, гармоничного развития личности обучающихся, их полноценной социализации, психологического комфорта как учащихся, так и сотрудников образовательных организаций. Криминологическая ситуация показывает, что, к сожалению, вопросы обеспечения безопасности образовательных организаций от самого широкого спектра угроз являются трудноразрешимыми. К числу наиболее актуальных угроз можно отнести случаи проявления прямого физического насилия в образовательных организаци-

ях, крайней формой которого является «скулшутинг» – вооруженное нападение на учащихся и персонал на территории учебного заведения [1. С. 29]; унижения и оскорбления в учебных коллективах, проникновение криминальной идеологии в образовательную среду. Для успешного противодействия указанным явлениям субъектам профилактики необходима качественная научно обоснованная оценка масштабов и форм проявления угроз безопасности в образовательных организациях. С этой целью с марта по июнь 2019 г. методом анкетирования проводился анонимный интернет-опрос 1 075 учащихся.

Выборка респондентов осуществлялась по профилям в социальной сети «ВКонтакте» по полу, возрасту и месту проживания. Проанализировав содержание личной страницы потенциального респондента, член исследовательской группы обращался к нему, разъяснял суть исследования, просил перейти по ссылке и заполнить анкету. Сама анкета размещалась на сервере виртуальных исследований virtualexs.ru.

Одной из задач членов исследовательской группы был анализ содержания личной страницы потенциального респондента. Необходимо было установить, что страница активна, на ней имеются фотографии и записи на «стене». Лишь в этом случае пользователь приглашался к участию в опросе.

Анкета включала в себя два блока вопросов – о некоторых характеристиках опрашиваемых (пол, возраст, место проживания, вид учебного заведения, где они обучаются – 5 вопросов) и о различных угрозах безопасности в образовательных организациях (16 вопросов).

Анализ ответов на вопросы из первого блока позволил получить следующую информацию.

Гендерное соотношение опрошенных следующее: 38,8% составляют лица мужского пола и 61,2% – лица женского пола. Были опрошены пользователи из четырех возрастных групп: моложе 14 лет (4,4%), 14–15 лет (28,3%), 16–17 лет (43,9%), 18 лет и старше (23,4%). Максимальное внимание было сосредоточено на оценке мнений старшеклассников школ и студентов профессиональных образовательных организаций. Среди опрошенных ученики общеобразовательных организаций составили 73,3%, студенты профессиональных образовательных организаций – 26,7%.

Исследованием были охвачены 76 субъектов Российской Федерации, а также Республики Абхазия и Южная Осетия. Итоги подводились на уровне федеральных округов, что позволило определить корреляционную связь между уровнем преступности несовершеннолетних и безопасностью образовательных организаций. Удельный вес опрошенных из разных федеральных округов следующий:

1) Южный федеральный округ – 16,9% (коэффициент преступной активности несовершеннолетних (далее – Кф), рассчитанный в период с 2014 по 2018 г., равен 71,3);

- 2) Центральный федеральный округ – 16% (Кф = 55,1);
- 3) Северо-Западный федеральный округ – 14,5% (Кф = 104,5);
- 4) Приволжский федеральный округ – 14,4% (Кф = 81,9);
- 5) Дальневосточный федеральный округ – 12,8% (Кф = 180,3);
- 6) Сибирский федеральный округ – 11,8% (Кф = 145);
- 7) Северо-Кавказский федеральный округ – 8,1% (Кф = 27,9);
- 8) Уральский федеральный округ – 5,5% (Кф = 128,9).

Дифференциация респондентов также проводилась в зависимости от размеров населенных пунктов, где они проживают. Были опрошены 32,3% жителей региональных центров и городов федерального значения, 35,6% жителей крупных городов с населением более 100 тысяч человек, 19,7% респондентов из небольших городов с населением менее 100 тысяч человек и 12,4% жителей сельской местности.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос, может ли, по их мнению, в учебном заведении, где они обучаются, произойти трагедия, похожая на ту, которая случилась в Керченском политехническом колледже 1 октября 2018 г., когда в результате действий учащихся могли бы погибнуть или серьезно пострадать люди. В итоге установлено, что на территории России 14,2% учащихся уверены, что такая трагедия может произойти. Еще 26,9% считают, что трагедия произойти может, но точно в этом не уверены. Доля тех, кто считает, что скорее всего такая трагедия произойти не может, но точно в этом не уверены, составила 33,3%. Таким образом, 41,1% учащихся склоняются к тому, что в их образовательных организациях возможна ситуация, когда в результате действий учащихся могли бы погибнуть или серьезно пострадать люди. Наибольшая доля респондентов, утвердительно ответивших на вопрос, проживает на территории Уральского (51,8%), Дальневосточного (45%) и Южного (43,9%) федеральных округов, наименьшая доля – в Северо-Кавказском федеральном округе (30,5%). В этом же федеральном округе наименьшая доля тех, кто уверен в том, что трагедия, подобная керченской, может произойти в их учебных заведениях (9,8%). В Республике Абхазия 44% учащихся склоняются к тому, что в их учебных заведениях возможна ситуация, когда в результате действий учащихся могут погибнуть или серьезно пострадать люди. В Республике Южная Осетия этот показатель существенно ниже – 19,6%.

Респондентам было предложено оценить, смогут ли они при желании пронести в учебное заведение, где они обучаются, оружие или взрывные устройства. Сообщили, что это сделать не сложно, 43,5% опрошенных из России. Ещё 17% учащихся ответили, что это сделать трудно, однако они смогли бы, если бы захотели. Таким образом, 60,5% респондентов, обучающихся на территории России, утверждают, что смогли бы пронести в свои учебные заведения оружие или взрывные устройства. Наибольшая доля респондентов, утверждающих, что они смогли бы пронести в учебные заведения, где они обучаются, оружие или взрывные устройства, проживает на

территории Дальневосточного (70,5%) и Сибирского (67,3%) федеральных округов. Минимальный показатель (39%) зафиксирован в Северо-Кавказском федеральном округе. Это можно объяснить повышенным вниманием к антитеррористической защищенности образовательных организаций на Северном Кавказе. В Республике Абхазия 56% учащихся уверены, что смогли бы пронести в свои учебные заведения оружие или взрывные устройства. В Республике Южная Осетия этот показатель составляет 39%.

Следующий вопрос был сконструирован в форме матрицы и направлен на то, чтобы выяснить, случалось ли такое, что учащиеся (сами респонденты, их одноклассники, однокурсники, учащиеся параллельных, старших, младших классов и курсов) приносили и демонстрировали внутри учебного заведения холодное оружие (ножи, кастеты, нунчаки, телескопические дубинки), травматическое оружие (пистолеты, револьверы), пневматическое оружие (пистолеты, винтовки), газовое оружие, охотничьи ружья или обрезы, боевое огнестрельное оружие, взрывные устройства (гранаты, тротильовые шашки и др.). По каждому из видов оружия респондентам предлагалось выбрать один из трех вариантов ответов: «такое бывает регулярно», «были единичные случаи», «таких случаев не было».

На территории России 8,2% опрошенных отметили, что в их учебные заведения учащиеся регулярно приносят холодное оружие, еще 45,3% утверждают, что сталкивались с этим в единичных случаях. Таким образом, 53,5% российских учащихся сталкивались в своих учебных заведениях с демонстрацией холодного оружия. Наибольшая доля таких учащихся в Сибирском (12,6% опрошенных делали это часто, 50,4% – в единичных случаях) и Дальневосточном (9,3% – часто, 48,1% – в единичных случаях) федеральных округах. Достаточно высок процент респондентов, сталкивавшихся в учебных заведениях с холодным оружием, в Республике Абхазия. Делали это часто 12% абхазских учащихся, еще 44% – в единичных случаях. В Республике Южная Осетия 4,9% респондентов указали, что регулярно встречаются с демонстрацией холодного оружия в учебных заведениях, еще с 43,9% это происходило в единичных случаях.

Вторым по распространенности видом оружия, с которым учащиеся сталкиваются в учебных заведениях, является газовое. Встречали такое оружие в своих образовательных организациях 16,8% опрошенных из России, причем 2,2% делали это часто. Максимальный показатель зафиксирован в Сибирском федеральном округе – 26%. В Республике Абхазия с газовым оружием в учебных заведениях встречались 4% опрошенных, в Республике Южная Осетия – 14,6%.

С пневматическим оружием в образовательных организациях встречались 10% российских учащихся. Это третий по распространенности вид оружия. Факты обнаружения пневматического оружия в наибольшей степени распространены в Северо-Кавказском федеральном округе, 20,7% учащихся из регионов Северного Кавказа встречали пневматическое оружие в

руках своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов. Это показатель более чем в два раза превышает среднероссийский и почти в четыре раза – показатель Уральского федерального округа (5,5%). Полученные сведения заслуживают внимания правоохранительных органов Северного Кавказа. С пневматическим оружием в учебных заведениях встречались 16% опрошенных из Республики Абхазия и 12,2% респондентов из Южной Осетии.

Травматическое оружие в руках учащихся замечали 7,9% опрошенных из России. Наибольшая доля фактов обнаружения травматического оружия у учащихся зафиксирована в Сибирском федеральном округе (12,6%). Каждый восьмой респондент из Сибирского федерального округа встречал травматическое оружие у своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов. В Республике Абхазия подобных фактов зафиксировано не было. В Республике Южная Осетия 2,4 % респондентов часто видели травматическое оружие в своих учебных заведениях, еще 9,8% делали это в единичных случаях.

Опрос о фактах обнаружения охотничьего и боевого огнестрельного оружия в учебных заведениях продемонстрировал примерно схожие ответы. С первым сталкивались 1,9% российских учащихся, со вторым – 2,2%. Однако за этими невысокими процентами стоят весьма тревожные абсолютные значения. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2019 г. в России проживали 7 151 217 человек в возрасте 14–18 лет (именно они составили подавляющее большинство опрошенных) [2]. Так, 1,9 и 2,2% учащихся, видевших в руках своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов охотничье оружие, обрезы, боевое огнестрельное оружие, означает, что с такими фактами сталкивались около 136 тысяч и около 157 тысяч несовершеннолетних соответственно. Даже если учитывать все статистические погрешности при проведении опроса (непонимание терминологии, выбор ответов, не читая вопросов и др.), все равно такие результаты не могут не настораживать. В Республике Абхазия с охотничьим оружием, обрезами, боевым огнестрельным оружием на территории учебных заведений встречались 4% респондентов, в Республике Южная Осетия – 4,8% опрошенных.

Взрывные устройства (гранаты, тротилловые пашки и др.) встречали в образовательных организациях 6,9% респондентов из России. Максимальное значение этого показателя характерно для Дальневосточного федерального округа – 14%, минимальное – для Северо-Кавказского – 2,4%. В Республике Абхазия опрошенные никогда не сталкивались с обнаружением взрывных устройств в руках своих товарищей по учебе, в Республике Южная Осетия 7,3% респондентов отметили, что видели в учебных заведениях взрывные устройства.

Анализ ответов на вопрос, посвященный оценке фактов обнаружения в образовательных организациях различных видов оружия и взрывных

устройств, позволил сделать два вывода. Во-первых, наибольшее количество ситуаций, связанных с обнаружением учащихся оружия в руках своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов, происходило в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, т.е. на территориях с наибольшим в России коэффициентом преступной активности несовершеннолетних, что свидетельствует о наличии корреляционной связи между этими показателями. Во-вторых, в Северо-Кавказском федеральном округе, характеризующемся повышенным вниманием к антитеррористической защищенности образовательных организаций, фиксируется достаточно низкий процент респондентов, сталкивавшихся с оружием и взрывными устройствами по месту своей учебы. Исключением является пневматическое оружие, опасности которого, по всей видимости, значения просто-напросто не придается.

Респондентам было предложено ответить, является ли ношение оружия показателем авторитета, престижа среди учащихся их учебных заведений. В результате были получены положительные ответы 2,7% российских школьников в отношении огнестрельного оружия, 3,5% – в отношении холодного оружия, 2,7% – в отношении как холодного, так и огнестрельного оружия. Таким образом, практически каждый десятый учащийся из России считает, что ношение оружия является показателем авторитета, престижа в коллективе его учебного заведения. Наибольшая доля респондентов, ответивших, что ношение холодного оружия является показателем авторитета в их образовательных организациях, проживает в Сибирском (7,6%) и Уральском (7,1%) федеральных округах. Наибольшая доля ответивших, что наличие у учащихся огнестрельного оружия является показателем престижа и авторитета в коллективе, проживает в Северо-Кавказском федеральном округе (6,1%). Посчитали, что показателем авторитета в их учебных заведениях является ношение как холодного, так и огнестрельного оружия, 16% учащихся из Республики Абхазия. Среди учащихся из Южной Осетии показателем авторитета и престижа в образовательных организациях 4,9% респондентов посчитали ношение огнестрельного оружия, 7,3% – холодного.

В следующем вопросе учащимся было предложено оценить, чувствуют ли они себя в безопасности на территории образовательных организаций. Выбрать предлагалось из четырех вариантов ответов: «никогда не чувствую себя в безопасности», «лишь изредка чувствую себя в безопасности», «в основном чувствую себя в безопасности, но не всегда», «всегда чувствую себя в безопасности».

На территории России 6% учащихся не чувствуют себя в безопасности, а 5,6% обучающихся лишь изредка чувствуют себя в безопасности на территории образовательных организаций. Наибольшая доля респондентов, не чувствующих себя в безопасности, проживает на территории Сибирского (8,4%) и Уральского (7,1%) федеральных округов. На этих же территориях

зафиксирована наибольшая доля тех, кто в сумме выбрал первый и второй варианты ответа на вопрос, – по 16%. Наиболее защищенными на территории учебных заведений чувствуют себя учащиеся из Северо-Кавказского (93,9% респондентов, выбравших третий и четвертый варианты ответа), Приволжского и Северо-Западного (по 91,1% опрошенных, выбравших третий и четвертый варианты ответа) федеральных округов. В Республике Абхазия лишь 4% учащихся не чувствуют себя в безопасности в учебных заведениях, оставшиеся 96 % всегда или в основном всегда чувствуют себя в безопасности. В Южной Осетии также достаточно высок процент тех, кто чувствует себя в безопасности. В сумме выбрали третий и четвертый варианты ответа 92,7% опрошенных. Можно констатировать, что уровень ощущения безопасности учащимися образовательных организаций связан с коэффициентом криминальной активности несовершеннолетних. Среди учащихся Сибирского, Уральского и Дальневосточного федеральных округов, где этот уровень наиболее высок, присутствует наибольшая доля респондентов, никогда не чувствующих и лишь изредка чувствующих себя в безопасности.

Следующий блок вопросов был направлен на выяснение отношения учащихся к массовым убийствам в учебных заведениях, уровня их знаний о подобных случаях, проводимой в учебных коллективах профилактической работе. Учащимся был задан вопрос, слышали ли они слово «Колумбайн» и знают ли, что оно обозначает. Такая формулировка вопроса была выбрана потому, что массовое убийство в школе «Колумбайн» в Соединенных Штатах Америки на сегодняшний день является самой узнаваемой трагедией, связанной с применением насилия в образовательных организациях. Как отмечают исследователи, «Колумбайн» давно уже стал своего рода культом или субкультурой для деструктивных подростков, желающих совершить яркий поступок, связанный с насильственными действиями в стенах учебных заведений [3. С. 445].

Среди российских учащихся 16,6% слышали слово «Колумбайн», однако не знают, что оно обозначает. Еще 15,8% респондентов знают его значение. Тем, кто выбрал этот вариант ответа, было предложено в свободной форме раскрыть значение слова «Колумбайн». В описаниях респонденты наиболее часто говорили о массовом убийстве в школе (34,8% от числа тех, кто выбрал анализируемый вариант ответа), некоторые писали о подробностях (в основном о том, что это произошло в США, что убийство совершили два старшеклассника, что погибли ученики и учителя и что преступники покончили жизнь самоубийством). В 14,3% ответов респондентов использовались словосочетания «террористический акт». Кроме того, респонденты в своих ответах находили сходство трагедий в школе «Колумбайн» и Керченском политехническом колледже, указывали, что слово «Колумбайн» стало обобщающим для подобного рода инцидентов, отмечали, что поступком убийц вдохновляются некоторые подростки.

Наиболее осведомленными о трагедии оказались учащиеся из Приволжского и Южного федеральных округов. Среди них доли тех, кто слышал слово «Колумбайн» и знает его значение, составили 20,7 и 19,3% соответственно. В наименьшей степени знают о трагедии респонденты из Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов (не слышали о ней, соответственно, 85,4 и 72,1% опрошенных).

Среди учащихся из Республики Абхазия лишь 4% слышали слово «Колумбайн» и знают его значение, 72% опрошенных не знают ничего о нем. В Южной Осетии 2,4% опрошенных учащихся знают значение слова «Колумбайн», 82,9% респондентов это слово не слышали.

В следующем вопросе респондентам было предложено ответить, есть ли среди учащихся их учебных заведений те, кто восхищаются подростками, убивавшими людей в школах, колледжах, считают их своими кумирами, стремятся им подражать. Утвердительный ответ на этот вопрос дали 5,6% респондентов из России, еще 30,1% затруднились ответить. Сопоставляя долю респондентов, встречавших в своих образовательных организациях тех, кто восхищаются подростками, убивавшими людей в учебных заведениях, считают их своими кумирами, стремятся им подражать, с количеством населения в возрасте 14–18 лет, можно констатировать, что в настоящее время около 400 тыс. подростков являются приверженцами субкультуры «Колумбайн». Наибольшая доля респондентов, утвердительно ответивших на вопрос, проживает в Южном (7,6%) и Центральном (6,8%) федеральных округах. На этих территориях каждый четырнадцатый учащийся считает, что в его учебном заведении есть те, кто восхищаются подростками, убивавшими людей в школах, колледжах, считают их своими кумирами, стремятся им подражать. Больше всего респондентов, ответивших на вопрос отрицательно, являются жителями Северо-Кавказского федерального округа. Там 74,4% учащихся посчитали, что в их учебных заведениях таких людей нет, а еще 20,7% затруднились с ответом. Среди респондентов из Абхазии не было ни одного, кто бы ответил на предлагаемый вопрос утвердительно, а среди опрошенных из Южной Осетии это сделали лишь 2,4%.

Участникам опроса было предложено ответить, есть ли среди учащихся их образовательных организаций те, кто состоит в группах в социальных сетях, подписаны на паблики, каналы, посвященные убийствам в учебных заведениях. Максимальная доля ответивших, что в образовательных организациях, где они обучаются, есть такие учащиеся, проживает в Северо-Западном (23,3%) и Дальневосточном (20,9%) федеральных округах. В целом на территории России 16,8% респондентов ответили на вопрос утвердительно. Это означает, что около 1 млн 200 тыс. учащихся состоят в группах в социальных сетях, подписаны на паблики, каналы, посвященные убийствам в учебных заведениях. Среди респондентов из Республики Абхазия утвердительный ответ на вопрос дали 24%, из Южной Осетии – 4,9%.

Учащимся был задан вопрос, проводили ли руководители их учебных заведений, учителя, преподаватели, психологи, сотрудники правоохранительных органов беседы о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях. На территории России наиболее активно такие беседы проводят классные руководители (на это указали 50,2% опрошенных). Наибольшее количество респондентов, выбравших такой вариант ответа, проживает в Южном (62%) и Центральном (58,4%) федеральных округах, наименьшее – в Северо-Кавказском федеральном округе (39%). Следующим по активности субъектом, проводящим беседы о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, являются правоохранительные органы (полиция). Этот вариант ответа выбрали 34,6% российских респондентов. Наиболее активны представители правоохранительных органов в Дальневосточном (45%), Северо-Кавказском (40,2%) и Приволжском (40%) федеральных округах. Психологи проводили беседы о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, у 23,6% опрошенных; наиболее активны они в Приволжском (29%) и Северо-Западном (26,7%) федеральных округах.

Директор и представители администрации учебных заведений проводили беседы, касающиеся убийств и причинения серьезного вреда здоровью, у 22,2% респондентов. Наибольшая доля выбравших этот вариант ответа принадлежит учащимся Северо-Кавказского федерального округа (26,8%). Практически каждый четвертый российский респондент (24,5%) ответил, что в его учебном заведении бесед о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в образовательных организациях, не проводилось. Наибольшая доля ответивших таким образом зафиксирована в Северо-Западном (31,5%) и Сибирском (29,4%) федеральных округах. В Республике Абхазия 36% опрошенных ответили, что подобных бесед с ними не было. 28% учащихся указали, что беседы проводились классным руководителем; по 16% респондентов отметили, что беседы осуществлялись с директором (представителем администрации) или сотрудниками правоохранительных органов; еще 12% – с психологами. В Республике Южная Осетия наибольшую активность в проведении бесед о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, проявляют сотрудники правоохранительных органов (на это указали 43,9% опрошенных). С 31,7% опрошенных беседы проводили классные руководители, с 24,4% – директор (представитель администрации) образовательной организации, с 14,6% – психолог. Респонденты из Южной Осетии (24,4%) ответили, что с ними бесед о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, не проводилось.

В следующем вопросе респондентам предлагалось вспомнить, случались ли в их учебных заведениях конфликты, в результате которых кто-

нибудь погиб или серьезно пострадал. В результате установлено, что на территории России свидетелями таких конфликтов становились 20,2% учащихся. Наибольшая доля таких респондентов проживает в Сибирском (26,9%) и Северо-Кавказском (23,2%) федеральных округах. В основном такие конфликты случались между учениками, на это указали 16% опрошенных из России. Максимальная доля конфликтов между учениками, в результате которых кто-то погиб или серьезно пострадал, зафиксирована в Сибирском федеральном округе (23,5%). Следующими по распространенности в России являются конфликты между учениками и учителями, в результате которых погиб или серьезно пострадал ученик, они составляют 1,8%. Еще 0,9% конфликтов также произошли между учениками и учителями, однако повлекли гибель или серьезный вред здоровью учителя. Небольшая доля таких конфликтов в относительных значениях, однако, означает, что если итоги опроса проецировать на всех российских несовершеннолетних, то около 128 тыс. учащихся становились свидетелями конфликтов, в результате которых погибли или серьезно пострадали ученики, а еще около 64 тыс. – конфликтов, повлекших гибель или серьезный вред здоровью учителей. Следует также учитывать, что, по данным исследований, в более чем 60% случаев применения насилия со стороны учеников к учителям виновные лица не несут дисциплинарную или иную ответственность [4. С. 36]. Такая ситуация служит серьезным криминогенным фактором насильственных конфликтов между учениками и учителями.

Наибольшая доля конфликтов между учениками и учителями, в результате которых погибли или серьезно пострадали ученики, отмечена респондентами из Северо-Кавказского федерального округа (4,9%). В Дальневосточном федеральном округе наибольшая доля учащихся (3,1%) указала, что в их учебных заведениях случались конфликты между учениками и учителями, в результате которых погибли или серьезно пострадали учителя. Результаты ответов респондентов из Дальневосточного федерального округа оказались весьма неожиданными. Здесь зафиксировано минимальное на территории России количество конфликтов, в результате которых кто-нибудь погиб или серьезно пострадал (16,3% респондентов указали, что такие конфликты были в их учебных заведениях), а также конфликтов между учениками, повлекших серьезные последствия (10,1%). При этом в Дальневосточном федеральном округе наблюдается максимальное количество конфликтов между учениками и учителями, в результате которых погибли или серьезно пострадали учителя. Среди респондентов из Республики Абхазия таких было 32%, в Южной Осетии – 17,1% опрошенных. Указали, что такие конфликты случались между учащимися, 7,3% респондентов, остальные отметили, что конфликты происходили между учениками и учителями. Доли ответивших, что в результате конфликтов между учениками и учителями серьезный вред был причинен ученикам и учителям, равны и составляют по 4,9%.

Следующие два вопроса анкеты были направлены на то, чтобы выяснить, есть ли в классе (группе) опрошенных «забитые» учащиеся, над которыми насмехаются и которых унижают, и если есть, то способны ли они отомстить за унижения с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью (избить, порезать ножом, принести в учебное заведение оружие). В криминологических исследованиях отмечается, что оскорбления, унижения, грубые слова, насмешки, бесконечные замечания, высмеивание, отказ от общения, направленные на игнорирование, отторжение, запугивание, подрыв чувства собственного достоинства отдельных учащихся, являются наиболее распространенной формой школьного насилия [5. С. 78]. Так, 37,3% опрошенных из России ответили, что в их классах (группах) такие учащиеся есть, причем 23,4% респондентов считают, что те способны отомстить за унижения с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью. Наибольшее количество учащихся, над которыми насмехаются и которых унижают, отмечается в Южном и Сибирском федеральных округах (на их наличие указали 46,2 и 45,4% опрошенных соответственно). Наибольшая доля респондентов, считающих, что учащиеся, над которыми насмехаются и которых унижают, способны отомстить с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью, проживает в Северо-Кавказском и Уральском федеральных округах (по 38,9%). В Республике Абхазия 36% опрошенных указали на наличие в их учебных заведениях учащихся, над которыми насмехаются и которых унижают. При этом 44,4% респондентов считают, что те могут отомстить с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью. Среди опрошенных из Южной Осетии 22% отметили, что в их образовательных организациях есть учащиеся, над которыми насмехаются и которых унижают, при этом 44,4% от числа таких учащихся способны отомстить с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью.

Отдельный блок вопросов был посвящен оценке масштабов распространения криминальной субкультуры «А.У.Е.» в образовательных организациях. Исследователи указывают, что «в последние несколько лет происходит довольно активная экспансия криминальной субкультуры на несовершеннолетних, что способствует формированию асоциального поведения, совершению правонарушений» [6. С. 50], однако каких-либо научно обоснованных оценок масштабов этого явления в научной литературе нет.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос, слышали ли они когда-нибудь аббревиатуру «А.У.Е.», а если слышали, то знают ли они, что она обозначает. В результате опроса установлено, что 34,4% учащихся из России слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают, что она обозначает. Еще 52,1% респондентов слышали, однако о ее значении не знают. Наибольшая доля тех, кто слышал аббревиатуру «А.У.Е.» и знает ее значение, проживает в Сибирском (42% опрошенных) и Дальневосточном (38,8% опрошенных) федеральных округах. Не случайно, что в этих же федеральных окру-

гах фиксируется наибольший в России коэффициент криминальной активности несовершеннолетних. Наименьшее число учащихся, знакомых с аббревиатурой «А.У.Е.», проживает в Северо-Кавказском федеральном округе. Среди респондентов оттуда 25,6% вообще не слышали ее, еще 52,4% слышали, но не знают ее значение. Среди респондентов из Абхазии 28% слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают ее значение, еще 64% только слышали. В Южной Осетии 12,2% опрошенных слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают, что она обозначает, 75,6% – слышали, но не знают ее значения.

Тем респондентам, которые ответили, что слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают ее значение, предлагалось это значение описать. Подавляющее большинство таких опрошенных отметили связь «А.У.Е.» с криминальным миром, тюремное происхождение термина, приверженность последователей «А.У.Е.» криминальным понятиям, обычаям, правилам, желание жить «блатной» жизнью. Из их числа 52,9% расшифровали аббревиатуру «А.У.Е.» как «арестантский уклад един», «арестантский устав един» и «арестантское уркаганское единство»; 15,9% в разных формах указали, что это движение, состоящее из несовершеннолетних; 7,8% выразили резко негативное отношение к этой субкультуре. Также встречаются ответы, в которых приверженность «А.У.Е.» называют сугубо показным явлением. Один из респондентов таким образом описал это: «понт короче, те, кто это говорят, при запахе пороха убегут и спрячутся за юбкой мамы».

Участникам исследования было предложено ответить на вопрос, есть ли среди учащихся их учебных заведений те, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.». Так, 11,6% опрошенных из России ответили, что в их образовательных организациях таких учащихся много. Наибольшая доля ответивших таким образом приходится на респондентов из Дальневосточного (20,2%) и Уральского (17,9%) федеральных округов. Указали на то, что в учебных заведениях есть приверженцы идеологии «А.У.Е.», но их мало, 26% российских учащихся. Максимальная их доля приходится на Южный (32,2%), Сибирский (28,6%), Уральский (28,6%) и Дальневосточный (27,9%) федеральные округа. Суммарно число тех, кто ответил, что среди учащихся их учебных заведений есть те, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.» (число выбравших первый или второй варианты ответов) в России составило 37,6%. Наиболее неблагоприятная ситуация складывается в Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Практически половина учащихся оттуда (48,1 и 46,5% соответственно) ответили, что в их учебных заведениях есть приверженцы идеологии «А.У.Е.». Особую настороженность вызывает то, что в Дальневосточном федеральном округе, где наблюдается максимальный уровень преступности несовершеннолетних, каждый пятый учащийся часто встречает в своих учебных заведениях тех, кто разделяет идеологию «А.У.Е.». Это практически в два раза выше среднероссийского

показателя. Среди учащихся из Абхазии 28% ответивших указали на то, что в их учебных заведениях много тех, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.». Такая же доля опрошенных считает, что такие учащиеся есть, но их немного. Суммарно удельный вес выбравших один из этих вариантов ответов выше, чем в России, и составляет 56%. В Южной Осетии 12,2% респондентов часто встречали в своих образовательных организациях приверженцев идеологии «А.У.Е.», еще 17,1% считают, что такие учащиеся есть, но их мало. При оценке результатов ответов на этот вопрос стоит также учитывать, что 29,3% опрошенных затруднились дать на него ответ. Соответственно доли ответов, свидетельствующих о распространенности идеологии «А.У.Е.» в образовательных организациях, в расчете на респондентов, владеющих ситуацией, будут выше.

В следующем вопросе респондентам предлагалось ответить, есть ли среди учащихся их учебных заведений те, кто собирает с других деньги «в обшак», «на подогрев зоны», т.е. для преступников. Среди опрошенных из России 3,8% считают, что в их образовательных организациях такие учащиеся есть. Наибольшая доля этих респондентов приходится на Дальневосточный (5,4%) и Сибирский (5%) федеральные округа. Дальневосточный федеральный округ является лидером по количеству учащихся, живущих по воровским понятиям, придерживающихся идеологии «А.У.Е.», и по количеству учащихся, собирающих деньги «в обшак», что, безусловно, не должно оставаться без внимания правоохранительных органов и других субъектов предупреждения преступлений несовершеннолетних.

В то же время можно наблюдать тенденцию, когда на исследуемой территории высока доля тех, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.» и низкая доля учащихся, собирающих деньги «в обшак». Это присуще, например, Южному федеральному округу, где 42,7% респондентов ответили, что среди учащихся их учебных заведений есть те, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.» (10,5% – что таких учащихся много), однако доля тех, кто встречал в своих образовательных организациях сбор денег «в обшак», «на подогрев зоны», т.е. для преступников, является самой низкой на территории России и составляет 1,8%. Можно сказать, что в Южном федеральном округе «А.У.Е.» представляет собой в большей степени идеологию и масштабно не переходит в «практическую» плоскость. Стоить согласиться с мнением о том, что «А.У.Е.» лишено влияния криминалитета. Напротив, оно имеет свойства самоуправляемого движения, внутренние коммуникации в котором выражены в меме (вирусно распространяемой информации). Этому весьма сильно благоприятствует информационный фактор: распространение идей криминальной субкультуры осуществляется через различные мессенджеры и социальные сети. Условия анонимности сети Интернет, необратимый цикл копирования постов и сообщений в мессенджерах и социальных сетях делают невозможным контроль за распространением

идеологии «А.У.Е.», не говоря уже о его оперативном блокировании. И это все происходит в условиях, когда электронными подписчиками таких аккаунтов являются тысячи подростков России» [7. С. 21]. Напрашивается вывод, что, в зависимости от регионов страны и существующих там криминальных традиций, «А.У.Е.» может быть и идеологией криминальной («околокриминальной») жизни, и фактором, способствующим рекрутингу подростков в криминальную среду, ярким свидетельством которого является как раз сбор денег «в общак» или «на подогрев зоны».

Если проецировать полученные результаты на генеральную совокупность, которая представляет собой общее количество несовершеннолетних в возрасте 14–18 лет, получится, что почти 272 тыс. российских подростков замечали среди учащихся своих учебных заведений тех, кто собирает с других деньги «в общак», «на подогрев зоны», т.е. для преступников.

В Республике Абхазия никто из респондентов не встречал в своих образовательных организациях факты сбора денег для криминальной среды. В Республике Южная Осетия 7,3% опрошенных считают, что среди учащихся их учебных заведений есть те, кто собирает с других деньги «в общак». Как и в случае с предыдущим вопросом, при оценке ответов следует учитывать, что 16,7% опрошенных не владеют ситуацией и затруднились дать ответ.

В заключительном вопросе второго блока анкеты респондентам предлагалось рассказать о каком-нибудь случае или происшествии, связанном с насилием, причинением серьезного вреда здоровью кому-то в их учебных заведениях, либо высказать свой комментарий по поводу исследования. Это предложение приняли 2,6% опрошенных. Половиной из них были описаны ситуации, связанные с конфликтами между учениками, сопровождавшиеся, в том числе, групповыми избиениями, использованием холодного оружия, съемками на камеру мобильного телефона. Кроме того, респондентами описывались следующие факты:

- неосторожное обращение с принесенным в учебное заведение травматическим оружием, в результате которого был произведен выстрел в глаз учащегося;

- избиение бездомного учащимися школы;

- распыление перцового аэрозоля из баллончика в образовательной организации;

- насилие со стороны учащегося в отношении учителя;

- попытка суицида ученицы из-за негативного отношения коллектива.

Результаты проведенного исследования могут послужить средством криминологического мониторинга безопасности образовательной среды, стать основой выбора объектов профилактики, а также использоваться в качестве методологической базы и источника эмпирической информации для криминологических исследований и правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Гончаров Л.А. «Колумбайн» и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29–31.
2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2019 года. Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (дата обращения: 4.11.2019).
3. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4. С. 442–446.
4. Иванченко Р.Б., Польшиков А.В. Состояние, факторы, предупреждение школьного насилия: экспертный взгляд // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 34–39.
5. Грибанов Е.В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2016. № 7 (387). С. 77–81.
6. Иванченко Р.Б., Буслов М.М. Идеология как инструмент противодействия криминальной субкультуре «А.У.Е.» // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2018. № 1 (5). С. 49–54.
7. Демидова-Петрова Е.П. Информационный фактор в детерминации современной преступности несовершеннолетних (на примере феномена «А.У.Е.») // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 20–23.

References

1. Goncharov, L.A. (2019) “Kolumbayn” i skulshuting v strukture molodezhnogo ekstremizma i terrorizma [“Columbine” and schoolshooting in the structure of youth extremism and terrorism]. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*. 2. pp. 29–31.
2. The Federal State Statistics Service of the Russian Federation. (n.d.) *Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2019 goda* [Population of the Russian Federation by sex and age as of January 1, 2019]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (Accessed: 4th November 2019).
3. Karpov, V.O. (2018) Cult of Columbine: Main Reasons for School Shooting. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 9(4). pp. 442–446. (In Russian). DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
4. Ivanchenko, R.B. & Polshikov, A.V. (2015) The current state, factors, prevention of school violence: the expert view. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of The Ministry of Interior of Russia*. 4. pp. 34–39. (In Russian).
5. Gribanov, E.V. (2016) Violence at school: measures of its prevention and control (expert opinions). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7(387). pp. 77–81. (In Russian).
6. Ivanchenko, R.B. & Buslov, M.M. (2018) Ideologiya kak instrument protivodeystviya kri-minal'noy subkul'ture “A.U.E.” [Ideology as a tool to counter the criminal subculture “A.U.E.”]. *Ugolovno-protsessual'naya okhrana prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh*. 1(5). pp. 49–54.
7. Demidova-Petrova, E.P. (2018) Informatsionnyy faktor v determinatsii sovremennoy prestupnosti nesovershennoletnikh (na primere fenomena “A.U.E.”) [The information factor in the determination of modern juvenile delinquency (a case study of the “A.U.E.” phenomenon)]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 1(103). pp. 20–23.

Информация об авторе:

Соловьев В.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России (Краснодар, Россия). E-mail: vladsolovyev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Solovjev, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vladsolovyev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2020;
одобрена после рецензирования 17.03.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 14.11.2020;
approved after reviewing 17.03.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья

УДК 34.03

doi: 10.17223/22253513/43/9

Правовая природа актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами

Эльман Сулейманович Юсубов¹, Юрий Валерьевич Филимонов²

^{1,2} *Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета
правосудия, Томск, Россия*

¹ *elect70@tomsk.gov.ru*

² *Fuv2007@mail.ru*

Аннотация. Исследуются сущность и отличительные черты актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, принятие которых обусловлено необходимостью обеспечения единства правоприменительной практики государственных и муниципальных органов. Законодатель, закрепив в законодательстве об административном судопроизводстве право их судебного оспаривания, расширил сферу действия интерпретационных (праворазъяснительных) актов, усиливающих эффективность воздействия на общественные отношения в общем механизме правового регулирования.

Ключевые слова: акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами; правовые акты; результат толкования правовых норм

Для цитирования: Юсубов Э.С., Филимонов Ю.В. Правовая природа актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 114–124. doi: 10.17223/22253513/43/9

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/9

The legal nature of acts containing explanatory legislation and possessing normative qualities

Elman S. Yusubov¹, Yuri V. Philimonov²

^{1,2} *West-Siberian institution of the Russian state university of justice,
Tomsk, Russian Federation*

¹ *elect70@tomsk.gov.ru*

² *Fuv2007@mail.ru*

Abstract. In the administrative legal proceeding there was fixed right to litigate acts of public authority, organizations and officials, containing explanations of

legislation and possessing regulatory characteristics. Authorizing to litigate these acts, the legislator realized suggestions, made earlier by scientists, about legalization of a separate type of act along with legal and individual acts, namely acts, which fix the result of legal interpretation of legal norms. The legislator cannot make specified regulation of all variety of public relations, established absolutely precise norms, falling under all events of life. Thereby in real situations law-enforcer can have some problems in understanding of several norms, which reproduce conditions to indefinitely wide limits of judgment and optional realization, at the same time it can lead to violation of rights and legal interests of participants of these legal relations. Mentioned circumstances caused state-authorized necessity in fulfillment of integrated practice of law-enforcement activity by means of edition of law expository acts.

While explaining legal norms, it is not allowed to change, to expand or to restrict to their semantic meaning. Law explanation enforces, expands possibility of legal regulation, but it doesn't actually influence on public relations and that is why administrative law explanatory acts are not applicable to the category of legal sources (form of fixation of legal norms).

Keywords: acts containing explanations of legislation and having normative properties; legal acts; the result of the interpretation of legal norms

For citation: Yusubov, E.S. & Philimonov, Yu.V. (2022) The legal nature of acts containing explanatory legislation and possessing normative qualities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 114–124. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/9

В законодательстве об административном судопроизводстве сравнительно недавно получило закрепление право на оспаривание актов органов публичной власти, иных органов, организаций и должностных лиц, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами (пп. 1.1 ч. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пп. 1.2 п. 1 ст. 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) [1]. До внесения законотворческих изменений ведомственные письма, рекомендации, разъяснения, рассылаемые для исполнения структурным подразделениям, не воспринимались как нормативные или ненормативные акты и относились к документам информационно-справочного, нераспорядительного характера.

В частности, Минфин России рассылает в год до 3 тыс. письменных разъяснений, а Федеральная налоговая служба – порядка 300 [2]. Многие из них разрешают вопросы, выходящие за пределы внутриорганизационных или служебных взаимоотношений, и затрагивают права и интересы иных лиц. Потому установленный способ судебной защиты позволил не только повысить гарантии судебной защиты прав и интересов, возникающих из публичных правоотношений, но и расширил сферу действия праворазъяснительных актов в общем механизме правового регулирования. В этой связи представляет интерес исследование правовой природы и отличительных черт актов, содержащих разъяснение законодательства и обладающих нормативными свойствами, определение их места в правовой системе российского государства.

Анализируемая процессуальная новелла введена федеральным законодателем в целях реализации Постановления Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации” и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества “Газпром нефть”» [3]. Основанием к рассмотрению дела стала неопределенность в подведомственности иска по оспариванию письма Федеральной налоговой службы от 21 августа 2013 г. № АС-4-3/15165 «О налоге на добычу полезных ископаемых», содержащему обязательные предписания, но не отнесенное судами общей и арбитражной юрисдикции ни к нормативному, ни к индивидуальному правовому акту, что повлекло отказ в принятии его к производству. Конституционный Суд РФ, выявив в данной ситуации существенное ограничение права заявителя на защиту, обратил внимание федерального законодателя на необходимость введения судебного обжалования административных праворазъяснительных актов. Согласно позиции Суда, официальное толкование правовых норм является обязательным для правоприменителей, но их уточнение может расходиться с заложенным в них истинным смыслом. Отказ же в судебной проверке таких актов, по сути, распространяет силу даваемых разъяснений на неопределенный круг лиц.

Федеральный законодатель, устраняя выявленный правовой пробел, утвердил перечень органов, чьи праворазъяснительные акты подлежат судебному контролю на предмет законности издаваемых правовых предписаний. На основании п. 2 ч. 1 ст. 20 КАС РФ Верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа разрешают административные дела об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, принятых органами государственной власти субъектов РФ, представительными органами муниципальных образований.

Согласно пп. 1.1 ст. 21 КАС РФ, Верховному Суду РФ подведомственны административные дела об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации, государственных внебюджетных фондов, в том числе Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами [4].

Исходя из п. 1.2 ч. 1 ст. 29 АПК РФ, арбитражные суды рассматривают по правилам административного судопроизводства дела об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, если

рассмотрение подобных дел входит в компетенцию Суда по интеллектуальным правам. Согласно п. 1.1 ч. 4 ст. 34 АПК РФ, Суд по интеллектуальным правам разрешает дела об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

Изучение судебной практики по данной категории дел подтверждает целесообразность и действенность судебного контроля за законностью праворазъяснительных актов.

Так, решением Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № АКПИ18-393 признан недействующим абзац седьмой письма Министерства финансов Российской Федерации от 22 ноября 2017 г. № 03-15-07/77488, так как он, обладая нормативными свойствами, не отвечает смыслу разъясняемых им статей 420 и 422 Налогового кодекса РФ и на самом деле вводит новое правовое регулирование по компенсационным выплатам лицам, работающим и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях. Придание толкуемым статьям закона общеобязательной силы противоречит запрету на опубликование нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм (абзац второй пункта 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009). Значит, в опротестованной части письмо издано с превышением предоставленных Минфину России полномочий [5].

В другом деле Верховный Суд РФ признал незаконным абзац пятнадцатый п. 1 приложения к письму Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 2 сентября 2016 г. № 28483-АЧ/04 «Об отдельных вопросах, возникающих в связи с изменениями, внесенными в акты Правительства Российской Федерации Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 г. № 603 “О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг”». Письмо разослано высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации для его исполнения. Следуя выводу Суда, спорное разъяснение фактически восполняет пробел в правовом регулировании относительно способа оплаты коммунальной услуги и порядка расчета за отопление. Оттого оно выходит за рамки адекватного толкования статей федерального акта – Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 [6].

В ином деле Верховный Суд РФ признал недействующим п. 8 письма Федеральной службы по надзору за защитой прав потребителей и благополучия человека от 11 января 2016 г. № 01/37-16-29 «О разъяснении отдельных положений Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации». По мнению Суда, оспоренное разъяснение опосредованно через правоприменительную деятельность должностных лиц территориальных органов Роспотребнадзора, стало императивным и для потребителей. Однако его смысл, предусматривающий ввод новых нормативных положений, не отвечает критериям должного истолкования и вступил в противоречие с Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 09.10.2015 г. № 1085 [7].

На региональном уровне судебный контроль за праворазъяснительными актами, издаваемыми территориальными государственными органами, также доказал свою эффективность.

Например, Архангельский областной суд признал неправомерным один из пунктов служебного письма начальника УФСИН России по Архангельской области от 24 марта 2016 года «Об удержаниях с осужденных по исполнительным документам». Суд пришел к выводу о приобретении документом нормативных свойств, так как он адресован подчиненным начальникам учреждений УФСИН России по Архангельской области для исполнения по отношению ко всем осужденным, отбывающим наказание в учреждениях области. В письме есть правила, рассчитанные на неоднократное употребление со стороны учреждений УФСИН, но не совпадающие с сутью разъясняемых норм в совокупности с другими нормами федерального законодательства [8].

Аналогично решением Липецкого областного суда признано незаконным Постановление Липецкого областного Совета депутатов № 335-пс от 27.07.2017 г. «Об официальном толковании части 1.1 статьи 9 Закона Липецкой области от 25 февраля 1997 г. № 59-ОЗ “О поддержке инвестиций в экономику Липецкой области”», в котором вместо толкования нормы закона изложена другая ее юридическая конструкция, предусматривающая изложение новой нормы, допустимое лишь посредством внесения изменений в региональный закон [9].

Вместе с тем суды оставляют без удовлетворения административные иски об оспаривании праворазъяснительных актов, содержание которых не противоречит требованиям закона. К примеру, Суд по интеллектуальным правам отказал в признании недействующим п. 4.2 Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявки на полезную модель, утвержденных приказом Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента) от 31.12.2009 № 196. Рекомендации, по мнению Суда, формально не являются директивными для специалистов Роспатента, но ввиду принципа субординации и прямого указания в приказе Роспатента от

31.12.2009 № 196 ими руководствуются для выработки единого подхода при проведении экспертиз и они рассчитаны на многократное использование. Учитывая тот факт, что работники Роспатента должны в правоотношениях с заявителями придерживаться рекомендаций, поступивших от вышестоящего органа, исследуемый акт опосредованно, через исполнительную деятельность работников Роспатента, приобретает свойства нормативности и для иных лиц. В то же время при проверке судом упомянутого акта не выявлено введение (изменение, дополнение, отмена) правил, оказывающих общерегулирующее воздействие на правоотношения в области интеллектуальных прав, которые бы выходили за пределы разъясняемых норм Гражданского кодекса РФ и иных правовых актов [10].

При этом праворазъяснительные акты имеют особенности, позволяющие разграничивать их с нормативными и ненормативными актами.

В пункте 3 Постановления пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» к существенным признакам, характеризующим акты подобного рода, отнесено: издание их органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами; наличие в них результатов толкования норм права, используемых в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в отношении неопределенного круга лиц [11].

В юридической литературе правовые акты рассматриваются как форма утверждения и реализации юридических норм. В зависимости от того, какие ими выражаются элементы правовой системы, они подразделяются на нормативные акты, акты применения права или осуществления прав и обязанностей, интерпретационные акты [12. С. 199; 13. С. 20]. Следовательно, акты, содержащие официальные разъяснения законодательства, отнесены к категории интерпретационных (праворазъяснительных) актов. По сути, законодатель, разрешив их оспаривать, воплотил ранее высказанную идею по легализации наряду с нормативными и индивидуальными актами еще одного самостоятельного вида, а именно актов, фиксирующих результат нормативного толкования [14. С. 71].

Функциональное отличие подобных актов от ненормативных состоит в том, что последние устанавливают, изменяют и прекращают правоотношения с участием конкретных лиц и не затрагивают права и интересы иных субъектов. В нормативных актах закрепляются нормы права (правила поведения) прямого действия, обязательные для неограниченного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение и направленные на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений (п. 2 постановления пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50). В свою очередь, интерпретационные (праворазъясни-

тельные) акты представляют собой акты уполномоченных субъектов, которые содержат официальное разъяснение нормативного смысла отдельных правовых норм, используемых в правоприменительной деятельности на постоянной основе в качестве императивного предписания.

Конституционно-правовое значение праворазъяснительных актов состоит в том, что Конституция Российской Федерации устанавливает обязанность по соблюдению правовых норм всеми адресатами, к кому они обращены: органами публичной власти, должностными лицами, гражданами и образуемыми ими объединениями (ч. 2 ст. 15). Однако нормы права, чаще всего, имеют не детальный, а абстрактно-общий характер. Законодатель не в состоянии произвести подробную регламентацию всего многообразия общественных отношений, утвердив абсолютно точные нормы, подпадающие под все явления и события окружающей жизни. В силу этого у правоприменителей в реальных ситуациях могут возникать затруднения в понимании некоторых норм, порождающие условия для необоснованно широких пределов усмотрения и их произвольной реализации, тем самым приводить к нарушениям прав и законных участников правоотношений. Указанные обстоятельства вызвали государственно-властную потребность в создании единой практики исполнительной деятельности [15].

Законность праворазъяснительных актов не зависит от соблюдения формы издаваемого документа, необходимых реквизитов, порядка его принятия и опубликования. Главным требованием выступает, с одной стороны, владение публичным органом полномочием по изданию письменных разъяснений в какой-то области правоотношений, а с другой – корреспондирующая обязанность руководствоваться ими в осуществляемой правоприменительной деятельности субъектами, находящимися с данным органом в субординационных отношениях.

При разъяснении правовых норм не допускаются изменение, расширение или сужение их смыслового назначения. Праворазъяснение также не может подменять собой правотворчество при выявлении пробелов в правовом регулировании. В данном случае требуется принятие закона или иного акта, интегративно учитывающего факторы, вызвавшие нормотворческий процесс, включая установление взаимосвязей между нормами права, использование специфической терминологии, дефиниций, принятых словесных выражений.

Таким образом, официальное праворазъяснение неотделимо от интерпретируемых норм и сохраняет актуальность в течение всего периода их применения. Стоит согласиться с точкой зрения В.В. Ершова: «...“значительной свободы интерпретатора” не существует. Субъект толкования права в своих действиях ограничен, во-первых, имеющимися принципами и нормами права; во-вторых, объективно существующими общественными отношениями» [16. С. 9]. Каждое правоприменительное решение, основывающееся на интерпретационном акте, считается принятым

исходя из разъясняемой правовой нормы. Праворазъяснительные акты дополняют и усиливают эффективность регулирующего влияния на общественные отношения, но непосредственно их не преобразуют. Поэтому вызывает возражения точка зрения И.С. Селивановского, полагающего, что в нормативных свойствах раскрывается основная социальная функция подобных актов – регулирование общественных отношений путем установления субъективных прав и возложения юридических обязанностей [17. С. 64].

На наш взгляд, административные праворазъяснительные акты нацелены на обеспечение надлежащего правоприменения путем более полного раскрытия содержания норм, допускающего использование развернутых, понятных словесных и смысловых формулировок, охватываемых рамками исходного нормативного материала. Такие акты усиливают, расширяют возможности правового регулирования, но непосредственно на общественные отношения не воздействуют и не относятся к категории источников права (формам закрепления правовых норм).

Список источников

1. Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов» // СЗ РФ. 2016. № 7. Ст. 906.
2. Багаев В.А. В Госдуме ищут «нормативные свойства» // Закон.ру. 09.11.2015.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации” и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества “Газпром нефть”» // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Решение Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № АКПИ18-393 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 6.
6. Решение Верховного Суда РФ от 15 июня 2018 г. № АКПИ18-367 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 4.
7. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 06.03.2018 № АПЛ18-18 Об изменении решения Верховного Суда РФ от 27.11.2017 № АКПИ17-892 и признании недействующим со дня принятия пункта 8 Письма Роспотребнадзора от 11.01.2016 № 01/37-16-29 «О разъяснении отдельных положений Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
8. Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Архангельского областного суда от 24.11.2016 по делу № 33а-6719/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2021).
9. Решение Липецкого областного суда от 19.10.2017 г. по делу № 3а-32/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2021).
10. Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.09.2018 по делу № СИП-758/2017 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 19.8.5 Рекомендаций, утвержденных приказом Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 31.12.2009 № 196» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2021).

11. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. № 6. 15.01.2019.
12. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. 360 с.
13. Исаков Н.В., Малько А.В., Шопина О.В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования // Правоведение. 2002. № 3. С. 16–27.
14. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование. М., 1998. С. 65–75.
15. Письмо ФНС России от 26.11.2013 № ГД-4-3/21097 «О направлении письма Минфина России» (вместе с Письмом Минфина России от 07.11.2013 № 03-01-13/01/47571 «О формировании единой правоприменительной практики») // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 50.
16. Ершов В.В. Толкование и конкретизация административного процессуального права // Российское правосудие. 2019. № 5. С. 5–13.
17. Селивановский И.С. Влияние актов, содержащих разъяснение законодательства и обладающих нормативными свойствами (квазинормативных актов) на практическую юриспруденцию // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 62–70.

References

1. Russia. (2016) Federal'nyy zakon ot 15 fevralya 2016 g. № 18-FZ “O vnesenii izmeneniy v Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya poryadka sudebnogo rassmotreniya del ob osparivanii otdel'nykh aktov” [Federal Law No. 18-FZ of February 15, 2016, “On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in Part of Establishing the Procedure for Judicial Consideration of Cases Contesting Certain Acts”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 7. Art. 906.
2. Bagaev, V.A. (2015) V Gosdume ishchut “normativnye svoystva” [The State Duma is looking for “normative properties”]. *Zakon.ru*. 9th November 2015.
3. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 31 marta 2015 g. № 6-P, Po delu o provere konstitutsionnosti punkta 1 chasti 4 stat'i 2 Federal'nogo konstitutsionnogo zakona “O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii” i abzatsa tret'ego podpunkta 1 punkta 1 stat'i 342 Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy otkrytogo aktsionernogo obshchestva “Gazprom neft” [Resolution No. 6-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 31, 2015, On verifying constitutionality of Paragraph 1 of Part 4 of Article 2 of the Federal Constitutional Law “On the Supreme Court of the Russian Federation” and Paragraph 3 of Subparagraph 1 of Paragraph 1 of Article 342 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Open Joint-Stock Company “Gazprom Neft”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 15. Art. 2301.
4. Russia. (2015) Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 30.04.2021, s izm. ot 15.07.2021) [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ (as amended on April 30, 2021, as amended on July 15, 2021)]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 10. Art. 1391.
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2019a) Reshenie Verkhovnogo Suda RF ot 14 iyunya 2018 g. № AKPI18-393 [Decision No. AKPI18-393 of the Supreme Court of the Russian Federation of June 14, 2018]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 6.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2019b) Reshenie Verkhovnogo Suda RF ot 15 iyunya 2018 g. № AKPI18-367 [Decision No. AKPI18-367 of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2018]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 4.

7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2019c) *Apellyatsionnoe opredelenie Apellyatsionnoy kollegii Verkhovnogo Suda RF ot 06.03.2018 № APL18-18 Ob izmenenii resheniya Verkhovnogo Suda RF ot 27.11.2017 № AKPI17-892 i priznanii nedeystvuyushchim so dnya prinyatiya punkta 8 Pis'ma Ros-potrebnadzora ot 11.01.2016 № 01/37-16-29 "O raz'yasnenii otdel'nykh polozeniy Pravil predostavleniya gostinichnykh uslug v Rossiyskoy Federatsii"* [Appellate Ruling No. APL18-18 of the Appellate Board of the Supreme Court of the Russian Federation of March 6, 2018, On changing the decision of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2017, No. AKPI17-892 and invalidated from the date of adoption of Paragraph 8 of the Letter of Rospotrebnadzor of January 11, 2016, No. 01 / 37-16-29 "On the clarification of certain provisions of the Rules for the Provision of Hotel Services in the Russian Federation"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.

8. Russia. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie sudebnoy kollegii po administrativnym delam Arkhangel'skogo oblastnogo suda ot 24.11.2016 po delu № 33a-6719/2016* [Appeal Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Arkhangelsk Regional Court dated November 24, 2016, in Case No. 33a-6719/2016]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus (Accessed: 20th August 2021).

9. Russia. (2017) *Reshenie Lipetskogo oblastnogo suda ot 19.10.2017 g. po delu № 3a-32/2017* [Decision of the Lipetsk Regional Court dated October 19, 2017, in Case No. 3a-32/2017]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus (Accessed: 20th August 2021).

10. Russia. (2018) *Reshenie Suda po intellektual'nykh pravam ot 14.09.2018 po delu № SIP-758/2017 "Ob otkaze v udovletvorenii zayavleniya o priznanii nedeystvuyushchim punkta 19.8.5 Rekomendatsiy, utverzhennykh prikazom Federal'noy sluzhby po intellektual'noy sobstvennosti ot 31.12.2009 № 196"* [Decision of the Court for Intellectual Property Rights dated September 14, 2018, in Case No. SIP-758/2017 "On the refusal to satisfy the application for invalidating Clause 19.8.5 of the Recommendations approved by Order No. 196 of the Federal Service for Intellectual Property dated December 31, 2009"]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus (Accessed: 20th August 2021).

11. The Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 50 "O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivaniy normativnykh pravovykh aktov i aktov, soderzhashchikh raz'yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchikh normativnymi svoystvami"* [Decree No. 50 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, "On the practice of consideration by courts the cases on contesting regulatory legal acts and acts containing clarifications of the legislation and having regulatory properties"]. *Rossiyskaya gazeta*. 6. 15th January.

12. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

13. Isakov, N.V., Malko, A.V. & Shopina, O.V. (2002) *Pravovye akty: obshcheteoreticheskiy aspekt issledovaniya* [Legal acts: general theoretical aspect of research]. *Pravovedenie*. 3. pp. 16–27.

14. Pigolkin, A.S. (1998) *Tolkovanie norm prava i pravotvorchestvo: problemy sootnosheniya* [Interpretation of the norms of law and law-making: correlation problems]. In: Pigolkin, A.S. & Yurtaeva, E.A. *Zakon: sozдание i tolkovanie* [Law: Creation and Interpretation]. Moscow: Spark. pp. 65–75.

15. The Federal Tax Service of Russia. (2013) *Pis'mo FNS Rossii ot 26.11.2013 № GD-4-3/21097 "O napravlenii pis'ma Minfina Rossii" (vmeste s Pis'mom Minfina Rossii ot 07.11.2013 № 03-01-13/01/47571 "O formirovaniy edinoy pravoprimeritel'noy praktiki"* [Letter No. GD-4-3/21097 of the Federal Tax Service of Russia dated November 26, 2013, "On sending a letter to the Ministry of Finance of Russia" (together with Letter No. 03-01-13/01/47571 of the Ministry of Finance of Russia dated November 7, 2013, "On the formation of a unified law enforcement practice"]. *Ekonomika i zhizn' (Bukhgalterskoe prilozhenie)*. 50.

16. Ershov, V.V. (2019) Interpretation and specification of administrative procedure law. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 5. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.5.5-13

17. Selivanovskiy, I.S. (2019) Vliyanie aktov, soderzhashchikh raz"yasnenie zakonodatel'stva i obladayushchikh normativnymi svoystvami (kvazinormativnykh aktov) na prakticheskuyu yurisprudentsiyu [Influence of acts containing clarification of legislation and possessing normative properties (quasi-normative acts) on practical jurisprudence]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 1. pp. 62–70.

Информация об авторах:

Юсубов Э.С. – кандидат юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Томск, Россия). E-mail: elect70@tomsk.gov.ru

Филимонов Ю.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Томск, Россия). E-mail: Fuv2007@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.S. Yusubov, West-Siberian institution of the Russian state university of justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elect70@tomsk.gov.ru

Yu.V. Philimonov, West-Siberian institution of the Russian state university of justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Fuv2007@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.08.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 13.08.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Проблемы частного права

Научная статья
УДК 347.91/.95
doi: 10.17223/22253513/43/10

Роль профессора Томского государственного университета В.Н. Щеглова в развитии теории гражданского процессуального права

Татьяна Юльевна Баришпольская

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, tbari@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена памяти профессора кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Томского государственного университета, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР Виктора Нифоновича Щеглова, столетний юбилей которого отмечался в ноябре 2021 г. В статье отражены основные вехи жизненного пути В.Н. Щеглова, его преподавательской и научно-исследовательской деятельности, результатом которой явился выдающийся вклад в развитие отечественной доктрины гражданского процессуального права.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, гражданское процессуальное правоотношение, исковая форма защиты права, законность и обоснованность судебного решения

Для цитирования: Баришпольская Т.Ю. Роль профессора Томского государственного университета В.Н. Щеглова в развитии теории гражданского процессуального права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 125–131. doi: 10.17223/22253513/43/10

Problems of the private law

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/10

The role of Professor of Tomsk State University V.N. Shcheglov in the development of the theory of civil procedure law

Tatyana Yu. Barishpolskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tbari@mail.ru

Abstract. I dedicate the article to Professor of the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law of Tomsk State University, Doctor of Law, Honored

Scientist of the RSFSR Viktor Nifonovich Shcheglov, whose centenary we celebrated in November 2021.

The article highlights the role of the Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Tomsk State University Viktor Nifonovich Shcheglov in the development of the theory and method of teaching civil procedural law. I can separate the main directions of V.N. Shcheglov's research activities: the legality and validity of a court decision, civil procedural legal relationship, the problem of a "broad" understanding of civil procedure and the subject of civil procedural law, a lawsuit and a claim form of legal protection. We pay particular attention to the formation of a scientific school under the leadership of Professor V.N. Shcheglov, continuity in conducting theoretical research, and introducing its results into the method of teaching civil procedural law.

The content of the works of Professor V.N. Shcheglov enables us to conclude that the research interest of the scientist was focused primarily on the analysis of the nature, features and problems of the effectiveness of civil procedure as a special legal form of protection of rights and legally protected interests. Within the framework of this broad problem, it is possible to identify several methodologically significant aspects, which were found in the articles and monographs of V.N. Shcheglov. The first of them is the consideration of civil procedure as a special legal relationship. V.N. Shcheglov devoted several articles to this issue and his monograph "Civil Procedural Legal Relationship" (1966) was awarded the Tomsk State University Prize in 1967.

The main idea defended by the author was the assertion that the civil procedure is a social relationship regulated by the norms of civil procedural law. The subject of this relationship is, on the one hand, the jurisdictional body that resolves the civil case, and on the other hand, the parties to a civil trial. The content of this legal relationship is the behavior of its subjects that is clothed in the form of procedural powers, subjective, procedural rights and obligations.

V.N. Shcheglov paid attention to a broad understanding of civil procedure and the subject of civil procedural law; whether civil procedure is only a trial of civil cases or any jurisdictional procedure aimed at protecting civil rights. V.N. Shcheglov and Professor N.B. Zeider concluded that the nature of the procedure is determined not by the body resolving the case, but by the nature (branch affiliation) of legal relations that are the subject of consideration within the framework of a particular procedural form. Therefore, civil procedural law regulates the procedural relations that develop in adjudication of civil cases by various jurisdictional bodies (a broad understanding of the subject of civil procedural law).

Keywords: civil procedure law, civil procedure legal relationship, claim form of protection of the right, legality and validity of the court decision

For citation: Barishpolskaya, T.Yu. (2022) The role of Professor of Tomsk State University V.N. Shcheglov in the development of the theory of civil procedure law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 125–131. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/10

В ноябре 2021 г. исполнилось сто лет со дня рождения профессора кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Томского государственного университета, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР Виктора Нифоновича Щеглова.

Виктора Нифоновича нет с нами, его коллегами, учениками уже более двадцати лет. Однако все, кто знал этого человека, хранят память о нем с

чувством глубокого уважения и признательности. Этот юбилей представляется замечательным поводом ещё раз отметить заслуги профессора В.Н. Щеглова перед российским юридическим образованием и его большой вклад в отечественную правовую науку.

В.Н. Щеглов родился в Томске, в 1939 г. окончил среднюю школу № 6. В том же году поступил в Томский индустриальный институт, однако учеба в нем длилась недолго: через два месяца юноша был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии.

Военная служба В.Н. Щеглова проходила в Забайкальском военном округе. В период Великой Отечественной войны, будучи командиром стрелковой роты, адъютантом стрелкового батальона, затем помощником начальника оперативного отделения штаба 649-го стрелкового полка 210-й стрелковой Хинганской дивизии Забайкальского фронта он участвовал в военных действиях против милитаристской Японии. После демобилизации в звании старшего сержанта в запасе В.Н. Щеглов вернулся в Томск.

Первым этапом в становлении В.Н. Щеглова как юриста можно считать учебу в Новосибирском филиале Всесоюзного юридического заочного института, который целеустремленный студент окончил с отличием в 1950 г., получив квалификацию «юрист». В 1946 г. началась и профессиональная юридическая деятельность В.Н. Щеглова. Служба на разных должностях (стажера-следователя городской прокуратуры, консультанта-кодификатора Управления министерства юстиции РСФСР по Томской области, судебного исполнителя, народного судьи) позволила накопить богатый практический опыт юриспруденции, важность которого для собственного профессионального развития не раз подчеркивал сам Виктор Нифонович.

В декабре 1949 г. началась преподавательская деятельность В.И. Щеглова на юридическом факультете ТГУ, с которым будет связана вся его дальнейшая профессиональная жизнь. Вместе со своими коллегами А.И. Кимом, Б.Л. Хаскельбергом, А.Л. Ременсоном и другими правоведами В.Н. Щеглов внес неоценимый вклад в развитие юридического факультета ТГУ.

Как преподаватель В.Н. Щеглов прошел все ступени академической карьеры: доцент, старший научный сотрудник кафедры гражданского права и процесса (докторант), профессор кафедры, заведующий кафедрой гражданского права и процесса. С декабря 1973 г. по январь 1977 г. профессор В.Н. Щеглов возглавлял юридический факультет ТГУ в должности декана.

В 1958 г. В.Н. Щеглову было присвоено ученое звание доцента, а в 1969 г. – ученое звание профессора.

Научно-исследовательская деятельность профессора В.Н. Щеглова связана со многими направлениями развития теории гражданского процессуального права. В 1951–1955 гг. В.Н. Щеглов обучался в заочной аспирантуре при Всесоюзном юридическом заочном институте

(Москва) по специальности «гражданское процессуальное право». В 1955 г. Виктором Нифоновичем была защищена кандидатская диссертация на тему «Законность и обоснованность судебного решения». Сделанные в ней выводы и предложения были восприняты законодателем при подготовке проектов Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также Гражданского процессуального кодекса РСФСР.

Последующие труды В.Н. Щеглова характеризуются широким спектром исследуемых вопросов. В частности, они посвящены доказыванию в гражданском процессе, институту подведомственности гражданских дел, правовому положению сторон и гражданской процессуальной правосубъектности. В русле научной проблематики профессора В.Н. Щеглова под его руководством молодыми учеными-аспирантами выполнялись кандидатские диссертации.

Содержание трудов профессора В.Н. Щеглова позволяет сделать вывод, что исследовательский интерес ученого сосредоточен прежде всего на анализе природы, особенностей и проблемы эффективности гражданского процесса как особой правовой формы защиты прав и охраняемых законом интересов.

В рамках этой широкой проблематики можно выделить несколько методологически значимых аспектов, нашедших отражение в статьях и монографиях В.Н. Щеглова.

Первый из них – рассмотрение гражданского процесса как особого правоотношения. Этому вопросу посвящены многие статьи В.Н. Щеглова, а также монография «Гражданское процессуальное правоотношение» (1966), удостоенная в 1967 г. премии Томского государственного университета.

Основная идея, отстаиваемая автором, заключается в утверждении, что гражданский процесс представляет собой урегулированное нормами гражданского процессуального права общественное отношение. Субъектами этого отношения выступают, с одной стороны, юрисдикционный орган, разрешающий гражданское дело, а с другой – участники гражданского процесса. Содержанием этого правоотношения является поведение его субъектов, которое облечено в правовую форму в виде процессуальных правомочий, субъективных процессуальных прав и обязанностей.

Сосредоточение внимания ученого на рассмотрении гражданского процесса как правоотношения послужило в дальнейшем основой для появления новых направлений исследований, таких как гражданский процесс с позиций системного подхода, гражданский процесс и иные процедуры, направленные на реализацию гражданских прав. Эти и другие теоретические аспекты стали темами диссертаций и получили развитие в публикациях авторов, которых можно считать учениками и последователями профессора В.Н. Щеглова.

Выводы В.Н. Щеглова о необходимости и плодотворности рассмотрения гражданского процесса через призму категории «правоотношение» нашли поддержку среди ученых-процессуалистов, и в 1966 г. Виктором Нифиновичем на ученом совете в Московском государственном университете была защищена докторская диссертация на тему «Гражданское процессуальное правоотношение».

Не менее значимой можно считать постановку В.Н. Щегловым вопроса о широком понимании гражданского процесса и предмета гражданского процессуального права: гражданский процесс – это только судебное разбирательство гражданских дел или же это любая юрисдикционная процедура, направленная на защиту гражданских прав?

В.Н. Щегловым, а также профессором Н.Б. Зейдером был сделан вывод о том, что природа процесса определяется не органом, разрешающим дело, а характером (отраслевой принадлежностью) правовых отношений, выступающих предметом рассмотрения в рамках той или иной процессуальной формы. Поэтому гражданское процессуальное право регулирует процессуальные отношения, складывающиеся при разрешении гражданских дел различными юрисдикционными органами (широкое понимание предмета гражданского процессуального права).

Значителен вклад профессора В.Н. Щеглова в исследование такой фундаментальной категории гражданского процесса, как иск. Пожалуй, невозможно представить теорию исковой формы защиты права без монографии В.Н. Щеглова «Иск о судебной защите гражданского права» (1987) и других его трудов по данной теме. При этом нельзя не отметить и роль профессора Г.Л. Осокиной, научная карьера которой изначально складывалась под руководством В.Н. Щеглова, в дальнейшем развитии этого сегмента процессуальной науки.

Разносторонней была и общественно-научная деятельность профессора В.Н. Щеглова. Он принимал участие в работе многих научных конференций, причем не только в Томском государственном университете, но и в других вузах республик Советского Союза и за рубежом. Неоднократно профессор В.Н. Щеглов выступал в качестве официального оппонента на защите кандидатских и докторских диссертаций, был членом двух диссертационных советов Томского университета.

В.Н. Щеглову была присуща способность устанавливать и длительное время поддерживать научные связи не только с российскими учеными, но и с коллегами из разных республик Советского Союза, а также и с зарубежными правоведами. Виктору Нифиновичу была свойственна особая профессиональная коммуникабельность, которая привлекала собеседников и делала общение с ним интересным и плодотворным.

Особую благодарность профессору В.Н. Щеглову неизменно выражают те, кому выпала счастливая возможность быть его аспирантами. Незабываемы встречи и беседы с нашим любимым научным руководителем, причем

в ходе этого общения речь шла не только о научных и учебных проблемах. Виктор Нифонович щедро делился с учениками и коллегами богатым жизненным опытом, его советы относительно преподавания и методологии исследований мы помним и ими руководствуемся.

Здесь, наверное, уместно назвать имена людей, в свое время защитивших под руководством В.Н. Щеглова кандидатские диссертации, ведь в значительной степени это его заслуга: А.С. Грицанов, Ж.Н. Машутина, М.И. Смычкова, В.Н. Протасов, Г.Л. Осокина, Г.Д. Васильева, С.Д. Чиганова, В.Я. Музюкин, С.Ш. Болтуев, Т.Ю. Барিশпольская, М.А. Зубович, Е.И. Часовской.

Г.Л. Осокина и В.Н. Протасов в дальнейшем защитили докторские диссертации.

Столь же разносторонней, как и научная, была преподавательская деятельность В.Н. Щеглова. В разные годы своей работы в ТГУ он читал курсы «Теория государства и права», «Финансовое право», «Жилищное законодательство», «Арбитражное судопроизводство», «Нотариальное производство», «Гражданское процессуальное право».

Все, кто знал профессора В.Н. Щеглова, неизменно отмечали и отмечают его преподавательское мастерство. Оно заключалось, прежде всего, в умении довольно просто объяснять учебный материал, выделяя наиболее существенные моменты в доступной для студентов форме. А такие написанные на высоком теоретическом и методическом уровне работы В.Н. Щеглова, как «Советское гражданское процессуальное право (понятие, предмет и метод, принципы, гражданское процессуальное правоотношение)» (1976) и «Субъекты судебного гражданского процесса» (1979), служили и служат цели успешного усвоения обучающимися положений гражданского процессуального права.

Студенты всегда высоко ценили лекторский талант В.Н. Щеглова. С не меньшим методическим мастерством профессор В.Н. Щеглов проводил практические и семинарские занятия. На этих занятиях всегда было интересно, увлекательно, удачно сочетались изучение теоретических вопросов и решение практических задач.

Также нельзя не отметить доброжелательность, объективность В.Н. Щеглова при оценке знаний студентов на экзаменах. Виктор Нифонович создавал на своих занятиях особую, если можно так выразиться, «академическую» атмосферу, в которой заинтересованность, уважительное отношение к студентам и аспирантам сочетались с должной требовательностью и принципиальностью.

Для всех, кто у него учился, Виктор Нифонович Щеглов был и остается олицетворением образа профессора университета в высоком смысле этих слов.

Информация об авторе:

Баришпольская Т.Ю. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tbari@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.Yu. Barishpolskaya, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tbari@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.10.2021;
одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 18.10.2021;
approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 347.96
doi: 10.17223/22253513/43/11

Отдельные вопросы организации прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности на примере практики прокуратуры Томской области

Анна Юрьевна Мариничева

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, marinicheva22@mail.ru*

Аннотация. Организация прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности предполагает: собирание, анализ и обработку информации о состоянии закупочной деятельности на территории конкретного региона; формирование целей и задач прокурорского надзора в сфере закупочной деятельности; планирование работы по непосредственному надзору за состоянием законности, включая проведение прокурорских проверок (плановых, внеплановых); реализацию материалов и результатов проведенных проверок и надзорных мероприятий; корректировку сложившейся прокурорской практики с учетом специфики закупочной деятельности в отдельных регионах.

Ключевые слова: прокурорский надзор за законностью закупочной деятельности, государственный и муниципальный заказ, прокурорская проверка, единая информационная система

Для цитирования: Мариничева А.Ю. Отдельные вопросы организации прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности на примере практики прокуратуры Томской области // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 132–139. doi: 10.17223/22253513/43/11

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/11

Selected issues in the organisation of prosecutorial oversight of the legality of procurement activities as exemplified by the practice of the Tomsk Oblast Prosecutor's Office

Anna Yu. Marinicheva

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
marinicheva22@mail.ru*

Abstract. Organization of prosecutorial supervision over the legality of procurement involves: collecting, analysis and processing of information on the state of procurement activities in a particular region; developing goals and objectives of prosecutorial supervision in procurement activities; planning work on the direct supervision of the state of legality, including conducting prosecutorial checks (scheduled, unscheduled); implementation of materials and results of conducted inspections and supervision activities; adjustment of the existing prosecutorial.

One important aspect of the organizational activities of the Prosecutor's Office in overseeing the legality of the implementation of state and municipal contracts is to ensure proper interaction with public authorities and local authorities exercising powers in this area.

The main forms of interaction are:

Exchange of relevant information by the agencies concerned. In turn, prosecutors inform public authorities about the state of lawfulness, fight against crime and offences in the field of protection of entrepreneurs' rights in the implementation of state and municipal contracts.

Proactively informing the prosecutor's office on the facts of revealing corruptogenic provisions in the legal acts regulating relations in the contractual sphere.

Joint participation in preparation of regulatory legal acts concerning observance of entrepreneurs' rights in implementation of state and municipal contracts at the level of regional and local representative bodies.

Participation of prosecution authorities in meetings of public authorities, local authorities, committees, working groups, as well as coordination, inter-agency meetings of heads of law enforcement agencies and authorities.

Keywords: prosecutor's supervision of legality of procurement activities, state and municipal order, prosecutor's inspection, unified information system

For citation: Marinicheva, A. Yu. (2022) Selected issues in the organisation of prosecutorial oversight of the legality of procurement activities as exemplified by the practice of the Tomsk Oblast Prosecutor's Office. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 132–139. doi: 10.17223/22253513/43/11

В общем виде организация работы в органах прокуратуры рассматривается как комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования прокурорской системы по реализации целей и задач прокуратуры [1. С. 68; 2. С. 16; 3. С. 44; 4. С. 96–98]. Организация работы в органах прокуратуры – это, прежде всего, своевременная постановка конкретных задач перед коллективом и каждым работником, правильная расстановка его членов по участкам работы, эффективное руководство их деятельностью, обеспечение работы коллектива как единого слаженного механизма [5. С. 162].

Организация прокурорского надзора предполагает: собрание, анализ и обработку информации о состоянии закупочной деятельности на территории конкретного региона; формирование целей и задач при осуществлении надзора за законностью публичных закупок; планирование работы по непосредственному надзору за состоянием законности, включая проведение прокурорских проверок (плановых, внеплановых); реализацию материалов и результатов проведенных проверок и надзорных мероприятий; корректировку сложившейся прокурорской практики с учетом специфики закупочной деятельности в отдельных регионах и др.

Ключевая роль в организации прокурорского надзора отводится приказам и указаниям Генеральной прокуратуры РФ. Основные директивы Генерального прокурора РФ, регламентирующие вопросы организации прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных контрактов, включают в себя:

Приказ Генерального прокурора РФ от 02.10.2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления», предписывающий работникам прокуратуры принимать активное участие в подготовке нормативных правовых актов; в работе комитетов, рабочих групп представительных и исполнительных органов власти; совершенствовать методики сбора, накопления и обработки сведений, свидетельствующих о противоречии нормативно-правовых актов региональных и местных органов власти федеральному законодательству.

Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», предписывающий уделять особое внимание надзору за исполнением бюджетного законодательства.

Приказ Генерального прокурора РФ от 31.03.2008 № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности», предусматривающий разработку и внедрение дополнительных мер по укреплению законности в сфере защиты прав предпринимателей; систематический мониторинг соблюдения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности; постоянное информационное взаимодействие органов прокуратуры с различными контролирующими органами и органами власти.

Приказ Генерального прокурора РФ от 14.01.2021 № 6 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» (далее – Приказ № 6), уточняющий задачи и цели по укреплению законности и координации борьбы с правонарушениями в сфере закупок. В частности, особое внимание предписывается осуществлению надзора за исполнением законов при осуществлении закупок в рамках реализации национальных проектов, государственных и муниципальных программ, государственного оборонного заказа и особо в сфере здравоохранения, жилищно-коммунального и топливно-энергетического комплексов, транспорта, градостроительства, образования и культуры.

Приказ Генерального прокурора РФ от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции», возлагающий на прокуроров обязанности проводить проверки соблюдения антикоррупционных правовых норм, обращать особое внимание на предотвращение и урегулирование конфликта интересов, а также недопущение склонений к совершению коррупционных правонарушений в области закупочной деятельности.

Методические рекомендации об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закрепляемые в Письме Генеральной прокуратуры РФ от 01.01.2019 г. № 7-16-2019 [6], содержащие конкретные предложения по оказанию практической помощи проку-

рорам, в том числе по актуализации данных о состоянии контрактной системы, по предоставлению сведений об имеющемся опыте подготовки к прокурорской проверке, наиболее типичных и распространенных нарушениях законодательства, методы их выявления и пресечения.

В процессе мониторинга состояния поднадзорной среды особое внимание уделяется достоверности и качеству получаемой информации. Поскольку сфера государственных и муниципальных закупок весьма специфична, прокурору не обойтись без помощи специалистов. В этой связи в Приказе № 6 прямо предписано, что органы прокуратуры во взаимодействии с органами ФНС России, ФАС России, Федерального казначейства, МВД России, ФСБ России, Росфинмониторинга должны устанавливать и анализировать (проверять) схемы кооперации при выполнении государственных и муниципальных контрактов, выявлять наличие среди контрагентов организаций, не имеющих необходимой материальной базы и трудовых ресурсов для исполнения их условий, фирм-однодневок и номинальных фирм-посредников, аффилированных с заказчиком юридических и физических лиц. О нарушениях закона в контрактной сфере также могут свидетельствовать сведения, полученные в ходе заседаний общественных советов по защите предпринимательства, межведомственных рабочих совещаний и групп; отчетов об исполнении бюджета и проведении государственных или муниципальных закупок.

Одним из важных аспектов организационной деятельности прокуратуры при осуществлении надзора за законностью реализации государственных и муниципальных контрактов служит обеспечение надлежащего взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления в рамках их полномочий в указанной сфере. На федеральном уровне органы прокуратуры в лице профильных управлений и отделов Генеральной прокуратуры РФ взаимодействуют с Минэкономразвития России и Минфином России.

Формы взаимодействия прокуроров с законодательными (представительными) органами власти различных уровней и органами местного самоуправления рассматриваемой охватывают:

- обмен заинтересованных ведомств соответствующей информацией. В свою очередь, прокуроры информируют органы государственной власти о состоянии законности, борьбы с преступностью и правонарушениями в сфере защиты прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов;

- собственное инициативное информирование органов прокуратуры со стороны поднадзорных лиц о фактах выявления коррупциогенных положений в нормативно-правовых актах, регулирующих отношения в контрактной сфере;

- совместное участие в подготовке нормативных правовых актов, касающихся вопросов соблюдения прав предпринимателей при реализации

государственных и муниципальных контрактов на уровне региональных и местных представительных органов;

– участие органов прокуратуры в заседаниях органов государственной власти, органов местного самоуправления, комитетов, рабочих групп, а также проведение координационных, межведомственных совещаний руководителей правоохранительных органов и органов власти.

Важная роль в организации прокурорского надзора отводится взаимодействию органов прокуратуры с контролирующими органами. В целях организации работы по повышению эффективности взаимодействия органов прокуратуры в рамках проведения прокурорского надзора и контролирующих органов приняты следующие формы взаимодействия прокуратуры с органами контроля и надзора: взаимный обмен информацией в рамках компетенции соответствующих органов; деятельность межведомственных рабочих групп по вопросам противодействия нарушениям в контрактной сфере; привлечение к проверочным мероприятиям сотрудников и специалистов заинтересованных ведомств.

К примеру, информирование органов прокуратуры, в том числе прокуратуры Томской области Росфинмониторингом по результатам проведенных им проверок на предмет завышения цен на контракты по строительству детских садов, аффилированности должностных лиц при строительстве и переоборудовании медицинских центров и других нарушениях позволило оперативно восстановить нарушенную законность и повысить эффективность расходования бюджетных средств в Томской области.

Такой результат стал возможен в рамках деятельности межведомственной рабочей группы по противодействию правонарушениям в сфере экономики в ходе координационного совещания с руководителями правоохранительных органов Томской области, проведенного прокуратурой Томской области с участием представителей Межрегионального управления Росфинмониторинга по Сибирскому федеральному округу, на котором была заслушана информация об осуществлении закупок для государственных нужд учреждениями здравоохранения.

По итогам анализа информации и документов, размещенных в единой информационной системе (ЕИС) органами прокуратуры Томской области были выявлены признаки нарушения антимонопольного законодательства со стороны нескольких коммерческих организаций. Так, шесть юридических лиц на протяжении 2015–2017 гг. систематически участвовали в 611 закупках, проводимых учреждениями здравоохранения. Из них в 401 случае по результатам проведения процедуры определения поставщика государственные контракты, в нарушение требований действующего законодательства, заключены с одним из юридических лиц. В ходе проведенной проверки было установлено, что данными коммерческими организациями был заключен антиконкурентный сговор с целью поддержания завышенной цены на торгах. В результате злоумышленникам удалось получить незаконный доход в размере, превышающем 1 млрд рублей.

По информации прокуратуры Томской области Управлением ФАС России по Томской области было возбуждено девять дел о нарушении антимонопольного законодательства. Кроме того, по результатам дополнительной проверки, проведенной во взаимодействии с региональным управлением ФАС и ФСБ России, прокуратурой Томской области в Следственное управление Управления МВД России по Томской области направлено постановление для решения вопроса об уголовном преследовании по факту совершения должностными лицами действий, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ.

Другим ярким примером служат результаты мониторинга ЕИС прокуратурой Молчановского района Томской области в 2019 г. По итогам анализа информации и документов, размещенных в ЕИС, была проведена проверка исполнения администрацией Молчановского сельского поселения законодательства при организации закупки на выполнение работ по благоустройству спортивной площадки в районном центре. Установлено, что администрация поселения при обосновании начальной (максимальной) цены контракта на сумму более 500 тыс. рублей использовала проектно-сметный метод, который применяется только к объектам капитального строительства. Предусматриваемые же вышеуказанной закупкой работы носили исключительно благоустроительный характер. По итогам проверки прокурором района возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.29 КоАП РФ – «Несоблюдение требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при принятии решения о способе и об условиях определения поставщика (подрядчика, исполнителя)». Виновные лица привлечены к административной ответственности.

Методика прокурорской проверки в сфере закупок, с учетом закрепленных в Приказе № 6 положений, предписывает прокурорам изучать документацию финансового, бухгалтерского и технического содержания, сопоставлять конкретные требования законодательства с фактическими обстоятельствами их применения, имеющими не только документальное подтверждение, но и визуальное, коммуникативное. В этой связи в ходе проверки прокурорам необходимо анализировать большой объем различной информации, и нередко в целях качественной ее реализации целесообразно привлекать специалистов и представителей иных государственных органов, способных осуществлять экспертно-аналитические функции.

В целях надзора за соблюдением законодательства органы прокуратуры проводят проверки на основании поступивших сведений о возможном нарушении. К таким сведениям относятся заявления граждан и должностных лиц; сведения, ставшие известными органам прокуратуры из иных источников, например из средств массовой информации.

Согласно п. 2 ст. 21 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), если при поступлении информации о нару-

шении закона подтвердить или опровергнуть ее без проверки нельзя, органы прокуратуры обязаны провести проверку.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре проверяемое лицо обязано предоставить доступ к документам и сведениям, запрошенным прокурором, в установленные запросами сроки, обеспечить свободный доступ прокурора на территорию, предоставить возможность вызывать специалистов и должностных лиц для получения разъяснений в ходе проверки. При этом, согласно п. 3 ст. 21 Закона о прокуратуре, прокуратура не ограничена доводами обращения: в случае, когда выявлена информация о иных нарушениях, возможно расширение предмета проверки.

К числу основных вопросов, подлежащих выяснению при проведении прокурорской проверки в сфере обеспечения законности закупочной деятельности, относятся: изучение нормативного сопровождения закупок, выяснение соответствия этих актов действующему законодательству, в том числе в сфере противодействия коррупции; выяснение соблюдения процедуры размещения в ЕИС обязательных сведений; формирование аукционной, конкурсной документации; осуществление процедур определения поставщиков, подрядчиков, исполнителей; анализ соблюдения процедуры и практик заключения контрактов; проверка обоснованности начальной (максимальной) цены контракта, выявление завышения цен; выявление возможных фактов дробления контракта; анализ правомерности изменений условий контрактов.

По результатам проверочных мероприятий прокурор вправе по своему усмотрению определить конкретный объем мер прокурорского реагирования для устранения нарушений закона. При этом насколько точно прокурор определит предмет проверки, настолько полученная информация позволит ему наиболее эффективно применить конкретную меру реагирования для устранения нарушений и привлечения виновных к ответственности.

На сегодняшний день органами прокуратуры накоплен достаточный опыт надзорной деятельности в рамках исполнения законодательства о контрактной системе, сформирована стабильная практика защиты законных прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных закупок. Результативность и эффективность прокурорских проверок во многом достигнуты благодаря организации во всех регионах постоянного мониторинга соблюдения прав предпринимателей в сфере закупочной деятельности, а также усилению информационного сотрудничества с органами власти и объединениями предпринимателей.

Список источников

1. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор в Российской Федерации. М. : МНЭПУ, 2000. 460 с.
2. Кобзарев Ф.М. Организация работы в прокуратуре субъекта Российской Федерации : метод. материалы к семинару. М. : ИПК РФ Академии Генпрокуратуры РФ, 2010. 19 с.

3. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. М. : Юрайт, 2013. 1168 с.
4. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 2007. 192 с.
5. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор : учебник . М. : Велби ТК, 2006. 536 с.
6. Методические рекомендации об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 01.01.2019 г. № 7-16-2019 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.03.2021).

References

1. Vinokurov, Yu.E. (2000) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation]. Moscow: MNEPU.
2. Kobzarev, F.M. (2010) *Organizatsiya raboty v prokurature sub"ekta Rossiyskoy Federatsii* [Organization of work in the prosecutor's office in the subject of the Russian Federation]. Moscow: IPK RF of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.
3. Kekhlerova, S.G. & Kapinus, O.S. (eds) (2013) *Nastol'naya kniga prokurora* [A Handbook of the Prosecutor]. Moscow: Yurayt.
4. Voronin, O.V. (2007) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: voprosy Obshchey chasti* [Prosecutorial supervision in the Russian Federation: Issues of the General Part]. Tomsk: NTL.
5. Bessarabov, V.G. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's Supervision]. Moscow: Velbi TK.
6. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (2019) *Metodicheskie rekomendatsii ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o zakupkakh tovarov, rabot i uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: Pis'mo General'noy prokuratury RF ot 01.01.2019 g. № 7-16-2019* [Methodological recommendations on the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on the procurement of goods, works and services to meet state and municipal needs: Letter No. 7-16-2019 of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of January 1, 2019]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus. (Accessed: 18th March 2021).

Информация об авторе:

Мариничева А.Ю. – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: marinicheva22@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Marinicheva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marinicheva22@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.06.2021;
одобрена после рецензирования 11.10.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 13.06.2021;
approved after reviewing 11.10.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья

УДК 347.9

doi: 10.17223/22253513/43/12

Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сравнительно-правовой аспект

Галина Леонидовна Осокина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, 529728@mail.ru*

Аннотация. Сходство задач и способов их разрешения судами при осуществлении правосудия в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства предполагает общность и сходство принципов как основополагающих начал отправления правосудия. Анализ первых глав ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, регулирующих «Основные положения», свидетельствует об отсутствии должного единообразия и, как следствие, необходимой логичности и последовательности при формулировании законодателем принципов соответствующего вида судопроизводства, имеющих, как правило, конституционно-правовую основу.

Ключевые слова: гражданское, арбитражное и административное судопроизводство, принципы судопроизводства

Для цитирования: Осокина Г.Л. Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 140–150. doi: 10.17223/22253513/43/12

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/12

Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: comparative legal aspect

Galina L. Osokina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 529728@mail.ru

Abstract. The similarity of tasks and methods of their resolution by the courts in the administration of justice in civil, arbitration and administrative proceedings presupposes the commonality and similarity of principles as the fundamental bases in the administration of justice.

A comparative analysis of the first chapters of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Commercial Procedure Code of the Russian Federation and the Administrative Procedure Code of the Russian Federation regulating the main provisions of civil, arbitration and administrative proceedings, shows the lack of

proper uniformity and, as a result, of the continuity and logic in formulating the principles of the corresponding type of legal proceedings.

The author analyzes such principles as the administration of justice by the court only; individual and collegial consideration and resolution of cases; the language of proceedings; publicity of the proceedings and its legality. The author pays attention to the gaps and other shortcomings in the legal regulation of the above principles and proposes a solution to the identified problems.

The immediacy of the trial is the guiding principle in the examination of evidence and the establishment of circumstances of the case, since it determines the ways and means of the court's perception of the evidentiary material. The significance of the principle of "immediacy of the trial" is that its observance during the trial guarantees the gaining of true knowledge of the facts that are important for the correct adjudication and resolution of the case. Therefore, the violation by the court of this principle may entail the cancellation of the judicial act on the grounds of its unreasonableness and (or) illegality.

If we turn to the Codes governing civil, arbitration and administrative proceedings, there is an inconsistent, formal attitude of the legislators to one of the most important judicial principles. This is shown because in Chapter 1 of the "basic provisions" of the Civil Procedure Code of the Russian Federation there is no such a principle as "immediacy of the trial". The existence in civil proceedings of such a phenomenon as "the immediacy of the court's examination of the evidence available in the case" and "the immediacy of the trial" is mentioned only in Chapter 6 "Evidence and Proving" (Part 1, Article 67 of the Civil Procedure Code) and in Chapter 15 "Trial" (Part 1, Article 157 of the Civil Procedure Code). Unlike the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the "immediacy of judicial proceedings" as a principle is enshrined in the special norms of Chapter 1 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation (Article 10) and the Commercial Procedure Code of the Russian Federation (Paragraph 6, Article 6 and Article 13), which only declare, but do not disclose the substantive side of this judicial principle.

Based on the above, we propose the following. First, supplement Chapter 1 of the Civil Procedure Code with a special provision providing for the principle of immediacy of judicial proceedings; second, to expand the content of Article 10 of the Administrative Procedure Code and Article 13 of the Commercial Code of the Russian Federation by the following wording: "1. The court, when adjudicating the case, must examine all the evidence in the case directly. 2. Evidence in a case shall be examined and evaluated by the court that must decide the case on the merits. 3. Evidence that was not the subject of examination at the court hearing may not be accepted by the court as the basis for the adopted judicial act."

Keywords civil, arbitration and administrative proceedings, principles of legal proceedings

For citation: Osokina, G.L. (2022) Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: comparative legal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 140–150. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/12

Согласно ст. 118 Конституции РФ в действующей редакции по состоянию на 2021 г. **правосудие** в Российской Федерации осуществляется только судом (ч. 1). Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов РФ (ч. 3). Судебная власть (правосудие) осуществляется посредством конституционно-

го, *гражданского, арбитражного, административного* и уголовного *судопроизводства* (ч. 2).

Судопроизводство представляет собой деятельность соответствующего суда по рассмотрению и разрешению отнесенных к его ведению дел в рамках установленного законом процессуального порядка в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов граждан, организаций и иных участников материальных правоотношений. Таким образом, правосудие – это вид государственной деятельности, который всегда связан с рассмотрением и разрешением дел о действительном или предполагаемом нарушении норм права.

Порядок осуществления правосудия по гражданским делам, возникающим в связи и по поводу применения судами общей юрисдикции норм гражданского, семейного, трудового и иных родственных им отраслей материального права в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников этих (материальных) правоотношений (*гражданское судопроизводство*), регулируется Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. по состоянию на 1 ноября 2021 г.

Порядок осуществления арбитражными судами правосудия по делам, возникающим из предпринимательской и иной экономической деятельности, в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органов муниципальных образований, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (*арбитражное судопроизводство*), регулируется Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации от 24 июля 2002 г. по состоянию на 1 ноября 2021 г.

Порядок осуществления судами общей юрисдикции правосудия по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также в целях контроля за законностью и обоснованностью реализации государственных или иных публичных полномочий (*административное судопроизводство*), регулируется Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации от 25 февраля 2015 г. по состоянию на 1 октября 2021 г.

Сравнительный анализ первых глав ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, предусматривающих *основные положения* процессуальной регламентации порядка осуществления судами правосудия в соответствующих сферах общественных отношений, свидетельствует об известном сходстве, общности не только стоящих перед судами задач и способов их разрешения, но

и об общности **принципов** как основополагающих, руководящих **началах** отправления правосудия в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Это дает основание рассматривать гражданское, арбитражное и административное виды судопроизводства как самостоятельные, но вместе с тем родственные ветви цивилистического процесса. Данное обстоятельство обязывает законодателя при формулировании принципов как нормативно-правовых начал отправления правосудия по делам гражданского, арбитражного и административного видов судопроизводства соблюдать единообразие и преемственность. Однако при внимательном изучении и сопоставлении первых глав ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, содержащих нормы о принципах соответствующих видов судопроизводств, обнаруживается отсутствие единообразия, преемственности и, как следствие, необходимой логичности при их изложении. И это при том, что некоторые принципы имеют конституционно-правовую природу.

К таким принципам, прежде всего, относится принцип **осуществления правосудия только судом** (см. ч. 1 ст. 118 Конституции РФ). Указанный принцип получил законодательное закрепление только в ГПК РФ (ст. 5) и АПК РФ (ст. 1). Что же касается КАС РФ, то такой принцип не предусмотрен в нормах этого Кодекса. Его нет ни в перечне ст. 6 КАС РФ, посвященной принципам административного судопроизводства, ни в отдельных, самостоятельных статьях гл. 1 КАС РФ. Отсутствие в КАС РФ нормы, содержащей принцип осуществления правосудия только судом, вызывает недоумение по поводу причин, побудивших законодателя не включать его в текст «Основных положений» КАС РФ. Поскольку порядок административного судопроизводства определяется Конституцией РФ и другими федеральными законами (ч. 1 ст. 2 КАС РФ), а одной из задач административного судопроизводства является обеспечение судом доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений (п. 1 ст. 3 КАС РФ), принцип **осуществления правосудия только судом** должен занять достойное место в гл. 1 «Основные положения» КАС РФ. Только в этом случае можно говорить о конституционном единообразии и преемственности принципов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Следующий принцип судопроизводства, заслуживающий внимания в рамках настоящей статьи, – принцип **единоличного и коллегиального рассмотрения и разрешения дел**. Указанный принцип – принцип «одиночка». Это означает, что положение о единоличном и коллегиальном рассмотрении и разрешении дел в качестве принципа закреплено только в ГПК РФ (ст. 7 гл. 1), содержание которого (принципа) продублировано в ст. 14 гл. 2 ГПК РФ, регламентирующей вопросы, связанные с составом суда и отводами. Что же касается АПК РФ и КАС РФ, то норма о единоличном и коллегиальном рассмотрении и разрешении дел содержится лишь в гл. 2 (ст. 17) АПК РФ и в гл. 3 (ст. 29) КАС РФ, регулирующих вопросы, связанные с составом суда. В «Основных положениях» АПК РФ

(гл. 1) и КАС РФ (гл. 1) такой нормы нет. Возникает вопрос: означает ли это, что правило (нормативное положение) о единоличном и коллегиальном рассмотрении и разрешении дел не рассматривается законодателем в качестве именно принципа осуществления правосудия по делам арбитражного и административного судопроизводства? Ответ на поставленный вопрос едва ли будет обоснованным без учета тех представлений о судопроизводственных принципах, их составе и значимости, которые существуют в учебной и научной литературе, а также анализа процессуальных последствий, которые влечет нарушение данного правила в судебной практике.

При всем многообразии мнений по вопросу о составе судопроизводственных принципов и способах их фиксации (закрепления) в нормах права, положение о единоличном и коллегиальном рассмотрении и разрешении дел расценивается как один из важнейших судопроизводственных принципов [1. С. 118, 126–129; 2. С. 62–63]. Такое представление опирается на прочную законодательную базу, которая складывается из положений Конституции РФ «о праве на своего судью» (ч. 1 ст. 47), а также оснований для отмены или изменения судебных актов в апелляционном, кассационном порядке и в порядке надзора. В ГПК РФ положение о единоличном и коллегиальном рассмотрении и разрешении дел вполне логично закреплено в «Основных положениях» Кодекса в качестве одного из принципов *гражданского* судопроизводства. Об этом свидетельствуют также нормы ГПК РФ, предусматривающие *основания отмены или изменения* судебных актов, которые (основания) носят *безусловный* (категоричный) характер в случаях нарушения судом этого принципа при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Согласно п. 1 ч. 4 ст. 330 и п. 1 ч. 4 ст. 379.7 ГПК РФ, основанием для отмены или изменения судебных актов в апелляционном и кассационном порядке *в любом случае* является *рассмотрение дела в незаконном составе*. В соответствии с п. 1 ст. 391.9 ГПК РФ судебные постановления, указанные в ч. 2 ст. 391.1 настоящего Кодекса, подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда РФ установит, что обжалуемое постановление нарушает права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ. В данном случае имеется в виду нарушение гарантированного ч. 1 ст. 47 Конституции РФ права на своего судью, ибо «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом».

Что же касается АПК РФ и КАС РФ, то, несмотря на отсутствие в перечне основных положений вышеуказанных кодексов правил о единоличном и коллегиальном рассмотрении и разрешении дел в качестве принципов арбитражного и административного судопроизводства, нарушение арбитражными судами и судами общей юрисдикции норм о единоличном и коллегиальном рассмотрении дел, отнесенных законом к их ведению

(см. ст. 17 гл. 2 АПК РФ, ст. 29 гл. 3 КАС РФ), влечет аналогичные, т.е. **безусловные**, категоричные по своему характеру последствия в виде **отмены или изменения судебного акта**. В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 270 и п. 1 ч. 4 ст. 288 АПК РФ основанием для изменения или отмены актов арбитражных судов в апелляционном или кассационном порядке **в любом случае** является **рассмотрение дела соответствующим арбитражным судом в незаконном составе**. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 310 и ч. 3 ст. 328 КАС РФ, постановления судов общей юрисдикции подлежат **безусловной отмене или изменению** в апелляционном или кассационном порядке в случаях **рассмотрения административного дела судом в незаконном составе**.

В соответствии с п. 1 ст. 308.8 АПК РФ и п. 1 ст. 341 КАС РФ судебные акты арбитражных судов и судов общей юрисдикции по административным делам подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда РФ установит, что обжалуемый акт нарушает права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ, общепризнанными нормами международного права, международными договорами РФ. Это означает, что безусловным основанием для отмены или изменения судебных актов арбитражных и общих судов в порядке **надзора** является нарушение **права на своего судью** (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ).

Таким образом, положение о единоличном и коллегиальном рассмотрении и разрешении дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами необходимо квалифицировать как один из важнейших принципов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Нарушение этого принципа (нормативного правила) влечет для всех участников судебного процесса серьезные последствия в виде безусловной (обязательной) отмены или изменения судебного акта в апелляционном, кассационном порядке или в порядке надзора.

К числу судопроизводственных принципов относится принцип **языка судопроизводства**. Данный принцип имеет конституционную основу в виде **положений** о государственных гарантиях **права любого участника** судебного процесса **пользоваться родным языком** либо **свободно выбирать язык общения**, а также **пользоваться услугами переводчика** (ч. 1 ст. 17, ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 26, ст. 45 Конституции РФ). В связи с этим неудивительно, что правило о языке судопроизводства как основополагающее, руководящее начало любого судебного процесса получило законодательное закрепление во всех трех Кодексах: ГПК РФ (ст. 9 гл. 1), АПК РФ (ст. 12 гл. 1) и КАС РФ (ст. 12 гл. 1).

В отличие от процессуальной доктрины, использующей различные словесные формулировки этого принципа: «принцип государственного языка судопроизводства» [1. С. 134; 2. С. 68], «принцип доступности языка общения суда с участниками процесса» [3. С. 73]; «принцип национального языка, на котором ведется административное судопроизводство» [4. С. 74], законодатель

использует лаконичную формулировку нормы-принципа: «язык гражданского судопроизводства» (ст. 9 ГПК РФ), «язык судопроизводства» (ст. 12 АПК РФ), «язык, на котором ведется административное судопроизводство» (ст. 12 КАС РФ). Такое решение законодателя представляется наиболее предпочтительным с точки зрения приемов законодательной техники.

При анализе основных положений, содержащихся в гл. 1 КАС РФ, обращает на себя внимание некоторый алогизм законодателя. Дело в том, что в отличие от ГПК РФ и АПК РФ, гл. 1 КАС РФ включает специальную норму, предусматривающую *перечень принципов административного судопроизводства* (ст. 6), содержание которых (принципов) раскрывается в последующих статьях гл. 1 КАС РФ (ст. 7–11, 13, 14). Алогизм, непоследовательность законодателя заключается в том, что при составлении этого перечня из поля его зрения по непонятным причинам выпал такой общепризнанный принцип судопроизводства, как принцип языка. И это при том, что положение о языке, на котором ведется административное судопроизводство, закреплено в отдельной ст. 12 той же гл. 1 КАС РФ. В результате такой рассогласованности норм гл. 1 Кодекса создается ложное впечатление о том, что язык, на котором ведется административное судопроизводство, не является его принципом. Для устранения подобного впечатления и восстановления необходимой гармонии норм следует дополнить ст. 6 гл. 1 КАС РФ положением о языке, на котором ведется административное судопроизводство.

Согласно ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, «разбирательство дел во всех судах *открытое*. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом» (выделено нами. – Г.О.). В данном случае речь идет о гласности. Гласность судебного разбирательства как судопроизводственный принцип содержится в ГПК РФ (ст. 10), АПК РФ (ст. 11) и в КАС РФ (ст. 11). В отличие от ГПК РФ и АПК РФ, в которых указанный принцип обозначен одним термином – «гласность судебного разбирательства», в КАС РФ речь идет о принципе «гласности и *открытости* судебного разбирательства» (п. 5 ст. 6 и ст. 11). Таким образом, закон имеет в виду как бы два самостоятельных принципа: *гласность* и *открытость* судебного разбирательства. Однако в действительности все обстоит совершенно иначе.

Семантика слова «гласный» означает доступный для общественного ознакомления и обсуждения, т.е. «*открытый*» [5. С. 128]. Поэтому гласность судопроизводства как демократический принцип есть не что иное, как *открытое* судебное разбирательство юридических дел [6. С. 311]. Таким образом, «гласность» и «открытость» представляют собой словасинонимы, потому что хотя они и различны по звучанию, но совершенно тождественны (идентичны) по смыслу. Поскольку «*гласность*» всегда означает «*открытость*» судебного процесса, использование в наименовании данного принципа наряду с гласностью термина «*открытость*»

является тавтологией. На основании вышеизложенного, термин «открытость» должен быть исключен из наименования указанного выше принципа (п. 5 ст. 6 и ст. 11 КАС РФ) как избыточный.

Следующий принцип судопроизводства, заслуживающий внимания, – принцип **законности** (ст. 120 Конституции РФ). В отличие от ГПК РФ «законность» как судопроизводственный принцип закреплен в отдельных, самостоятельных нормах АПК РФ (ст. 6) и КАС РФ (п. 3 ст. 6 и ст. 9). Что же касается ГПК РФ, то отсутствие в гл. 1 «основных положений» гражданского судопроизводства отдельной, самостоятельной нормы, предусматривающей такой принцип осуществления правосудия, вовсе не означает его отсутствие в гражданском судопроизводстве. Вывод о существовании принципа законности при рассмотрении и разрешении судом гражданских дел вытекает из содержания ст. 1, 2, 5 и 11 гл. 1, а также ст. 195 гл. 16 ГПК РФ, предусматривающих задачи и цели гражданского судопроизводства.

Суть принципа законности кратко может быть сформулирована следующим образом: «законность при рассмотрении и разрешении дел судами общей юрисдикции, а также арбитражными судами обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдением судами правил, установленных законодательством о гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве».

Необходимо отметить, что при формулировании принципа законности АПК РФ оказался более последовательным и содержательным по сравнению с ГПК РФ и КАС РФ. Об этом свидетельствует норма ч. 4 ст. 15 АПК РФ, уточняющая и дополняющая содержание принципа **законности**, о котором идет речь в ст. 6 АПК РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 15 АПК РФ «принимаемые арбитражным судом судебные приказы, решения, постановления, определения должны быть **законными**, обоснованными и мотивированными». К сожалению, в первых главах ГПК РФ и КАС РФ, содержащих «основные положения», нет норм, аналогичных ч. 4 ст. 15 АПК РФ. В ГПК РФ и КАС РФ требование законности предъявляется только к такому судебному акту, как **решение** (ст. 195 гл. 16 ГПК РФ и ст. 176 гл. 15 КАС РФ). Тогда как, согласно ч. 1 ст. 13 ГПК РФ и ч. 1 ст. 16 КАС РФ, суды общей юрисдикции принимают по гражданским и административным делам, кроме решений, судебные акты в форме судебных приказов, определений, постановлений президиума суда надзорной инстанции. В связи с отсутствием в указанных выше кодексах норм, аналогичных по содержанию ч. 4 ст. 15 АПК РФ, возникает вопрос о допустимости распространения требования законности и на иные, кроме решений, судебные акты.

Представляется, что требованию законности должны отвечать не только судебные решения, но и судебные приказы, судебные определения и постановления. Стоящие перед судами общей юрисдикции задачи гражданского и административного судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ, ст. 3 КАС РФ), а также институты апелляционного обжалования определений суда первой инстан-

ции¹, кассационного обжалования вступивших в законную силу судебных приказов и определений мировых судей и судов общей юрисдикции², пересмотра судебных постановлений в порядке надзора³, а также пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам⁴ свидетельствуют о том, что «законность» как основополагающее начало (генеральное требование) гражданского и административного судопроизводства распространяется не только на судебные решения, но и на судебные приказы, определения и постановления. В связи с этим представляется необходимым дополнить ст. 13 ГПК РФ и ст. 16 КАС РФ положением, согласно которому «принимаемые судами общей юрисдикции и мировыми судьями судебные решения, судебные приказы, определения и постановления должны быть **законными** и обоснованными».

Некоторое недоумение вызывает формулировка принципа законности в Кодексе административного судопроизводства РФ. В отличие от ГПК РФ и АПК РФ указанный принцип именуется как принцип «**законности и справедливости** при рассмотрении и разрешении административных дел» (п. 3 ст. 6 и ст. 9 КАС РФ). Используя термин «справедливость» в наименовании одного из принципов административного судопроизводства, законодатель совершенно забывает о нем в дальнейшем, поскольку оперирует лишь такими категориями, как законность, обоснованность и мотивированность судебного акта. Отсутствие в КАС РФ какой-либо информации о содержании «принципа справедливости» и, как следствие, четких и ясных критериев его оценки, а также процессуальных последствий его нарушения судом делает совершенно излишним упоминание о нем в тексте законодательного акта, т.е. в п. 3 ст. 6 и ст. 9 КАС РФ.

Непосредственность судебного разбирательства является руководящим началом при исследовании доказательств и установлении обстоятельств дела, поскольку определяет пути и способы восприятия судом доказательственного материала.

По своему содержанию принцип «**непосредственности** судебного разбирательства» означает следующее. Во-первых, суд при рассмотрении дела **обязан ознакомиться** с письменными доказательствами; **осмотреть** вещественные доказательства; **заслушать** объяснения участвующих в деле лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации специалистов; **огласить** такие объяснения, показания, заключения, консультации, представленные в письменной форме; **прослушать** аудиозаписи и **просмотреть** видеозаписи посредством их **воспроизведения** (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ; ст. 162

¹ См.: ст. 331 ГПК РФ; ст. 313 КАС РФ.

² См.: ч. 1 ст. 376, ч. 2 ст. 377, ст. 379.6, 379.7, 390.4, 390.13, 390.14 ГПК РФ; ст. 318, ч. 2 ст. 319, ст. 328 КАС РФ.

³ См.: ч. 1 и 2 ст. 391.1, 391.9, ч. 1 ст. 391.11, ч. 2 ст. 391.12 ГПК РФ; ч. 1 и 2 ст. 332, ст. 341 КАС РФ.

⁴ См.: ст. 392, ст. 393 ГПК РФ; ст. 350 КАС РФ.

АПК РФ; ч. 2 ст. 59 КАС РФ). Во-вторых, принцип *«непосредственности судебного разбирательства»* означает, что суд вправе мотивировать свое мнение по делу только *теми доказательствами*, которые были им *исследованы в судебном заседании* (ч. 2 ст. 195 ГПК РФ; ч. 2 ст. 10 АПК РФ; ч. 2 ст. 176 КАС РФ). В-третьих, доказательства по делу *исследуются и оцениваются тем судом*, который должен *разрешить дело по существу и вынести свой вердикт* (ч. 2 ст. 157, п. 5 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ; ч. 3 ст. 167, п. 5 ч. 4 ст. 270 АПК РФ; ч. 3 ст. 175, п. 5 ч. 1 ст. 310 КАС РФ).

Таким образом, значение принципа «непосредственности судебного разбирательства» состоит в том, что его соблюдение в процессе судебного разбирательства гарантирует получение истинного знания о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Поэтому нарушение судом указанного принципа может повлечь отмену судебного акта по мотиву его необоснованности и (или) незаконности. При этом нельзя забывать об исключениях из действия этого принципа, когда непосредственное восприятие и исследование судом доказательств в судебном заседании невозможно или нецелесообразно по основаниям, предусмотренным законом (например, в случаях использования институтов судебных поручений и обеспечения доказательств) [1. С. 144–145].

Если обратиться к кодексам, регулирующим гражданское, арбитражное и административное судопроизводство, то имеет место непоследовательное, формальное отношение законодателя к одному из важнейших судопроизводственных принципов. Это проявляется в том, что в гл. 1 «основных положений» ГПК РФ нет такого принципа, как «непосредственность судебного разбирательства». О существовании в гражданском судопроизводстве таких явлений, как «непосредственность исследования судом имеющихся в деле доказательств» и «непосредственность судебного разбирательства», говорится лишь в гл. 6 «Доказательства и доказывание» (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ) и в гл. 15 «Судебное разбирательство» (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ). В отличие от ГПК РФ «непосредственность судебного разбирательства» как принцип закреплен в специальных нормах гл. 1 АПК РФ (ст. 10) и КАС РФ (п. 6 ст. 6 и ст. 13), которые лишь декларируют, но не раскрывают содержательную сторону этого судопроизводственного принципа. Отдельные элементы, характеризующие содержание принципа непосредственности судебного разбирательства, следует искать в других нормах указанных выше кодексов: в ч. 1 ст. 71, ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 167 АПК РФ; а также в ч. 1 ст. 84, ч. 3 ст. 175 КАС РФ.

На основании вышеизложенного предлагаем следующее. Во-первых, дополнить гл. 1 ГПК РФ специальной нормой, предусматривающей принцип непосредственности судебного разбирательства; во-вторых, расширить содержание ст. 10 АПК РФ и ст. 13 КАС РФ в следующей формулировке:

«1. Суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать все доказательства по делу.

2. Доказательства по делу исследуются и оцениваются, как правило, тем судом, который должен разрешить дело по существу.

3. Доказательства, которые не были предметом исследования в судебном заседании, не могут быть положены судом в основу принимаемого судебного акта».

Список источников

1. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. М. : Норма: Инфра-М, 2013. 704 с.
2. Арбитражный процесс : учеб. для студ. юрид. вузов и фак-тов. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. М. : Издательский дом «Городец», 2016. 704 с.
3. Гражданский процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. М., 2015. 736 с.
4. Административное судопроизводство : учеб. для студ. юрид. вузов, фак-тов и юристов, повышающих квалификацию. 1-е изд. / под ред. М.К. Треушникова. М. : Издательский Дом «Городец», 2017. 464 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 6-е изд., стер. М. : Сов. энциклопедия, 1964. 900 с.
6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1985. 1600 с.

References

1. Osokina, G.L. (2013) *Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast'* [The Civil Process. The General Part]. 3rd ed. Moscow: Norma: Infra-M.
2. Treushnikov, M.K. (ed.) *Arbitrazhnyy protsess* [Arbitration Process]. 5th ed. Moscow: Gorodets.
3. Blazheev, V.V. & Uksusova, E.E. (eds) (2015) *Grazhdanskiy protsess* [The Civil Process]. Moscow: Prospekt.
4. Treushnikov, M.K. (2017) *Administrativnoe sudoproizvodstvo* [Administrative Legal Proceedings]. 1st ed. Moscow: Gorodets.
5. Ozhegov, S.I. (1964) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 6th ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
6. Prokhorov, A.M. (ed.) (1985) *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Информация об авторе:

Осокина Г.Л. — доктор юридических наук, профессор, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 529728@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.L. Osokina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 529728@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.08.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 17.08.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 347.77
doi: 10.17223/22253513/43/13

Опыт всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров

Антон Геннадьевич Серго¹, Екатерина Игоревна Романенкова²

¹ *Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, mail@internet-law.ru*

² *КонсультантПлюс, Москва, Россия, primavera_law@mail.ru*

Аннотация. Последнее время доменным именам уделяется все больше внимания в научных работах и судебной практике. Очевидная скудность правового регулирования этого объекта вынуждает обращаться к иностранному опыту, фрагментарно заимствуя его в теории и судебной практике. Однако такой подход не дает видения целостной картины международных систем урегулирования доменных споров, большая часть которых успешно работает вот уже более 20 лет без какого-либо государственного участия.

Ключевые слова: доменные имена, товарные знаки, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Единая политика разрешения доменных споров, UDRP

Для цитирования: Серго А.Г., Романенкова Е.И. Опыт всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 151–163. doi: 10.17223/22253513/43/13

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/13

World Intellectual Property Organisation's experience in domain dispute resolution

Anton G. Sergo¹, Ekaterina I. Romanenkova²

¹ *Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation, mail@internet-law.ru*

² *ConsultantPlus company, Moscow, Russian Federation, primavera_law@mail.ru*

Abstract. The current pace of development of information technology is such that no country's legal system can objectively keep up with its adequate regulation. As a consequence, the Internet community is looking for its own, equally reliable and effective, but fast and modern systems of fair resolution of conflicts that arise between the rightholders of various classic means of individualisation (usually trademarks) and domain names.

In today's high-tech world, the role and importance of domain names cannot be underestimated. They control destinies, prepare revolutions, crush cults and shape national politics. Their ability to easily personalize any information resource in cyberspace is highly valued by specialists in a variety of fields. Their number in the world (over 320 million) and in our country (5 million) exceeds many times the number of any other means of individualization, but the domain name as an object of law has not been sufficiently defined in the Russian legislation to this day. Despite this, domains have long been sold and bought and there have been numerous and costly court battles over them.

The Russian-speaking reader is familiar with the judicial processes for resolving such disputes. However, out-of-court means of resolving such cases, little known to our readers, are in demand in foreign practice. They are used in the domain area not only to address the claims of holders of traditional means of individualization to domain owners, but also in disputes between domain name registrars in the transfer of the domain between them on the application of third parties, if the domain registration does not meet the requirements of the domain zone, the requirements to suspend the registration of domain names in new domain zones, etc.

The need to develop alternative dispute resolution systems was driven by conflicting court practices and the search for a way to resolve domain disputes in a fast, not very expensive and efficient procedure, given that such disputes were often extraterritorial in nature. The latter is easier to explain with an example. For example, one of the largest domestic construction companies faced a situation where a domain similar to its name in a foreign zone was registered through an Australian registrar for a resident of Great Britain, and the content site provided by ill-wishers from the Moscow region. In such circumstances, going to court in Russia or the UK was ineffective because the execution of the decision was to be secured from the domain registrar. At the same time, there were no grounds to sue the registrar (in Australia) because it did not violate anyone's rights.

This situation is typical when registering a domain in an "international" or foreign domain zone, as the registrar's country of origin is usually irrelevant to the user, as opposed to the price. Of course, recourse to the traditional justice system is possible in such a situation, but not everyone can afford the time and money required to resolve it.

Keywords: domain names, trademarks, World Intellectual Property Organisation, Uniform Domain Dispute Resolution Policy, UDRP

For citation: Sergo, A.G. & Romanenkova, E.I. (2022) World Intellectual Property Organisation's experience in domain dispute resolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 151–163. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/13

Современные темпы развития информационных технологий таковы, что правовая система ни одной страны мира объективно не успевает за их адекватным регулированием. Как следствие, интернет-сообщество ищет свои, столь же надежные и эффективные, но быстрые и современные системы справедливого разрешения конфликтов, которые возникают между правообладателями различных классических средств индивидуализации (обычно товарных знаков) и доменных имен.

В современном высокотехнологичном мире трудно недооценить роль и значение доменных имен. С их помощью вершатся судьбы, готовятся революции, рушатся культы, формируется национальная политика. Их спо-

способность легко индивидуализировать любой информационный ресурс в киберпространстве высоко ценится специалистами самых разных областей. Их число в мире (более 320 млн) и в нашей стране (5 млн) многократно превышает количество любых других средств индивидуализации, но при этом доменное имя как объект права по сей день остается недостаточно определенным в российском законодательстве. Несмотря на это домены давно продаются и покупаются, за них ведутся многочисленные и дорогостоящие судебные сражения.

Русскоязычному читателю хорошо знакомы судебные процессы по рассмотрению таких споров. Однако в зарубежной практике востребованы внесудебные средства рассмотрения таких дел¹, малоизвестные нашему читателю. Они применяются в доменной сфере не только при рассмотрении претензий правообладателей традиционных средств индивидуализации к владельцам доменов, но и в спорах между регистраторами доменных имен при передаче домена между ними по заявлениям третьих лиц, если регистрация домена не отвечает требованиям доменной зоны, по требованиям о приостановке регистрации доменных имен в новых доменных зонах и т.п.

Необходимость разработки альтернативных систем рассмотрения споров была обусловлена противоречивостью судебной практики² и поиском возможности рассмотрения доменных споров в рамках быстрой, не очень дорогой и эффективной процедуры, учитывая, что нередко такие споры носили экстерриториальный характер. Последнее проще пояснить на примере. Так, одна из крупнейших отечественных строительных компаний столкнулась с ситуацией, когда сходный с ее наименованием домен в иностранной зоне был зарегистрирован через австралийского регистратора на жительницу Великобритании, а наполнение сайта обеспечивали недоброжелатели из Подмосковья. При таких обстоятельствах обращаться в суд в России или Великобритании было неэффективно, поскольку исполнение решения нужно было обеспечить от регистратора домена. При этом оснований подавать иск против регистратора (в Австралии) не было, поскольку он сам чьих-либо прав не нарушал.

Такая ситуация является типовой, когда осуществляется регистрация домена в «международной» или иностранной доменной зоне, поскольку страна происхождения регистратора обычно не имеет значения для пользователя, в отличие от цены. Конечно, обращение к традиционной системе правосудия в такой ситуации вполне возможно, но не каждому под силу те затраты по времени и деньгам, которые требуются для ее решения.

¹ Подробнее см.: Серго А.Г. Доменные имена. Правовое регулирование. М. : Маска, 2018.

² Подробнее см.: Серго А.Г. Подходы к некоторым аспектам правового регулирования доменных имен в теории и судебной практике // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 4.

Самая известная (но не единственная) внесудебная система рассмотрения доменных споров¹ состоит из двух документов, это «Единая политика разрешения споров о доменных именах»² (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (UDRP)) и Правила к ней (Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy), являющиеся обязательной и неотъемлемой частью договоров регистраторов с администраторами доменных имен в более чем 2 тыс. доменных зон, включая не только такие, как .COM, .NET, .ORG, но и .РУС, .МОСКВА, .САЙТ и многие другие.

Эта система рассмотрения доменных споров была одобрена ICANN 26 августа 1999 г. на совещании в Сантьяго. На сегодняшний день ICANN уполномочила следующие организации (арбитражные³ центры) рассматривать подобные споры:

- Арбитражный и медиационный центр Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization Arbitration and Mediation Center, далее – Арбитражный центр ВОИС) – с 1 декабря 1999 г.;

- Национальный арбитражный форум, расположенный в американском штате Миннесота (National Arbitration Forum) – с 23 декабря 1999 г.;

- Азиатский центр по разрешению доменных споров (Asian Domain Name Dispute Resolution Center) – с 3 декабря 2001 г.;

- Арбитражный центр для интернет-споров Чешского арбитражного суда (Czech Arbitration Court) – с 23 января 2008 г.;

- Арабский центр по разрешению доменных споров (Arab Center for Dispute Resolution) – с 18 мая 2014 г.;

- Канадский международный центр рассмотрения споров (Canadian International Internet Dispute Resolution Centre) – с 9 мая 2018 г.

Как известно, разрабатывая UDRP, ВОИС ввела специальную юридическую конструкцию – «недобросовестная регистрация», для квалификации действий администратора домена. Недобросовестная регистрация осуждается ВОИС, по ее мнению, с такой деятельностью нужно бороться. При наличии признаков недобросовестной регистрации владелец товарного знака может при помощи процедуры UDRP отобрать или аннулировать

¹ Подробнее см.: Серго А.Г. Доменные имена. Правовое регулирование. М. : ФГБОУ ВПО РГАИС, 2013. С. 183–206.

² Для этого документа также используются наименования: «Единообразная политикой по разрешению споров в связи с доменными именами» (Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров») и «Единая политика по урегулированию споров в области доменных имен (ЕПУС)» (Всемирная организация интеллектуальной собственности, WIPO).

³ В англоязычной литературе под арбитражем поднимается рассмотрение спора негосударственными арбитрами с вынесением обязательного для сторон решения, т.е. аналог третейского суда в русскоязычной литературе.

домен, обратившись в специализированную уполномоченную организацию, подобную третьейскому суду.

В рамках UDRP эксперты ВОИС отошли от терминов «киберсквоттинг» и «киберсквоттер». Поскольку в эти термины вкладываются различные значения (многочисленная регистрация доменных имен; регистрация домена, совпадающая с чужим фирменным наименованием или товарным знаком; спекулятивная перепродажа домена или доменов и др.), то эксперты ВОИС решили использовать новый термин – «недобросовестная регистрация доменного имени», вложив в него следующее значение: «Регистрация доменного имени должна рассматриваться как недобросовестная при наличии трех следующих условий:

- доменное имя тождественно или сходно с товарным знаком или знаком обслуживания, на которые заявитель имеет права;
- владелец доменного имени не имеет никаких прав или законных интересов в отношении доменного имени;
- доменное имя было зарегистрировано и используется недобросовестно».

Смысл, который вкладывается в каждое из этих условий, подробно описан в научной литературе [1]. В отечественную судебную практику эти принципы были внесены в 2011 г. с легкой руки ВАС РФ (в деле А40-47499/2010) и Суда по интеллектуальным правам (Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров»), сделано это было, к сожалению, слишком поверхностно, но об этом позднее.

В отличие от российской трактовки принципов UDRP, ориентированной на избыточную защиту прав правообладателей товарных знаков, наличие столь специфических условий в процедуре UDRP было обусловлено необходимостью защиты невиновных и законопослушных владельцев доменов. Регистрация доменного имени, которая оправдана законными правами свободы слова или законными некоммерческими соображениями, не может рассматриваться как недобросовестная. Споры о добросовестности между конкурирующими правообладателями или о других конкурирующих законных интересах не рассматриваются в рамках данной процедуры.

Сегодня процедура UDRP позволяет рассматривать доменные споры как в доменных зонах общего пользования, количество которых превышает две тысячи (COM, NET, ORG, BIZ, INFO, AERO, ASIA, CAT, COOP, EDU, MOBI, MUSEUM, NAME, PRO, TEL, TRAVEL, XXX и др.), так и в национальных доменах.

В неизменном виде UDRP применяется для таких государственных доменов, как .AG – Антигуа и Барбуда, .AI – Ангилья, .AS – Американское Самоа, .BM – Бермудские острова, .BS – Багамские острова, .BZ – Белиз, .CC – Кокосовые острова, .CD – Конго, .CO – Колумбия, .CY – Кипр, .DJ – Джибути,

.ED – Эквадор, .FJ – Фиджи, .FM – Микронезия, .GD – Гренада, .GT – Гватемала, .KI – Кирибати, .LA – Лаос, .LC – Сент-Люсия, .MD – Молдова, .ME – Черногория, .MW – Малави, .NR – Науру, .NU – Ниуэ, .PA – Панама, .PK – Пакистан, .PN – Острова Питкэрн, .PR – Пуэрто-Рико, .PW – Палау, .RO – Румыния, .SC – Сейшельские острова, .SL – Сьерра-Леоне, .SO – Сомали, .TJ – Таджикистан, .TT – Тринидад и Тобаго, .TV – Тувалу, .UG – Уганда, .VE – Венесуэла, .VG – Виргинские острова, .WS – Самоа. По процедурам, незначительно модифицированным относительно UDRP, рассматриваются доменные споры в более тридцати государственных доменных зонах.

Используемая ВОИС «Единая политика разрешения споров о доменных именах» давно и успешно функционирует для всех доменов общего пользования и ряда национальных доменов. Сотни новых доменных зон, появившихся в 2013–2016 гг. (в том числе .РУС, .MOSCOW, .МОСКВА, .ОРГ, .ОНЛАЙН, .САЙТ, .КОМ, .ДЕТИ), также попадают в сферу действия этой международной системы рассмотрения доменных споров.

К началу 2021 г. крупнейший из центров – Арбитражный центр ВОИС – рассмотрел более 50 тыс. споров, в которых фигурировали почти 100 тыс. доменов. Подавляющее большинство споров приходится на самый популярный домен – .COM. По итогам рассмотрения дел примерно в 80% случаев домены передаются заявителям.

По данным Арбитражного центра ВОИС, в спорах по поводу доменов в зонах общего пользования принимали участие резиденты более 180 стран. Если заявителями по спорам наши соотечественники были 127 раз (причем 51 жалоба подана в 2017 г.), то ответчиками – 907 раз, как следствие – 14-е место в общем рейтинге стран киберсквоттеров.

В последнее время российские правообладатели проявляют немалый интерес к подобным системам рассмотрения споров, не только потому что возрастает необходимость в использовании международных доменных зон, но в связи с тем, что условно «отечественные» доменные зоны типа .РУС, .МОСКВА, .ДЕТИ также подпадают под эту систему.

Открыла счет российским спорам по новым зонам компания «Навигатор», обратившись в 2015 г. в Арбитражный центр ВОИС за рассмотрением ее притязаний на доменные имена NAVITEL.MOSCOW и НАВИТЕЛ.МОСКВА, зарегистрированные российским киберсквоттером в декабре 2014 г. Выбор в пользу этой системы, а не национального правосудия был обусловлен необходимостью быстрого и компетентного решения, без возможности затягивания его вынесения в российском суде.

Опубликованные обзоры [2] участия наших соотечественников в решении международных доменных споров показывают, что процедура рассмотрения споров UDRP подтвердила свое удобство и универсальность и для российских правообладателей в доменных зонах общего пользования. Также необходимо признать, что данная уникальная процедура имеет ряд

принципиальных достоинств, выгодно отличающих ее от других путей разрешения доменных споров, а также национального правосудия.

Как уже указывалось, российская судебная практика периодически обращается к основным принципам UDRP, но долгое время делала это односторонне, акцентируя внимание на признаках недобросовестности администратора домена, упуская из виду признаки его добросовестности, и такой односторонний подход в корне противоречит сути UDRP.

На пути применения UDRP в России крайне интересной представляется позиция Высшего Арбитражного суда РФ, изложенная в Постановлении Президиума ВАС РФ по домену *mumm.ru*. В указанном деле французская компания G.H. Mumm & Cie, правообладатель товарного знака MUMM, обратилась с иском к российскому предпринимателю, который зарегистрировал и длительное время не использовал доменное имя *mumm.ru*, а перед судом разместил на нем небольшой сайт о египетских мумиях.

Со ссылкой на дело *denso.com* (Постановление ВАС РФ от 11.11.2008 г. по делу № 5560/08) Президиум ВАС РФ указал, что, оценивая действия администратора домена на предмет наличия или отсутствия в его действиях акта недобросовестной конкуренции, запрещенной статьей 10.bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности, суд проверяет наличие или отсутствие трех критериев в совокупности:

- доменное имя идентично или сходно до степени смешения с товарным знаком третьего лица;
- у владельца доменного имени нет каких-либо законных прав и интересов в отношении доменного имени;
- доменное имя зарегистрировано и используется недобросовестно.

Проанализировав указанные обстоятельства, ВАС РФ пришел к выводу, что действия ответчика по использованию в доменном имени *mumm.ru* товарного знака MUMM подлежат квалификации в качестве акта недобросовестной конкуренции, создают препятствия компании для размещения информации о ней и ее товарах с использованием данного товарного знака в названном домене российской зоны сети Интернет и нарушают исключительное право истца, предусмотренное пп. 5 п. 2 ст. 1484 ГК РФ на использование товарного знака в сети Интернет, в том числе в доменном имени.

Таким образом, ВАС РФ принял сам и рекомендовал другим судам учитывать положения UDRP как критерии нарушения ст. 10.bis Парижской конвенции. Такой подход соответствует общемировым тенденциям, выявленным ранее. Анализируя деятельность владельца домена, суд указал, что у него не было каких-либо законных прав и интересов в отношении доменного имени, так как он не являлся владельцем одноименного товарного знака и доменное имя не отражает его имени или фирменного наименования его компании. Также ответчик не представил доказательств наличия других законных интересов в использовании спорного обозначения. То есть суд оценил правомерность владения доменом через призму UDRP.

Следующим достижением на пути интеграции положений UDRP является Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 г. № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров», где в п. 3 указано: «По спорам о доменных именах, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками, при рассмотрении вопросов о недобросовестности лица, участвующего в деле, суд в соответствии с пунктом 1 статьи 5, пунктами 1 и 2 статьи 10 ГК РФ, параграфами 2 и 3 статьи 10.bis Парижской конвенции для установления содержания честных обычаев при регистрации и использовании (администрировании, делегировании и другим действиям) доменных имен может использовать положения, сформулированные в Единообразной политике по разрешению споров в связи с доменными именами, одобренной Интернет-корпорацией по присвоению названий и номеров (ICANN), в том числе в ее параграфах 4(a), 4(b) и 4(c) (текст приведен в приложении к настоящей справке).

При этом следует учитывать, что обладатель права на доменное имя в качестве возражений против доводов о его недобросовестности вправе указывать в том числе на наличие его законного интереса в соответствующем доменном имени».

Крайне положительно в Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам воспринимается наличие не только оснований недобросовестности регистрации доменного имени, но и доказательств добросовестности такой регистрации, что высшие суды ранее упускали в своих актах, а нижестоящие суды односторонне воспринимали положения UDRP.

После двух указанных выше решений (от 11.11.2008 № 5560/08 и от 18.05.2011 № 18012/10) Президиума ВАС РФ нормы UDRP стали применяться более массово в практике высших судов. Сначала это сделал СИП в авторском деле № А40-111177/2012 (домен *nike.ru*), а с 2012 г. более 40 постановлений СИП по доменным спорам были приняты с учетом подхода UDRP.

Очевидно, что сама правовая природа UDRP чужда российской правовой системе и простое «присоединение» к ней не представляется возможным на текущем этапе развития российского законодательства, но вероятно, сейчас это и не надо. В то же время фрагментарное заимствование положений UDRP не переносит целостность самой концепции, положенной в ее основу, а кроме того, существует еще немало аналогичных универсальных систем, разработанных в целях оперативного досудебного или внесудебного урегулирования споров, связанных со столкновением интересов правообладателя товарного знака и доменного имени.

По процедурам, незначительно модифицированным относительно UDRP, рассматриваются доменные споры в таких государственных доменных зонах, как .АС – Остров Вознесения, .АЕ – Объединенные Арабские

Эмираты, .АО – Ангола (для поддоменов СО.АО и IT.АО), .AU – Австралия, .BO – Боливия (Боливия), .BR – Бразилия, .CH – Швейцария, .CN и .中国 – Китай, .CR – Коста-Рика, .DO – Доминиканская Республика, .ES – Испания, .EU – Европейский Союз, .FR – Франция, .GE – Грузия, .HN – Гондурас, .IE – Ирландия, .IO – Британская территория в Индийском океане, .IR – Иран, .LI – Лихтенштейн, .MA – Марокко, .MO – Макао, .MX – Мексика, .NL – Нидерланды, .PE – Перу, .PH – Филиппины, .PL – Польша, .PM – Сен-Пьер и Микелон, .PY – Парагвай, .QA и قطر – Катар, .RE – Остров Реюньон, .SE – Швеция, .SH – остров Святой Елены, .TF – Французские Южные территории, .TM – Туркменистан, .TZ – Танзания, .UA – Украина, .WF – Острова Уоллис и Футуна, .YT – Майотта.

Причины, по которым страны пошли «своим путем» в модификации UDRP, различны. И если часть отличий достаточно банальна (типа национального языка рассмотрения спора, а не языка регистрационного соглашения (языка ответчика)), то другие отличия более интересны. Например, для подавляющего большинства этих систем достаточно недобросовестной регистрации или использования домена (.AC, .AE и .AO, .AU, .BO, .BR, .CN и .中国, .CR, .DO, .ES, .EU, .GE, .HN, .IE, .IO, .IR, .MA, .MX, .NL, .PE, .PL, .PY, .QA и قطر, .SE, .SH, .TM, .TZ, .UA), что также предлагалось для российского аналога таких правил в 2003 г. [3].

Также большинство стран распространили свой аналог UDRP не только на защиту товарных знаков, но и на ряд других средств индивидуализации, что также предлагалось и для России.

Для некоторых зон характерен расширенный перечень признаков недобросовестных, куда, помимо традиционных для UDRP признаков, еще включаются и иные (.AU, .CN и .中国, .EU, .IE). Обычно они сводятся к признакам деятельности администратора домена как киберсквоттера или длительному неиспользованию домена.

Почти для всех доменных зон рабочим языком считается либо язык регистрационного соглашения, либо английский (.AC, .GE, .IE, .IO, .IR, .NL, .PH, .PL, .QA и قطر, .SE, .SH, .UA), а следующий по популярности – испанский (.BO, .CR, .DO, .ES, .MX, .PE, .PY) и в некоторых зонах – французский (.MO, .FR, .PM, .RE, .WF, .YT).

Правила большинства стран допускают коллегиальное рассмотрение спора, за некоторым исключением (.ES, .MO, .NL, .FR, .PM, .RE, .TF, .WF, .YT); аналогично только в некоторых из этих зон (.FR, .PM, .RE, .WF, .YT) в рамках одной жалобы может быть рассмотрен только один домен.

Большинство стран в своих правилах увеличили сроки, установленные UDRP, для процессуального удобства. В частности увеличены:

- срок предоставления отзыва – .EU (30 рабочих дней), .IE (20 рабочих дней);
- срок рассмотрения дела – .EU (30 дней);

– срок исполнения решения – .BR (15 дней), .EU (30 дней), .IE (21 день), .MO (30 рабочих дней), .PE (10 дней), .PH (30 рабочих дней), .QA и قطر (30 рабочих дней), .SE (14 дней).

Ряд стран сделали временную оговорку о применимости своих правил. Например, для бразильской зоны (.BR) правила применяются к доменам, зарегистрированным после 1 октября 2010 г., а в китайских зонах (.CN и 中国) – только к доменам, зарегистрированным менее 3 лет назад.

Вот уже много лет традиционная система UDRP отошла от бумажного документооборота, но для правил ряда стран требование о предоставлении бумажных и электронных документов сохранилось до сих пор (.AO, .DO, .ES, .HN, .IE, .IR, .MP), причем, и они настроены отойти от бумажного документооборота в ближайшее время.

Кроме вышеописанных производных от UDRP, существуют и другие уникальные системы рассмотрения доменных споров, часть из них появилась с открытием возможности регистрации новых доменных зон, число которых стремительно возросло за последние несколько лет.

Одной из ключевых для разрешения конфликтов между несколькими заинтересованными лицами в получении права управления новой доменной зоной стала процедура под названием Legal Rights Objection. Она регламентирует процесс рассмотрения споров о нарушении прав в связи с подачей иным лицом заявки на новую доменную зону верхнего уровня. Данная процедура действует только в периоды приема заявок на новые доменные зоны, ближайший из которых намечен на 2022 г.

Очевидно, что запуск новых многочисленных доменных зон общего пользования предполагает возникновение различных рисков нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности (в основном, на товарные знаки), а также столкновение интересов правообладателей и администраторов доменных имен вследствие расширения возможностей для киберсквоттинга. Это привело к созданию системы Trademark Clearinghouse, являющейся одним из механизмов защиты прав владельцев товарных знаков на этапе приоритетной регистрации доменов в новой доменной зоне. Эта процедура предполагает посредством внесения данных в централизованный депозитарий пресекать правообладателями товарных знаков регистрацию доменов, сходных с их товарными знаками в новых доменных зонах.

В перечне процедур, используемых для защиты прав правообладателей товарных знаков, особняком стоит Trademark Post-Delegation Dispute Resolution Procedure, которая является одним из механизмов защиты прав для правообладателей товарных знаков, особенной в том, что правообладатели могут подавать жалобы против регистраторов (а не администраторов доменных имен, как, например, в соответствии с UDRP), управление или использование которыми общих доменов первого или второго уровня приводит к нарушению исключительного права на товарный знак или способ-

ствуют такому нарушению. Эта процедура может быть использована любым правообладателем товарного знака в отношении регистратора доменного имени так называемых новых доменных зон верхнего уровня.

Как известно, к лицам, имеющим намерение зарегистрировать доменные имена в специализированных доменных зонах, предъявляются требования в отношении осуществляемых видов деятельности и (или) предоставляемых документов, которые должны соответствовать правилам конкретной доменной зоны и ограничены определенной тематикой.

Например, доменная зона .AERO предназначена для использования мировым авиационным сообществом, в связи с чем администраторами указанных доменов могут быть как физические или юридические лица или органы власти, которые обеспечивают и поддерживают воздушный транспорт, так и осуществляют функции, необходимые для воздушной перевозки пассажиров и грузов. Домены в зоне .MUSEUM предназначены для сайтов музеев, их работников или их профессиональных ассоциаций. В свою очередь, регистрировать доменные имена в зоне .COOP имеют право исключительно представители кооперативных объединений (в частности, члены Международного кооперативного альянса, члены Национальной кооперативной бизнес-ассоциации) и кооперативные организации как таковые. Процедура Charter Eligibility Dispute Resolution Policy применяется к этим доменным зонам при разрешении жалоб на регистрацию доменных имен, в нарушении обязательных требований к администратору доменного имени (в частности, он не ведет соответствующего вида деятельности). При этом заявитель ограничен в выборе средств защиты – он может требовать только аннулирования доменного имени.

Согласно правилам, домены зоны .NAME отражают фамилии, псевдонимы, наименования лиц. При регистрации доменного имени в этой зоне проверка на соответствие требованиям не проводится, но благодаря разработанной процедуре Eligibility Requirements Dispute Resolution Policy, включенной в регистрационные соглашения для зоны .NAME, для любого лица или организации есть возможность оспорить регистрацию доменного имени, которое, по мнению заявителя, не отвечает необходимым условиям данной доменной зоны. В распоряжении заявителя имеются два вида требований – аннулирование или передача доменного имени (возможная только при доказанном соответствии заявителя условиям, необходимым для регистрации доменных имен в этой зоне).

Доменная зона .PRO предназначена для практикующих специалистов в той или иной сфере, и предполагается, что профессионалы, обладающие правами на объекты интеллектуальной собственности, должны иметь приоритет перед другими специалистами при регистрации доменов в ней. В связи с этим возникла необходимость в разработке таких правил, в соответствии с которыми было бы возможно определять обоснованность регистрации доменных имен указанной категории лиц с возможностью анну-

лирования необоснованно зарегистрированного домена или с передачей доменного имени лицу, сумевшему доказать свое соответствие требованиям доменной зоны. Для решения этой задачи были разработаны Intellectual Property Defensive Registration Challenge Policy.

Доменные имена в зоне .BIZ в первую очередь должны использоваться в добросовестных коммерческих целях. Возражения против регистрации или использования определенного доменного имени на основании того, что данное имя не используется или не будет использоваться в добросовестных коммерческих целях, рассматривались ранее согласно Restrictions Dispute Resolution Policy.

Все эти системы представляются крайне интересными с точки зрения российской науки, но, к сожалению, пока ею игнорируются. Уже сейчас, когда часть «российских доменных зон» (типа .РУС, .MOSCOW, .МОСКВА, .ДЕТИ) регулируется UDRP, актуально задуматься не только о фрагментарном заимствовании положений иностранных систем, но и о присоединении или, что гораздо лучше, формировании своей системы рассмотрения доменных споров, основываясь на многочисленном и успешном иностранном опыте.

Представленный обзор международных систем урегулирования споров в сфере интеллектуальной собственности (прежде все применительно к доменам) в одном только Арбитражном центре ВОИС показал, что разработанные им системы арбитража и медиации являются востребованными в силу процессуального удобства и универсальности для трансграничных споров.

Причины популярности представленных систем урегулирования споров сводятся, прежде всего, к удобству для сторон рассмотрения и исполнения вынесенного решения. Все это обеспечивается на фоне минимальных расходов на рассмотрение споров, поскольку для рассмотрения дела стороны не нуждаются в дорогостоящих тратах на юристов и очное (личное) присутствие представителей сторон при рассмотрении спора.

Специфика рассматриваемых споров требует узкоспециализированных профессиональных кадров в сфере права интеллектуальной собственности. Опыт ВОИС показал, что высокие требования к квалификации арбитров и их территориальная удаленность от сторон не оставляют сомнений в эффективном и независимом рассмотрении дела при максимально справедливом решении на данном этапе развития общества.

Все это может быть успешно перенесено на российскую правовую почву, что не только разгрузит суды от сложных для них доменных споров, но и обеспечит предпринимателей быстрым, качественным и недорогим механизмом урегулирования сперва доменных споров, а затем, возможно, иных споров в сфере интеллектуальной собственности, что так нужно инновационной экономике.

Список источников

1. Серго А.Г. Единая политика рассмотрения споров о доменных именах // Право и экономика. 2003. № 11.
2. Серго А.Г. Использование средств индивидуализации в доменных именах: практика Арбитражного центра ВОИС // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2011. № 5.
3. Серго А.Г. Споры о доменных именах и политика их рассмотрения // PCWeek (Russian edition). 2003. № 25 (391).

References

1. Sergo, A.G. (2003) Edinaya politika rassmotreniya sporov o domennykh imenakh [The unified policy for resolving disputes about domain names]. *Pravo i ekonomika*. 11.
2. Sergo, A.G. (2011) Ispol'zovanie sredstv individualizatsii v domennykh imenakh: praktika Arbitrazhnogo tsentra VOIS [Using the means of individualization in domain names: the practice of the WIPO Arbitration Center]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'*. 5.
3. Sergo, A.G. (2003) Spory o domennykh imenakh i politika ikh rassmotreniya [Domain Name Disputes and Policies]. *PCWeek (Russian edition)*. 25 (391).

Информация об авторах:

Серго А.Г. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности (Москва, Россия). E-mail: mail@internet-law.ru
Романенкова Е.И. – кандидат юридических наук, юрист, компания КонсультантПлюс (Москва, Россия) . E-mail: primavera_law@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.G. Sergo, Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation). E-mail: mail@internet-law.ru
E.I. Romanenkova, ConsultantPlus company (Moscow, Russian Federation). E-mail: primavera_law@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2021;
одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 12.05.2021;
approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья

УДК 349.6

doi: 10.17223/22253513/43/14

Развитие правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации в контексте реализации целей устойчивого развития

**Елена Александровна Сухова¹, Елена Николаевна Абанина²,
Марина Александровна Алькова³**

^{1, 2, 3} *Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия*

¹ *suхова-elena@yandex.ru*

² *elena-abanina@yandex.ru*

³ *alkova_marina@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены проблемы правового обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации. Установлено отсутствие на государственном уровне единых представлений о системе законодательства в обозначенной сфере и механизмах ее реализации. Доказана необходимость законодательного разграничения понятий «обеспечение экологической безопасности» и «охрана окружающей среды», уточнения федеральных и региональных полномочий в обеих сферах, создания механизма участия общественности в подготовке нормативных правовых актов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, правовое обеспечение экологической безопасности, законотворческие полномочия, учет мнения общественности

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00416.

Для цитирования: Сухова Е.А., Абанина Е.Н., Алькова М.А. Развитие правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации в контексте реализации целей устойчивого развития // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 164–181. doi: 10.17223/22253513/43/14

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/14

Development of legal provision for environmental security of the Russian Federation in the context of implementing sustainable development goals

Elena A. Sukhova¹, Elena N. Abanina², Marina A. Alkova³

^{1, 2, 3} *Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation*

¹ *suhova-elena@yandex.ru*

² *elena-abanina@yandex.ru*

³ *alkova_marina@mail.ru*

Abstract. One of the urgent tasks in the field of sustainable development that requires a systemic solution is the protection of the population, its health and well-being from hazards emanating from the environment. This necessitates the formation of a coherent system of legal provision for environmental security in Russia. Despite the fact that the provisions of regulatory legal acts of the Russian Federation in general allow to ensure the implementation of all 17 Sustainable Development Goals, the study revealed the lack of unified ideas at the state level about the system of legislation in the field of environmental security and the mechanisms of its implementation.

The authors recognize the confusion of the concepts of "ensuring environmental security" and "environmental protection", as well as the goals and objectives facing them, as a key problem. This, in turn, causes the lack of a clear delimitation of powers in the sphere of environmental protection and in the sphere of environmental security, as well as of lawmaking powers between the Russian Federation and its constituent entities in the legislation. The authors draw attention to the importance of improving the legal provision of environmental security at the level of RF subjects, since it is in the regional law-making process that it is possible to take into account the real state of environmental security, identify possible threats and develop the necessary legal means. The lack of an effective mechanism for cooperation between lawmaking bodies and the public in developing policies, plans, programmes, and laws and other regulations in this area is not conducive to harmonious development of legal support for environmental security. At the same time, the Sustainable Development Agenda emphasizes the importance of uniting efforts of all stakeholders to implement the SDGs.

The article substantiates the conclusion that the adoption of the Federal Law "On ensuring environmental security" can contribute to the solution of these problems. Its goals should be: to establish a legal basis for ensuring environmental security; to protect the rights and legitimate interests of citizens, society and the state from the negative consequences of the impact of altered environment; to promote sustainable development of the Russian Federation. This law is proposed to establish a unified terminology, principles, and structure of legislation in the field of environmental security. The following are proposed as the main directions of ensuring environmental security: information support of activities in the field of environmental security, rationing in the field of environmental security, assessment and prevention of threats to environmental security, elimination of the consequences of dangerous environmental situations.

Keywords: sustainable development, legal provision for environmental security, law-making powers, consideration of public opinion

Source of financing: the study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00416.

For citation: Sukhova, E.A., Abanina, E.N. & Alcova, M.A. (2022) Development of legal provision for environmental security of the Russian Federation in the context of implementing sustainable development goals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 164–181. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/14

Поиск баланса между социально-экономическим развитием и сохранением благоприятной окружающей среды – задача, которую государства решают на протяжении уже нескольких десятилетий. В целях решения данной проблемы с 1992 г. широкое распространение в мире получила концепция устойчивого развития, ориентированная на такое преобразование будущего, в котором среда обитания человека будет устойчивой, безопасной и способной противостоять деградации и иным негативным явлениям.

В Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 г., утвержденной в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН, подчеркивается неотложность приоритетного внимания к мерам для предотвращения деградации планеты, в том числе посредством внедрения рациональных моделей потребления и производства, рационального использования ее природных ресурсов и принятия неотложных мер в связи с изменением климата, с тем чтобы планета могла обеспечивать удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений. Однако главный вопрос состоит в том, как добиться такого мирового развития, которое учитывало бы социальные, экономические и экологические факторы. За последние два года Межправительственная группа экспертов по изменению климата, Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам, Международная группа по устойчивому регулированию ресурсов (IRP) и Программа ООН по окружающей среде (UNEP, ЮНЕП) опубликовали важнейшие научные доклады о положении дел в мире, и все они содержат похожие выводы: несмотря на предпринимаемые меры, современные тенденции развития экологически неустойчивы, при этом они взаимосвязаны и негативно воздействуют на основные системы производства и потребления.

В мировом сообществе на передний план начинает выдвигаться позиция, что устойчивое развитие невозможно без обеспечения экологической безопасности. Так, в Докладе о глобальных рисках 2020 г. [1] впервые в истории именно экологические риски занимают пять верхних строчек в рейтинге по вероятности их возникновения. К ним отнесены: экстремальные погодные явления, влекущие серьезный материальный ущерб и человеческие жертвы; негативные последствия изменения климата, а именно неспособность адаптироваться к ним и снизить нанесенный ими ущерб; крупные стихийные бедствия; существенная утрата биоразнообразия и коллапс экосистем (наземных и морских) с необратимыми последствиями

для окружающей среды и человечества, а также антропогенные экологические катастрофы. Таким образом, одной из неотложных задач в области устойчивого развития, требующей системного решения, является защита населения планеты, его здоровья и благополучия от опасностей, исходящих от окружающей среды.

Повестка дня на период до 2030 г. придавала импульс действиям, направленным на воплощение в жизнь закрепленного в ней видения, во многих странах и сообществах, в том числе и в России. В отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению Повестки устойчивого развития за период 2019 года, истекший период 2020 года» [2] отмечается, что положения нормативных правовых актов РФ во многом пересекаются с Целями устойчивого развития (ЦУР) и в целом позволяют обеспечить реализацию задач, соответствующих всем 17 ЦУР как в публично-правовых, так и в частноправовых отношениях. При этом экологический аспект ЦУР не нашел прямого выражения в национальных целях, но учтен на уровне национальных проектов, закрепленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В то же время ежегодная статистика свидетельствует, что, несмотря на принимаемые меры по снижению уровней воздействия на окружающую среду химических, физических, биологических и иных факторов, по предотвращению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая аварийные ситуации на опасных производственных объектах, по адаптации отраслей экономики к неблагоприятным изменениям климата, масштабы угроз экологической безопасности продолжают расти. Такая ситуация, на наш взгляд, вызвана тем, что в России еще не сформирована целостная система правового обеспечения экологической безопасности в соответствии с потребностями устойчивого развития, что предопределяет необходимость анализа правовых ограничений для ее эффективного развития.

Ключевая проблема в рассматриваемой сфере заключается в том, что представления государства о целях, задачах, приоритетах, принципах, механизмах и прогнозируемых результатах деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности в настоящее время содержатся в нескольких стратегических документах, которые не отличаются единством подходов и формулировок. На протяжении длительного времени основным документом являлась Экологическая доктрина Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р, в которой стратегической целью единой государственной политики в области экологии признано сохранение природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и

демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны.

К приоритетным направлениям деятельности по обеспечению экологической безопасности Российской Федерации в указанном документе отнесены: обеспечение безопасности при осуществлении потенциально опасных видов деятельности и при чрезвычайных ситуациях, экологические приоритеты в здравоохранении, предотвращение и снижение экологических последствий чрезвычайных ситуаций, предотвращение терроризма, создающего опасность для окружающей среды, и контроль за использованием и распространением чужеродных видов и генетически измененных организмов. Буквальное толкование доктринальных положений позволяет прийти к выводу, что обеспечение экологической безопасности рассматривается через призму сохранения целостности природной среды, а направления деятельности связываются с предупреждением экологической опасности при осуществлении отдельных видов хозяйственной деятельности, а также с устранением экологической опасности в условиях чрезвычайных ситуаций.

По прошествии десяти лет, подводя промежуточные итоги реализации доктринальных положений сквозь призму конкретных показателей состояния окружающей среды, было констатировано, что экологическая ситуация в Российской Федерации не улучшилась, а, напротив, продолжает характеризоваться высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности. Это послужило толчком для разработки и принятия нового стратегического документа – Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденных Президентом РФ 30 апреля 2012 г., в котором стратегической целью такой политики признается решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Как видим, в данном документе главной целью признается такое решение социально-экономических задач, которое должно обеспечить помимо прочего «укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности». Что представляет собой данный правопорядок и чем отличается он от экологического правопорядка (или является синонимом) – не разъясняется. При этом далее, несмотря на то, что охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности рассматриваются как самостоятельные категории, механизмы реализации государственной политики описываются для них единые.

Необходимость дальнейшей конкретизации направлений государственной экологической политики обусловила выделение в ее составе государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, основой для формирования и реализации которой в настоящее время являются Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. В данных документах непосредственно определены две стратегические цели:

- сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики;
- ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

При этом в первом документе это цели обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования, а во втором они признаются целями государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности. Анализируя данные цели, остается вопрос: «Должны ли отличаться цели государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности от целей государственной политики в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования?» Еще более интересующим нас вопросом в связи с проводимым исследованием является следующий: «Предполагается ли формирование самостоятельной системы законодательства в сфере обеспечения экологической безопасности?» Неясность объясняется тем, что в Стратегии приоритетным направлением решения основных задач в области обеспечения экологической безопасности признается совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования.

Суммируя сказанное, приходим к выводу, что задача обеспечения экологической безопасности России признана одной из основных экологических функций государства. Однако, несмотря на значительное количество стратегических документов, определяющих основу государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, единые представления о формировании системы законодательства в сфере обеспечения экологической безопасности отсутствуют. Это порождает, в свою очередь, проблемы в правотворческой деятельности. В соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности отнесены к совместному ведению РФ и ее субъектов, в связи с чем анализируемая система имеет два уровня: федеральный и региональный. Однако каково должно быть распределение полномочий между центром и регионами в Конституции РФ, не конкретизировано. В целях решения обозначенной проблемы, на наш взгляд, требуется в специальном законодательстве решить как минимум два вопроса:

– разграничить полномочия по охране окружающей среды и по обеспечению экологической безопасности;

– разграничить федеральные и региональные полномочия в обеих сферах.

В подтверждение необходимости решения первого вопроса можно привести следующие положения нормативных правовых актов, закрепляющие полномочия по охране окружающей среды и по обеспечению экологической безопасности:

1) в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. элементами реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности признаны: проведение экологической экспертизы лицензирование видов деятельности, потенциально опасных для окружающей среды, жизни и здоровья людей; внедрение комплексных экологических разрешений в отношении экологически опасных производств, использующих наилучшие доступные технологии; ведение Красной книги Российской Федерации и Красных книг субъектов Российской Федерации; управление системой особо охраняемых природных территорий; повышение эффективности государственного экологического надзора и др. Эти же элементы указаны в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об охране окружающей среды» в качестве полномочий органов государственной власти в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды. Кроме того, цель реализации некоторых из названных элементов связана с сохранением благоприятной среды (комплексное экологическое разрешение, лицензирование отдельных видов деятельности в области охраны окружающей среды, ведение Красной книги Российской Федерации, экологическая экспертиза, государственный экологический надзор). А цель реализации других норм связана и с сохранением благоприятной окружающей среды, и с обеспечением экологической безопасности (экологическое нормирование, экологическая сертификация);

2) в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно, относится решение вопросов «организации и осуществления региональных и межмуниципальных программ и проектов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности».

Необходимость решения второго вопроса связана с частыми случаями, когда региональные правовые акты дублируют федеральные [3. С. 48], «региональными актами пытаются решить вопросы, отнесенные к ведению федеральных органов власти» [4. С. 135], когда «отдельные субъекты Российской Федерации опережают федеральное законодательство в части принятия исключительных нормативных правовых актов» [5. С. 25], что не

способствует эффективной реализации предоставленных субъектам РФ полномочий.

В рамках анализа законотворческих полномочий субъектов Федерации мы можем выделить несколько направлений, требующих пристального внимания, определение которых может быть положено в основу разграничения федеральных и региональных законотворческих полномочий по обеспечению экологической безопасности.

Во-первых, необходимо точное определение сферы законодательного регулирования субъектов федерации в области обеспечения экологической безопасности. Особенность правового обеспечения экологической безопасности связана с тем, что в границах одного региона гораздо легче оценить состояние экологической безопасности, определить жизненно важные интересы и возможные угрозы экологической безопасности, выделить приоритетные цели и основные направления обеспечения экологической безопасности, именно в региональном законотворческом процессе имеется возможность «детального учета всех географических, природных, экономических, социальных особенностей региона» [6. С. 73].

Во-вторых, на наш взгляд, важным является решение принципиального вопроса – эффективно ли региональное законодательство в сфере обеспечения экологической безопасности и насколько состояние экологической безопасности в регионе зависит именно от наличия такого регионального законодательства. Предположив, что состояние экологической безопасности в отдельно взятом регионе зависит от состояния правового обеспечения экологической безопасности, а именно от выполнения законотворческой функции региональных органов власти, был проведен мониторинг нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения экологической безопасности, и полученные данные сопоставлены с экологическим рейтингом регионов.

Были проанализированы 185 нормативных актов 85 субъектов федерации. Принималось во внимание, что вопросы обеспечения экологической безопасности могут регулироваться как отдельными статьями в законах об охране окружающей среды, так и отдельными актами, специально принятыми в этой сфере (Закон об экологической безопасности, Концепция экологической безопасности, Стратегия экологической безопасности, Программа экологической безопасности, Закон об охране окружающей среды с разделами (главами, статьями) об экологической безопасности, Экологическая стратегия с разделом об экологической безопасности, Экологическая программа с разделом об экологической безопасности, Экологические кодексы с разделом об экологической безопасности, Экологическая концепция с разделом об экологической безопасности, Экологическая доктрина). Установлено, что во всех регионах урегулированы вопросы обеспечения экологической безопасности, от минимального – статей в общих законах, до максимального – попытке создания целостной правовой системы. В за-

висимости от количества и формы правовых актов составлен рейтинг регионов. Первые строчки в рейтинге заняли субъекты, в которых вопросам обеспечения экологической безопасности посвящены несколько разноразрядных по значимости правовых актов (табл. 1).

Таблица 1

**Рейтинг регионального правового регулирования
обеспечения экологической безопасности (извлечения)**

Регион РФ	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
Республика Саха (Якутия)		+		+	+				+	+
Чувашская Республика – Чувашия	+			+			+			
Красноярский край	+	+								
Хабаровский край			+	+			+			
Нижегородская область	+			+(до 2015 г.)			+			
Свердловская область		+		+	+		+			
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра		+		+						

Примечания: А – Закон об экологической безопасности; Б – Концепция экологической безопасности; В – Стратегия экологической безопасности; Г – Программа экологической безопасности; Д – Закон об охране окружающей среды с разделами (главами, статьями) об экологической безопасности; Е – Экологическая стратегия с разделом об экологической безопасности; Ж – Экологическая программа с разделом об экологической безопасности; З – Экологический кодекс с разделом об экологической безопасности; И – Экологическая концепция с разделом об экологической безопасности; К – Экологическая доктрина.

Для выяснения эффективности состояния экологической безопасности в субъектах Федерации, был изучен Национальный экологический рейтинг регионов России, «который формируется на основе поступления информационных материалов из различных источников, включая СМИ, органы власти, общественные организации, экспертные организации, хозяйствующие субъекты и инициативные группы граждан». Рейтинг «представляет собой систему оценок событий в трех сферах: экосфера (природоохранный индекс), техносфера (промышленно-экологический индекс), социум (социально-экологический индекс). У каждого индекса есть семь индикаторов, и в зависимости от характера события определенному индикатору или нескольким индикаторам присваиваются цифровые значения +1/–1. Где +1 – положительная оценка; –1 – отрицательная оценка. Для возможности сравнения регионов, соотношение положительных и отрицательных оценок

переведено на 100-балльную шкалу» [7]. По итогам лета 2020 г. (данные за период 01.06.2020–31.08.2020) выбранные нами регионы занимали следующие места (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Экологический рейтинг регионов (извлечения)

Место	Регион РФ	А	Б	В	Г
79	Республика Саха (Якутия)	+45/–55	+40/–60	+53/–47	+47/–53
7	Чувашская Республика – Чувашия	+60/–40	+50/–50	+80/–20	+66/–34
80	Красноярский край	+34/–66	+42/–58	+60/–40	+46/–54
71	Хабаровский край	+46/–54	+35/–65	+61/–39	+50/–50
58	Нижегородская область	+34/–66	+48/–52	+72/–28	+55/–45
82	Свердловская область	+34/–66	+45/–55	+57/–43	+46/–54
76	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	+39/–61	+35/–65	+64/–36	+48/–52

Примечание: А – Природоохранный индекс; Б – Промышленно-экологический индекс; В – Социально-экологический индекс; Г – Сводный экологический индекс.

Сопоставление результатов мониторинга правового обеспечения и мониторинга экологического состояния в регионах показало несколько парадоксальную ситуацию. Регионы, в которых обеспечение экологической безопасности в правовом поле урегулировано в полном объеме, являются аутсайдерами рейтинга экологического состояния. Например, Республика Саха (Якутия): 1-е место в правовом рейтинге и 79-е – в экологическом, исключение составляет Чувашская Республика – Чувашия, которая входит в первую десятку в обоих рейтингах.

Таким образом, сам факт наличия нормативных правовых актов (различных по своему статусу и форме), регулирующих обеспечение экологической безопасности, не является единственным условием достижения целей экологической безопасности на территории региона. Имеет важное значение также разработка механизма правового обеспечения экологической безопасности, включающего в себя «не только совокупность нормативных правовых актов как результат правотворческой деятельности, но и правоприменительную деятельность как результат реализации правотворческой деятельности» [8. С. 75].

В рамках исследования необходимо затронуть еще одного особого участника правотворческой деятельности – общественность, порядку учета мнения которой в процессе подготовки и принятия компетентными органами нормативных правовых актов и решений экологической направленности в международном праве уделяется значительное внимание. Так, в п. 7 Стокгольмской декларации по проблемам окружающей человека среды 1972 г. закрепляется необходимость на паритетных началах признания как ответственности, так и равного участия граждан, предприятий и учреждений в общих усилиях по улучшению качества окружающей среды и

созданию хороших условий для жизни, в пп. 23, 24 Всемирной хартии природы 1982 г. – обязанность каждого государства на национальном уровне предоставлять возможность каждому человеку участвовать индивидуально или коллективно в процессе разработки решений, непосредственно касающихся окружающей его природной среды. В соответствии с 10-м принципом устойчивого развития, сформулированным в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14.06.1992 г., экологические вопросы решаются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне. На национальном уровне каждый человек должен обладать соответствующим доступом к информации, касающейся окружающей среды, которая имеется в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности, и возможность участвовать в процессах принятия решений. Наконец, в Повестке устойчивого развития также акцентируется внимание на важности объединения усилий всех заинтересованных сторон для реализации ЦУР.

В отечественном же законодательстве механизм взаимодействия законодательных органов и общественного мнения по вопросам правового обеспечения экологической безопасности четко не разработан. Пунктом 1 ст. 13 Федерального закона об охране окружающей среды на органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и должностных лиц возложена обязанность по оказанию содействия гражданам, общественным объединениям и некоммерческим организациям в реализации их прав в области охраны окружающей среды. Вместе с тем, несмотря на указанную государственную меру, в настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкая процедура участия общественности в разработке политики, планов, программ, а также законов и нормативных правовых актов как в области охраны окружающей среды, так и обеспечения экологической безопасности.

В юридической науке справедливо указывается на необходимость формирования новых механизмов «публичных консультаций органов исполнительной власти с гражданами и структурами гражданского общества при подготовке проектов нормативных правовых актов и другого рода решений, демократизирующих практику гражданского участия в государственной управленческой деятельности» [9. С. 22]. Поиску путей решения обозначенной проблемы может способствовать анализ Орхусской конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 25.06.1998 г., вступившей в силу 30.10.2011 г. Она содержит специальные международно-правовые нормы, закрепляющие систему трех базовых и взаимосвязанных правомочий: право на доступ к запрошенной экологической информации, право общественности участвовать в процессе

принятия решений, а также право на доступ к правосудию по спорам в сфере окружающей среды. Главным бенефициаром исследуемого комплекса прав выступает особый субъект, именуемый общественностью, являющейся по своему составу неоднородной категорией, зависящей от уровня участия при разрешении экологических вопросов.

В Конвенции не раскрывается понятие «участие общественности». Однако подчеркивается, что основными ее целями выступает повышение качества принимаемых решений и эффективности процесса реализации принятых решений. В результате анализа ст. 6–8 Орхусской конвенции можно утверждать о трех видах экологически значимых решений, отличающихся друг от друга функциями и ожидаемыми результатами, среди которых выделяют решения по конкретным видам хозяйственной деятельности; решения по вопросам, касающимся планов, программ и политики, связанных с окружающей средой; а также решения в ходе подготовки нормативных положений, имеющих непосредственную исполнительную силу, и (или) общеприменимых юридически обязательных нормативных актов.

Среди минимальных требований, адресованных государствам – членам Конвенции, призванных обеспечить надлежащее участие общественности в процессе принятия указанных видов решений, включающих в себя эффективное уведомление общественности, предоставление ей адекватной информации, проведение надлежащих процедур, особенно следует отметить надлежащий учет результатов участия общественности, который, не получив свое раскрытие в тексте Конвенции, выступает, на наш взгляд, ключевым моментом всего международного соглашения в целом.

Комитет по вопросам соблюдения Орхусской конвенции Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций очертил границы надлежащего учета общественного мнения в рамках Орхусской конвенции. Так, представляет научный интерес позиция Комитета относительно того, что исследуемый критерий вовсе не означает, чтобы соответствующий государственный орган был обязан принять во внимание содержание всех полученных комментариев и изменить решение в соответствии с каждым комментарием [10. С. 155]. Кроме того, согласно § 29 Отчета Комитета по вопросам соблюдения Орхусской конвенции, норма об учете общественного мнения не предоставляет право общественности наложить вето на решение. Вследствие чего требование о должном учете не означает, что окончательное мнение о судьбе и замысле проекта остается за местным сообществом [11]. Вместе с тем соответствующий государственный орган в конечном итоге должен нести ответственность за решение на основе всей имеющейся у него информации, включая все полученные замечания, и быть компетентным ответить, почему конкретный комментарий был отклонен по существенным причинам [10. С. 156].

Таким образом, обязательство государства «должным образом учитывать» означает предоставление для общественности доступа к ознакомле-

нию текста решения с обязательным указанием причин и оснований, на которых основано решение, а также замечаний общественности, которые были учтены. Если же при принятии решений государственный орган проигнорировал или не принял по существу мнение общественности без малейшего объяснения, такое решение не будет соответствовать Конвенции. Оно будет содержать процессуальное нарушение и, как следствие, будет являться недействительным, а также может быть обжаловано общественностью в административном или судебном порядке.

В качестве самостоятельных видов участия общественности в Орхусской конвенции закрепляется принятие:

- решений по вопросам, касающимся планов, программ и политики, связанных с окружающей средой, независимо от значимости или вероятности тех или иных экологических последствий;

- решений в ходе подготовки нормативных положений, имеющих непосредственную исполнительную силу, и (или) общеприменимых юридически обязательных нормативных актов, которые могут оказать существенное воздействие на окружающую среду.

В Республике Беларусь, являющейся стороной Орхусской конвенции, принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 июня 2016 г. № 458 «Об утверждении Положения о порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, экологических докладов по стратегической экологической оценке, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, учета принятых экологически значимых решений и внесении изменений и дополнения в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь». В главе 2 названного правового акта детально регламентирована процедура общественных обсуждений проектов программных документов, проектов нормативных правовых актов, включающая в себя предварительное информирование граждан и юридических лиц о планируемой разработке проектов программных документов, проектов нормативных правовых актов; организацию и проведение общественных обсуждений проектов программных документов, проектов нормативных правовых актов; организацию и проведение собраний по обсуждению проектов программных документов, проектов нормативных правовых актов – в случае заинтересованности граждан и юридических лиц; учет и анализ замечаний и предложений, поступивших от граждан и юридических лиц по проектам программных документов, проектам нормативных правовых актов, а также доведение до сведения граждан и юридических лиц информации о принятых в отношении проектов программных документов, проектов нормативных правовых актов решениях. Следует обратить внимание, что в заявке на получение уведомления о проведении общественных обсуждений указываются лишь персональные данные физического или юридического лица ввиду отсутствия требования доказывать свою заинтересованность. Таким

образом, любой представитель общественности, проявивший интерес посредством подачи заявки, может принимать участие в процессе обсуждения проектов программных документов и нормативных правовых актов.

В рамках сравнительного анализа удачным, на наш взгляд, выступает также пример имплементации конвенционных требований Орхусской конвенции в национальное право Польши, принявшей отдельный специальный Закон от 3 октября 2008 г. о доступе к информации об окружающей среде и ее защите и участие общественности в охране окружающей среды и воздействии на окружающую среду, в котором прописан механизм реализации всех трех базовых правомочий, обеспечивающих фундаментальное право каждого человека нынешнего и будущих поколений жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния. В частности, в исследуемом законе содержится самостоятельный 3-й раздел, регулирующий вопрос участия общественности, а также закрепляющий полномочия общественных организаций обжаловать принятые государственными органами решения при наличии признаков нарушения порядка их участия.

Проведенное исследование проблем правового обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд направлений его дальнейшего развития:

1. Требуется законодательное разграничение понятий «обеспечение экологической безопасности» и «охрана окружающей среды», а также целей и задач, стоящих перед ними. Определенность в понятиях является непременным условием эффективности правового обеспечения, поскольку именно она дает возможность рассматривать объект без опасения смешения его с иными объектами. Под охраной окружающей среды понимается деятельность органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий. Легальное определение понятия «обеспечение экологической безопасности» в законодательстве отсутствует, в связи с чем в предыдущих исследованиях оно было сформулировано нами как «система политических, организационных, социально-экономических, финансовых, информационных, правовых, технических средств, разработанных и реализуемых в целях выявления и своевременного устранения внутренних и внешних природных, техногенных и экологических угроз (и возможных последствий их действия)» [12. С. 180].

Анализ данных определений позволяет установить различие в целях реализуемых действий (мер):

– цель охраны окружающей среды – сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия на окружающую среду и ликвидация ее последствий;

– цель обеспечения экологической безопасности – предупреждение, выявление и своевременное устранение внутренних и внешних природных, техногенных и экологических угроз.

Это позволяет нам сделать вывод, что Федеральный закон об охране окружающей среды не является нормативным правовым актом, системно регулирующим обеспечение экологической безопасности, хотя и отражает ряд важных его аспектов.

2. Совершенствование правовых основ предопределяет потребность в принятии отдельного федерального закона «Об обеспечении экологической безопасности», предметом регулирования которого могут стать отношения, возникающие при установлении и соблюдении требований экологической безопасности хозяйственной деятельности, а также при осуществлении деятельности по защите прав и законных интересов граждан в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Целями данного закона должны стать: установление правовых основ обеспечения экологической безопасности; защита прав и законных интересов граждан, общества и государства от отрицательных последствий воздействия измененной окружающей среды (изменения климата, стихийных бедствий, экологических катастроф и других экологических угроз); содействие устойчивому развитию Российской Федерации. В данном законе предлагается также закрепить положения сквозного характера для всех остальных нормативных правовых актов в данной сфере: единую терминологию, принципы, а также структуру законодательства в сфере обеспечения экологической безопасности. В качестве основных направлений обеспечения экологической безопасности предлагаются: информационное обеспечение деятельности в области экологической безопасности, нормирование в сфере экологической безопасности, оценка и предупреждение угроз экологической безопасности, устранение последствий опасных экологических ситуаций.

3. Несмотря на то, что конституционный механизм совместного ведения Федерации и ее субъектов по вопросам обеспечения экологической безопасности предполагает совместное осуществление общего дела, не разграниченного по уровням власти, с учетом особенностей предметной сферы правового регулирования, предлагается уточнить законотворческие полномочия субъектов Федерации. Учитывая результаты проведенного исследования, основываясь на анализе упомянутых правовых актов, в качестве направлений законотворческой деятельности субъектов Федерации предлагается отнести следующие:

– экологическую экспертизу (принятие нормативных правовых актов в области экологической экспертизы объектов регионального уровня с уче-

том специфики экологических, социальных и экономических условий соответствующего субъекта РФ);

– лицензирование видов деятельности, потенциально опасных для окружающей среды, жизни и здоровья людей (установление порядка лицензирования деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I–IV классов опасности в качестве переданного полномочия федеральных органов исполнительной власти);

– обращение с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами (разработка региональных программ).

4. Эффективному развитию системы правового обеспечения экологической безопасности будет способствовать ратификация Российской Федерацией Орхусской конвенции, а также формирование во внутригосударственном праве процедуры учета мнения общественности при разработке уполномоченными органами нормативных правовых актов. На законодательном уровне следует четко закрепить: сроки обнародования проектов нормативных правовых актов, реализация которых может повлечь возникновение экологических угроз; способы доведения до общественности информации о характере возможного участия в обсуждениях; способы участия общественности в подготовке нормативных актов, которые должны включать в себя равноправную альтернативу в виде устных, письменных замечаний, а также замечаний в электронном виде без необходимости предоставления электронной цифровой подписи; минимальные сроки и порядок направления замечаний со стороны общественности; обязательный учет результатов участия общественности максимально возможной степени, а также юридическую ответственность соответствующих уполномоченных органов в случае нарушения данного порядка.

Список источников

1. The Global Risks Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (дата обращения: 01.12.2020).
2. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению Повестки устойчивого развития за период 2019 года, истекший период 2020 года». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/761/76119231ce487594c1301b38be450c96.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).
3. Алихаджиева А.С. Некоторые проблемы реализации административной ответственности за нарушения водного законодательства в Российской Федерации и ее субъектах // Современное право. 2019. № 10. С. 44–51.
4. Косинов А.И. Экологическая безопасность и полномочия федеральных органов и органов субъектов власти Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты // Клио. 2012. № 4 (64). С. 134–136.
5. Жочкина И.Н., Клочкова А.В. Государственное экологическое управление на региональном уровне (по результатам экспертного опроса) // Экологическое право. 2017. № 2. С. 19–27.
6. Вахромов Е.Н. Территориальный (региональный) фактор устойчивого развития экономики // Вестник АГТУ. 2006. № 4. С. 72–79.

7. Национальный экологический рейтинг регионов России. URL: https://green-patrol.ru/sites/default/files/pictures/prilozhenie_1_ekologicheskii_reyting_regionov_zima_2020_2.pdf (дата обращения: 13.11.2020).

8. Абаина Е.Н. Законотворческие полномочия субъектов Российской Федерации в механизме правового обеспечения экологической безопасности // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 6-1. С. 74–81.

9. Ноздрачев А.Ф. К 25-летию Конституции Российской Федерации. Гражданин и исполнительная власть: конституционные основы взаимоотношений // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 21–30.

10. The Aarhus Convention: An Implementation Guide (second edition) // United nations economic commission for Europe. 2014. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf (дата обращения: 11.09.2020).

11. Report of the Compliance Committee on its Twenty-fourth meeting / Meeting of the Parties to the Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters // ECE/MP.PP/C.1/2009/4. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/compliance/CC-24/ece_mp.pp_c.1_2009_4_eng.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

12. Сухова Е.А. Содержание и структура понятия обеспечения экологической безопасности // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 2. С. 175–181.

References

1. *The Global Risks Report*. (2020) [Online] Available from: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (Accessed: 1st December 2020).

2. Russia. (n.d.) *Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Analiz sistemy gosudarstvennogo upravleniya po vnedreniyu Povestki ustoychivogo razvitiya za period 2019 goda, istekshiy period 2020 goda"* [Report on the results of the expert-analytical event "The analysis of the public administration system for the implementation of the Sustainable Development Agenda for 2019 and the past period of 2020"]. [Online] Available from: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/761/76119231ce487594c1301b38be450c96.pdf> (Accessed: 15th November 2020).

3. Alikhadzhieva, A.S. (2019) Some implementation issues of administrative responsibility for violations water legislation in the Russian Federation and its subjects. *Sovremennoe pravo*. 10. pp. 44–51. (In Russian). DOI: 10.25799/NI.2019.28.21.002

4. Kosinov, A.I. (2012) Environmental safety and the powers of federal bodies and government entities of the Russian Federation: theoretical and legal aspects. *Klio*. 4(64). pp. 134–136. (In Russian).

5. Zhochkina, I.N. & Klochkova, A.V. (2017) State Environmental Management on Regional Level (Following Expert Survey Results). *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2. pp. 19–27. (In Russian).

6. Vakhromov, E.N. (2006) Territorial'nyy (regional'nyy) faktor ustoychivogo razvitiya ekonomiki [The territorial (regional) factor of economy sustainable development]. *Vestnik AGTU – Vestnik of Astrakhan State Technical University*. 4. pp. 72–79.

7. Russia. (n.d.) *Natsional'nyy ekologicheskii reyting regionov Rossii* [National ecological rating of Russian regions]. [Online] Available from: https://green-patrol.ru/sites/default/files/pictures/prilozhenie_1_ekologicheskii_reyting_regionov_zima_2020_2.pdf (Accessed: 13th November 2020).

8. Abanina, E.N. (2020) The legislative powers of the constituent entities of the Russian Federation in the mechanism for legal ensuring of environmental safety. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 10(6-1). pp. 74–81. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2020.65.52.009

9. Nozdrachev, A.F. (2018) On the 25th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation. A Citizen and the Executive Authority: Constitutional Bases of Relationships. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 12. pp. 21–30. (In Russian).
10. The United Nations Economic Commission for Europe. (2014) *The Aarhus Convention: An Implementation Guide (second edition)*. [Online] Available from: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf (Accessed: 11th September 2020).
11. The Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters. (n.d.) *Report of the Compliance Committee on its Twenty-fourth meeting*. ECE/MP.PP/C.1/2009/4. [Online] Available from: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/compliance/CC-24/ece_mp_pp_c.1_2009_4_eng.pdf (Accessed: 6th September 2020).
12. Sukhova, E.A. (2019) The Content and Structure of the Notion of Ensuring Environmental Safety. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Law Review*. 2. pp. 175–181. (In Russian). DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-2-175-181

Информация об авторах:

Сухова Е.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: suhova-elena@yandex.ru

Абанина Е.Н. – доцент, кандидат юридических наук, профессор кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: elena-abanina@yandex.ru

Алькова М.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: alkova_marina@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Sukhova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: suhova-elena@yandex.ru

E.N. Abanina, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: elena-abanina@yandex.ru

M.A. Alkova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: alkova_marina@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.09.2021;
одобрена после рецензирования 21.12.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 02.09.2021;
approved after reviewing 21.12.2021; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 341.1/8
doi: 10.17223/22253513/43/15

Налоговая оговорка как инструмент конвергенции частного и публичного правового регулирования

Имеда Анатольевич Цинделиани¹, Екатерина Витальевна Безикова^{2,3}

^{1,2} *Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия*

³ *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия*

¹ *TsindelianImeda_finpravo@rsuj.ru*

^{2,3} *Kathy_Bezikova@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа правовых предписаний налогового и гражданского законодательства, сложившейся в настоящее время актуальной судебной и правоприменительной практики представлено комплексное исследование такой категории, как налоговая оговорка. Предложены обоснованные выводы о проблемах и перспективах реализации инструмента налоговой оговорки в аспекте конвергенции частного и публично-правового регулирования.

Ключевые слова: налоговая оговорка, имущественные потери, налоги, НДС, налоговый разрыв, должная осмотрительность, техническая компания

Для цитирования: Цинделиани И.А., Безикова Е.В. Налоговая оговорка как инструмент конвергенции частного и публичного правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 182–197. doi: 10.17223/22253513/43/15

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/15

The tax clause as an instrument for the convergence of private and public regulation

Imeda A. Tsindelian¹, Ekaterina V. Bezikova^{2,3}

^{1,2} *Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation*

³ *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation*

¹ *TsindelianImeda_finpravo@rsuj.ru*

^{2,3} *Kathy_Bezikova@mail.ru*

Abstract. A tax clause can be a tool for harmonizing public and private legal interests based on the balance of redistribution of tax risks between taxpayers-counterparties of civil law transactions.

Constructing a tax clause in the agreement, the parties confirm the availability of their own resources to fulfill obligations, and also guarantee the validity and legality of the actual executors and co-executors of obligations.

The study of legislation research, currently emerging law enforcement and judicial practice allows the authors to classify tax clauses into 2 types: assurances of

circumstances with compensation for losses and assurances of circumstances with compensation for property losses.

According to the analysis of judicial practice in disputes on compensation for losses (Articles 15, 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation) in case of violation of the "assurances" provided for the agreement in the situation of additional VAT charging, it can be concluded that the courts in most cases satisfy the declared property claims. The Supreme Court of the Russian Federation recognizes the plaintiff's right to compensation for losses, qualifying such an action by the taxpayer as legal and justified. That is, if the taxpayer did not realize the expenses and did not apply the VAT deduction, then he has the right to demand the recovery of the corresponding amounts of losses from the persons guilty of causing them.

The presence of a tax clause guarantees reimbursement of property losses incurred by the party to the contract as a result of non-compliance with the tax clause when filing claims of tax authorities.

The inclusion of tax clauses in the agreement is reasonable and legitimate if their purpose is not to shift the fiscal consequences to the counterparty of the transaction.

Compensation for losses in accordance with Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation is carried out regardless of the presence of a violation (non-performance or improper performance) of the obligation by the relevant party and regardless of the causal relationship between the behavior of this party and the damage caused by the occurrence of circumstances determined by the parties. There is no doubt that in a dispute based on Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the norms of Articles 15 and 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation are not applicable.

Keywords: tax clause, property losses, tax gap, tax, due diligence, technical company

For citation: Tsindeliani, I.A. & Bezikova, E.V. (2022) The tax clause as an instrument for the convergence of private and public regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 182–197. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/15

Введение положений ст. 54.1 НК РФ о механизме запрета злоупотреблений в отношении исполнения обязанностей по уплате налоговых платежей предопределило необходимость развития концепции защиты добросовестным налогоплательщиком своих имущественных интересов. Инструментом гармонизации публичных и частных правовых интересов на основе баланса перераспределения налоговых рисков между налогоплательщиками-контр-агентами гражданско-правовых сделок может явиться налоговая оговорка.

По убеждению фискального ведомства внедрение института налоговой оговорки позволит «практически полностью обелить российскую экономику и установить честную конкуренцию на рынках» [1]. Крупнейшие налогоплательщики и отраслевые ассоциации¹ начинают активно использовать такую практику в своем бизнесе.

¹ К примеру, «Газпром» включает условие налоговой оговорки в договоры с подрядчиками; см., например: Ассоциация добросовестных участников рынка АПК. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/news/activities_fts/8885708/ (дата обращения: 20.12.2021).

Включение в договор условия об обоюдном обязательстве соблюдать налоговое законодательство не противоречит общим началам гражданского законодательства. Согласно ст. 406.1 ГК РФ, стороны соглашения¹ могут предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательств одной из сторон. Принцип свободы договора позволяет детерминировать круг доказательств, подтверждающих факт наступления таких обстоятельств, а также порядок определения размера имущественных потерь.

Законодательством регламентирована (п. 3 ст. 401 ГК РФ) необходимость повышенной осмотрительности при реализации гражданских прав, несоблюдение которой предполагает отнесение на субъекта предпринимательской деятельности соответствующих негативных последствий².

Конструируя налоговую оговорку в договоре, стороны подтверждают наличие собственных ресурсов для выполнения обязательств³, а также гарантируют действительность и легальность фактических исполнителей и прослеживаемость коллаборации соисполнителей обязательств⁴.

Необходимо подчеркнуть, что до 19 августа 2017 г., согласно Постановлению Пленума ВАС РФ⁵, акцент смещался в сторону контроля за соблюдением «должной осмотрительности» при выборе контрагентов по совершаемой в дальнейшем сделке. Принятие ст. 54.1 НК РФ не является кодификацией правил, сформулированных в названном Постановлении, но и не представляет собой новый подход к проблеме злоупотребления налогоплательщиком своими правами⁶. В Определении Конституционного Суда РФ⁷, учитывая основные аспекты сформированной судебной практики, приведена следующая позиция. Так, регулированием процедурных вопросов проведения налоговых проверок лишь конкретизирует-

¹ Такое соглашение может быть отдельным соглашением о возмещении потерь или включенным в текст договора условием о возмещении потерь (см. п. 17 О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 // Российская газета. 2016. № 70).

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 08.06.2016 г. № 308-ЭС14-1400.

³ В письме ФНС России от 16.03.2015 г. № ЕД-4-2/4124 налогоплательщикам рекомендуется проверять фактическое местонахождение не только офиса контрагента, но и его производственных, складских, торговых площадей.

⁴ Из анализа п. 2 ст. 54.1 НК РФ; О практике применения ст. 54.1 НК РФ: Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@.

⁵ Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиками выгоды : Постановление Пленума ВАС РФ от 12.11.2006 г. № 53.

⁶ См. например: Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 25.01.2021 г. № 309-ЭС20-17277 по делу № А76-2493/2017; Письмо ФНС России от 31.10.2017 г. № ЕД-4-9/22123@.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 г. № 2311-О.

ся механизм налогового контроля, объем же прав и обязанностей налогоплательщиков при уплате налогов и сборов при этом не определяется по-новому. Механизм налогового контроля регламентируется таким образом, чтобы в процессе выявления незаконного уменьшения налогоплательщиком налоговой базы поддерживался баланс частных и публичных интересов. Регулирование процедурных вопросов, в свою очередь, указывает на обстоятельства и условия, которые могут быть приняты во внимание налоговым органом при квалификации действий налогоплательщика в качестве незаконных.

Как и ранее, но уже на основании п. 5 ст. 82 НК РФ, бремя доказывания совокупности обстоятельств, предусмотренных ст. 54.1 НК РФ, лежит на фискальном органе. Проверочные мероприятия (согласно ст. 83, 85, 90, 92, 93, 93.1, 95 НК РФ) направлены на выявление умысла налогоплательщика в совершении правонарушения. К форме умысла на «агрессивное» уменьшение налогового бремени приравнивается сознательное вступление в отношения с «технической» компанией, т.е. организацией, которая создана для формального документооборота, не ведет реальную экономическую деятельность и не исполняет налоговые обязательства по договору от своего имени¹.

Анализ правоприменительной практики позволил авторам сформулировать комплекс свидетельствующих об умысле обстоятельств, которые в целях применения п. 1 ст. 54.1 НК РФ должны быть доказаны налоговыми органами², а именно:

- несоответствия в поведении сделки участниками (т.е. конкретный способ выражения существа искажений, а также наличие причинно-следственной связи между действиями налогоплательщика и допущенными искажениями);
- наличие формальных недочетов и неполнота заполнения документов, а также нетипичность документооборота;
- бездействие (так, непредоставление налогоплательщиком подтверждающих документов влечет отказ со стороны налогового органа в вычете по НДС и аннулирование расходов по сделке) и непринятие мер в случае нарушения права;
- умышленное искажение сведений или же формирование заведомо ложных сведений о фактах хозяйственной деятельности (совокупности таких фактов), об объемах налогообложения, подлежащих отображению в учете, в целях уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога (в том числе в формате согласованных действий);
- установленные факты юридической, экономической и иной подконтрольности участников, вовлеченных в схему уклонения от уплаты налогов.

¹ Пункт 4 Письма ФНС России от 10.03.2021 г. № БВ-4-7/3060@.

² Из анализа Письма ФНС России от 31.10.2017 г. № ЕД-4-9/22123@.

Однако норма пп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ не учитывает того факта, что налогоплательщик не обязан знать о налоговых злоупотреблениях контрагента (как «надлежащего», так и «ненадлежащего»).

Заслуживает внимания вывод о том, что необоснованным является отказ налоговых органов в принятии расходов и НДС к вычету по первичной документации, оформленной с нарушением [2], так как методологическая (правовая) ошибка сама по себе не может признаваться искажением в целях применения п. 1 ст. 54.1 НК РФ [3]. Более того, невозможность контрагентом самостоятельно исполнить договор должна быть аргументирована налоговым органом¹.

Представляется, что рассматриваемое Письмо ФНС России² носит противоречивый характер. Право на налоговую реконструкцию³ признается налоговой инспекцией в случае отсутствия злоупотреблений (если по результатам проверки представленных налогоплательщиком доказательств выявлено, что им проявлена должная осмотрительность и он не знал об обстоятельствах, которые характеризуют контрагента как «конduitную» компанию), а такое явление, как подчеркнула в своих комментариях ФНС, маловероятно.

В свою очередь, Верховный Суд РФ⁴ детерминировал возможность реконструкции по налогу на прибыль организаций «при раскрытии реальных параметров сделки» и «определении формы вины» с учетом степени ущерба, причиненного государству.

Мы предполагаем все-таки благоприятный для налогоплательщика исход, и налоговые органы не будут отказывать в применении налоговой реконструкции по формальным обстоятельствам (в том числе при переквалификации сделок). В противном случае неприменение налоговой реконструкции может привести к несостоятельности предпринимателей, что, в свою очередь, не является соразмерной ценой «андеграундной» минимизации налогообложения.

Кроме того, согласно позиции ФНС⁵, в случае, если налогоплательщик не реализовал расходы и не применил вычет по НДС, он вправе требовать взыскания соответствующих сумм убытков с лиц, виновных в их причинении. Нетрудно заметить, что дискуссия по реализации налоговой оговорки базируется на примере НДС.

¹ См., например: Определение Верховного Суда РФ № 305-КГ16-10399 от 29.11.2016 г. по делу № А40-71125/2015.

² О практике применения ст. 54.1 НК РФ : Письмо ФНС от 10.03.2021 г. № БВ-4-7/3060@.

³ Расчет доначислений по налогам исходя из реального экономического смысла сделок.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 19.05.2021 г. № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019.

⁵ Пункт 18 Письма ФНС от 10.03.2021 г. № БВ-4-7/3060@.

Представляется уместным напомнить, что налог на добавленную стоимость – это изъятие в бюджет части добавленной стоимости, создаваемой на всех стадиях производства и определяемой как разница между стоимостью реализованных товаров (работ, услуг) и стоимостью материальных затрат, отнесенных на издержки производства и обращения. При этом цена (тариф) товаров (работ, услуг) включает сумму налога, и, соответственно, бремя его уплаты лежит на приобретателе, который, в свою очередь, вправе уменьшить в дальнейшем собственное налоговое обязательство на величину налоговых вычетов в размере суммы налога, которую продавец предъявил приобретателю при реализации ему товаров (работ, услуг). Уплате в бюджет по итогам налогового периода подлежит отрицательная разница между суммой налоговых вычетов и суммой налога, исчисленного налогоплательщиком по операциям – объектам налогообложения; что касается положительной разницы, то она возвращается из бюджета налогоплательщику¹.

В Определении Верховного Суда РФ² закреплён следующий принцип: «...юридически значимым обстоятельством, определяющим возможность применения налоговых вычетов при приобретении товаров (работ, услуг) налогоплательщиком-покупателем, является заявление к вычету НДС не более суммы налога, предъявленной налогоплательщику его контрагентом, имея в виду, что поставщик создает в бюджете экономический источник для последующего вычета (возмещения) налога у покупателя».

Из анализа формирующейся судебной практики по спорам о возмещении убытков³ (ст. 15, 431.2 ГК РФ) при нарушении предусмотренных соглашением «заверений» в ситуации доначисления НДС по сделке по решению налогового органа можно заключить следующее. Во-первых, в настоящее время суды в большинстве случаев удовлетворяют заявленные имущественные требования. Во-вторых, Верховный Суд РФ⁴ признаёт право истца на возмещение убытков, квалифицируя такое действие налогоплательщика в качестве законного и обоснованного. Вместе с тем Верховный Суд РФ не поддержал отказ судов в требовании о взыскании сумм НДС с подрядчика в качестве убытков в связи с проявлением истцом неосторожности при выборе контрагента при заключении договора, так как в силу п. 1 ст. 404 ГК РФ это могло служить лишь основанием для уменьшения

¹ См., например: Постановления КС РФ от 28.03.2000 г. № 5-П, от 20.02.2001 г. № 3-П, от 03.06.2014 г. № 17-П; Определения КС РФ от 08.04.2004 г. № 169-О, от 04.11.2004 г. № 324-О, от 15.02.2005 г. № 93-О.

² Определение Верховного Суда РФ от 03.10.2017 г. № 305-КГ17-4111 по делу № А40-189344/2014.

³ Например: Постановление АС Северо-Кавказского округа № Ф08-2428/2017 от 5.06.2017 г. по делу № А53-22858/2016.

⁴ Так, например: Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2017 г. № 308-ЭС17-13430 по делу № А53-22858/2016.

судом размера ответственности должника. Полный отказ в возмещении убытков возможен, если при рассмотрении дела (в том числе с учетом результатов разрешения налогового спора) установлено, что обе стороны договора выступали участниками, по сути, одного правонарушения, в связи с чем налогоплательщик – заказчик не является потерпевшим лицом в результате действий (бездействий) контрагента¹. Фактически Верховный Суд РФ допускает субсидиарное применение отдельных норм гражданского законодательства при регулировании института налоговой выгоды.

Наличие налоговой оговорки гарантирует возмещение возникших у стороны договора имущественных потерь вследствие несоблюдения налоговой оговорки при предъявлении претензий налоговых органов. В рамках настоящего исследования рассмотрим механизм ее реализации.

Стремительное развитие передовых технологий в эпоху перехода к «проактивному государству», позволяет подразделениям расследования и розыска разных государств эффективно отслеживать корректность расчетов и уплаты налоговых платежей с помощью современных технологий. «Применение информационных технологий повышает эффективность налоговых проверок и тем самым снижает административное давление на бизнес» [4. С. 446]. Выявление «налоговых разрывов»² в России осуществляется проверяющим органом путем проведения анализа взаимоотношений субъектов предпринимательской деятельности, в том числе посредством сопоставления сведений из книг покупок, книг продаж и журналов учета выставленных и полученных счетов-фактур, сведений о движении денежных средств по расчетным счетам налогоплательщиков в автоматическом режиме информационной системы «Налог 3» с использованием программы «АСК НДС 2».

Результатом контрольных мероприятий выступает направление информационного письма, которое содержит выводы о наличии в цепочке с участием поставщика «разрыва» по НДС. Стороны сделки вправе в течение месяца устранить признаки несформированного основания, т.е. уплатить НДС в бюджет бюджетной системы. В случае неустранения обозначенных признаков покупатель имеет право отказаться от заявленного вычета по НДС путем подачи уточненной налоговой декларации.

У покупателя, уплатившего сумму НДС на основании уточненной декларации или добровольно отказавшегося от вычета, возникают имущественные потери, предусмотренные соглашением.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 09.09.2021 г. № 302-ЭС21-5294 по делу № А33-3832/2019.

² Расхождения между сведениями из налоговых деклараций налогоплательщика и его контрагентов, свидетельствующие об отсутствии сформированного источника для принятия НДС к вычету по определенной цепочке предпринимательских взаимоотношений между организациями, т.е. информация о занижении НДС к уплате в бюджет или завышении возмещения НДС из бюджета.

О факте урегулирования (неурегулирования) «разрыва», а также об отказе в применении вычета по операциям с поставщиком налоговая инспекция извещает всех покупателей (рис. 1).

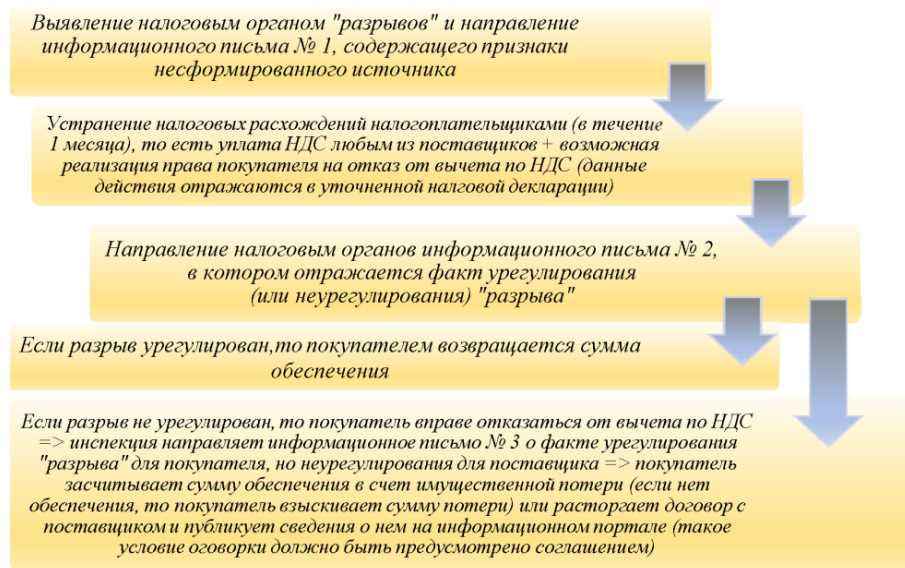

Рис. 1. Механизм работы налоговой оговорки¹

Информирование налогоплательщиков осуществляется в силу того, что они включили в договор условие о добровольном согласии² на открытость сведений в части несформированного источника доходов для принятия сумм НДС к вычету, составляющих налоговую тайну. Отметим, что в настоящее время действует специальный платный сервис с такими данными³.

¹ Налоговая оговорка как инструмент защиты имущественных интересов от неправомерных действий контрагентов // Круглый стол № 2. 09.11.2021. М., 2021. URL: <https://youtu.be/WJQlAhquuX4> (дата обращения: 09.11.2021).

² О порядке предоставления согласия налогоплательщика (плательщика страховых взносов) о признании сведений, составляющих налоговую тайну, общедоступными в части несформированного источника для принятия к вычету сумм НДС на основании данных ПК «АСК НДС-2»: Письмо ФНС России от 09.10.2018 г. № ЕД-4-2/19656; О пределах раскрытия территориальными налоговыми органами информации на основании данных налогоплательщиками согласий на признание сведений, составляющих налоговую тайну, общедоступными, с кодом «1100», «1400», кейс «ТГ о наличии (урегулировании/неурегулировании) несформированного источника по цепочке поставщиков товаров (работ/услуг) для принятия к вычету сумм НДС»: Письмо ФНС от 12.12.2019 г. № ЕД-4-2/25672@.

³ URL: <https://информресурс.rado.рус>

По своей правовой природе информационные сообщения о налоговых расхождениях можно отнести к форме налогового администрирования. Важно констатировать, что в письмах отсутствуют указания на меры принудительного характера и вину конкретного лица, а их направление не порождает последствия исполнения налоговой обязанности. Цель таких организационных действий заключается в подтверждении правомерности наступления согласованных сторонами обстоятельств и убеждении к законопослушному поведению участников отношений, складывающихся на пути к консолидации.

Ключевое значение в свете заявленной темы настоящей научной статьи занимает вопрос о применении гражданско-правового института возмещения имущественных потерь, понесенных покупателем вследствие неурегулирования признаков несформированного источника по связанной цепочке хозяйственных операций для принятия к вычету сумм НДС.

Тенденция на углубление элементов диспозитивности в сфере публично-правового воздействия очевидным образом предопределяет, с одной стороны, поливариантность способов взаимодействия субъектов, с другой – амбивалентность подходов по ликвидации образовавшихся несоответствий. А.В. Демин справедливо пишет, что «налоговое право как публично-правовая отрасль, где преобладают императивные методы, характеризуется повышенной детализацией налоговых норм и минимизацией свободы субъектов самостоятельно определять свое поведение. В сфере налогообложения публичные цели и интересы превалируют над частными, а субъективные права и обязанности устанавливаются законом, а не договором» [5. С. 14]. К имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством¹. Нормы налогового законодательства должны быть гармонизированы с диспозитивными нормами гражданского законодательства².

Соглашением сторон обязательства может быть прямо установлена обязанность одной из них возместить имущественные потери другой, возникшие в случае наступления определенных обстоятельств, каким-либо образом связанных с исполнением, изменением или прекращением обязательства либо его предметом и не являющихся нарушением обязательства³. Отход законодателя от общего правила исполнения обязанности по уплате

¹ См.: п. 3 ст. 2 ГК РФ, п. 1 ст. 11 НК РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 г. № 39-П.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2003 г. № 12-П.

³ См.: п. 15–18 О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7.

налога налогоплательщиком свидетельствует о том, что интересы государства заключаются не в соблюдении налогоплательщиком правил исполнения обязанности (лично, «самостоятельно, от своего имени и за счет своих собственных средств»), а в факте уплаты налогового платежа в бюджет в полном объеме и в установленные сроки.

Следует учитывать, что соглашение о возмещении потерь должно быть явным и недвусмысленным. В силу ст. 431 ГК РФ, в случае неясности того, что устанавливает соглашение сторон – взыскание денежных средств за понесенные потери или условия ответственности за неисполнение обязательства, положения ст. 406.1 ГК РФ не подлежат применению¹.

Включение в договор налоговых оговорок является обоснованным и правомерным, если их цель не преследует переложение фискальных последствий на контрагента по сделке. «Оговорки, перекладывающие обязательства стороны договора на контрагента, являются неправомерными» [6. С. 598]. Мы придерживаемся утверждения ученых от том, что «налоговое планирование имеет свои пределы: добросовестность и разумность, а также запрет на действия в обход закона. Использование нечетких, расплывчатых категорий не решает проблему злоупотребления правом на налоговую оптимизацию» [7. Р. 451].

Применяя ст. 406.1 ГК РФ в предпринимательской деятельности и в судебной практике, возникают вопросы о необходимости подтверждения имущественных потерь в случае определенных в договорах обстоятельств и доказывании одной из сторон договора, что эти потери действительно связаны с обстоятельствами, указанными в договоре.

Судебный контроль призван обеспечить защиту прав и свобод участников гражданского оборота, а не проверять экономическую целесообразность действий хозяйствующих субъектов, поскольку последние обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса. В этой связи суды не оценивают экономическую целесообразность подобных решений, так как в силу рискованного характера предпринимательской деятельности существуют объективные пределы в возможностях судов выявлять наличие в ней деловых просчетов².

Исходя из содержания п. 1 ст. 406.1 ГК РФ, включение в условия заключенного договора положений, предусматривающих размер и специальный порядок определения имущественных потерь его стороны, не является формой злоупотребления гражданскими правами. При этом несогласованным и не влекущим правовых последствий будет рассматриваться условие без конкретизации величины потерь и процедуры их возмещения.

¹ Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 г. № 3-П.

Абсолютно логичным является необходимость стороне, которая обратилась в суд с требованием о выплате соответствующего возмещения, представить доказательства, подтверждающие в действительности несение имущественных потерь (договоры, товарные и транспортные накладные, акты выполненных работ, счета-фактуры, платежные документы и др.) и наличие причинно-следственной связи между их возникновением и обстоятельствами, указанными в соглашении. Компенсация потерь допускается, если будет доказано, что они уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем.

К примеру, суд апелляционной инстанции¹ указал, что ответчик доказательства несения или неизбежности несения расходов в будущем не представил, а наличие возможных потерь обосновывается ответчиком исключительно формальным указанием на возможные налоговые доначисления, при полном подтверждении налоговых вычетов из бюджета, в связи с чем все доводы относительно налоговых рисков судом первой инстанции² рассмотрены и обоснованно отклонены³.

Таким образом, можно сделать вывод, что момент возникновения имущественных потерь связан с моментом представления уточненной налоговой декларации и уплаты НДС (а также начисленной за просрочку пени) в бюджет бюджетной системы⁴.

Важно отметить, что отсутствие требований закона о включении налоговых оговорок в договор предопределяет невозможность принудительно внесения таких положений в соглашение.

В случае заинтересованности субъектов хозяйственного оборота в налоговой оговорке, свои усилия им следует ориентировать на поиски компромиссного варианта текста договора, учитывающего интересы каждого. Подчеркнем, что «кампания по внедрению налоговых оговорок идет из центра» [8] и на официальном сайте ФНС налоговые органы рекомендуют выработанную объединениями предприятий форму налоговой оговорки⁵.

Арбитражная практика складывается следующим образом. В случаях заявления требований по договору, заключенному с учетом предложенных («рекомендованных») положений налоговой оговорки, суды в основном признают право лиц на возмещение имущественных потерь⁶ (в том числе

¹ Постановление 15 ААС от 14.07.2021 по делу № А32-55527/202015АП-9554/202.

² Решение АС Краснодарского края от 9.04.2021 г. по делу № А32-55527/2020.

³ Такую же позицию в дальнейшем занял кассационный суд (см.: дело № Ф08-9488/2021 АС Северо-Кавказского округа).

⁴ См.: п. 1 ст. 54.1, ст. 169, п. 1 ст. 172, п. 1 ст. 252 НК РФ, пп. «б» п.7, пп. «н» и «о» п. 15 Письма ФНС России от 10.03.2021 г. № БВ-4-7/3060@.

⁵ Например, <https://хартия-апк.радо.рус/formy-dokumentov>.

⁶ См., например: Постановление АС Центрального округа Калуги от 12.11.2021 г. № Ф10-3880/2021

путем удержания сумм задолженности по договору¹ или посредством произведения зачета удовлетворенных требований по первоначальному и встречному иску) от наступления определенных в договоре обстоятельств (налоговых «разрывов» по НДС) и добровольного отказа покупателя от применения вычета по НДС; а вместе с тем и законность налоговой оговорки как гражданско-правового инструмента перераспределения предпринимательских рисков², и, кроме того, правомерность применения информационных писем в качестве доказательства, если данное условие подразумевается договором³.

Напротив, суды отказывают в требовании о возмещении имущественных потерь, если налоговая оговорка содержит право на возмещение потерь при наличии решения налогового органа о доначислении налогов, а стороны в качестве основания для возмещения вреда ссылаются в своих обоснованиях на информационные письма о выявленных налоговых «разрывах»⁴ (то есть если форма оговорки отличная от «косвенно рекомендованной» ФНС). Более того, судами в качестве дополнительного аргумента отмечается непредоставление лицом согласия о раскрытии налоговой тайны в части сведений о расхождениях по НДС.

Проведенное исследование законодательства, формирующейся на текущий момент правоприменительной и судебной практики, позволяет авторам классифицировать налоговые оговорки на два вида: заверения об обстоятельствах с возмещением убытков и заверения об обстоятельствах с возмещением имущественных потерь.

По смыслу п. 4 ст. 406.1 ГК РФ сторона, возместившая потери, которые возникли в связи с неправомерными действиями третьего лица, имеет право требования к этому третьему лицу о возмещении убытков. В связи с этим возникает вопрос о различиях описанной конструкции возмещения имущественных потерь и использования контрагентами сделки института возмещения убытков по правилам ст. 15 и 393 ГК РФ в тех случаях, когда налоговым органом предъявляются претензии в виде доначисления поку-

¹ См.: Решение АС Московской области от 6.11.2019 г. по делу № А41-71148/2019; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 5.02.2020 г. № 10АП-25011/2019; Постановление АС Московского округа от 11.08.2020 г. № Ф05-8197/2020.

² См., например: Решение АС Томской области от 7.02.2020 г. по делу № А67-11580/2019; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда Томской области от 15.07.2020 г. № 07АП-2717/2020; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 17.11.2020 г. № Ф04-4801/2020.

³ См., например: Решение АС Республики Татарстан от 25.02.2020 г. по делу № 65-23203/2020, Постановление ААС г. Самары 24.06.2021 г. № 11АП-5123/2021; Постановление АС Поволжского округа г. Казани от 22.10.2021 г. № Ф06-9213/2021.

⁴ См.: Решение АС Воронежской области от 28.01.2021 г. по делу №А14-7450/2020 (далее Постановление 19 ААС № 19АП-1515/2021); Решение АС Челябинской области от 15.03.2021 г. по делу №А76-2776/2021 (далее Постановление 18 ААС от 15.06.2021 г. № 18АП-6242/2021).

пателю налогов (штрафов, пени) в результате установления недобросовестных действий путем вынесения соответствующего ненормативного правового акта.

Ответственность по ст. 431.2 ГК РФ (возмещение убытков, причиненных недостоверностью заверений) наступает при условии, если лицо, предоставившее недостоверное заверение, исходило из того, что сторона договора будет полагаться на него, или имело разумные основания исходить из такого предположения. При этом лицо, предоставившее заведомо недостоверное заверение, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверение сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила его недостоверность¹.

В отличие от возмещения убытков по правилам ст. 15 и 393 ГК РФ возмещение потерь, согласно ст. 406.1 ГК РФ, осуществляется вне зависимости от наличия нарушения (неисполнения или ненадлежащего исполнения) обязательства соответствующей стороной и независимо от причинной связи между поведением этой стороны и возникшим ущербом, вызванным наступлением определенных сторонами обстоятельств².

Обязательство одной из сторон за счет собственных ресурсов покрыть имущественные потери другой стороны не является мерой гражданско-правовой ответственности, поэтому помещение соответствующей статьи в главу об ответственности достаточно условно. Сущностной чертой такой «компенсации» является ее «аксессуарный» характер, т.е. такое обязательство устанавливается как «сопровождающее» к основному.

Несомненно, что в споре, основанном на ст. 406.1 ГК РФ, нормы ст. 15 и 431.2 ГК РФ не применимы. В предмет доказывания не входит факт нарушения законодательства о налогах и сборах и виновность конкретного лица в расхождениях по НДС. Нетрудно заметить, что разработанный вариант «сотрудничества» с бизнесом позволяет налоговому органу не обосновывать претензии (в том числе в части обоснованности доначислений) к налогоплательщику.

Проведенное авторами исследование позволяет выделить следующие наиболее важные положения:

– конструируя налоговую оговорку в договоре, стороны подтверждают наличие собственных ресурсов для выполнения обязательств, проявляют должную осмотрительность (проверяют действительность и легальность фактических исполнителей и прослеживаемость коллаборации соисполнителей обязательств); включают в договор условие о добровольном согласии на открытость сведений в части несформированного источника доходов для принятия сумм НДС к вычету, составляющих налоговую тайну; гарантируют возмещение возникших у контрагента по сделке имуще-

¹ Пункт 35 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49.

² См.: п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7.

ственных потерь вследствие несоблюдения налоговой оговорки при предъявлении претензий налоговых органов;

- включение в договор налоговых оговорок является обоснованным и правомерным, если их цель не преследует переложение фискальных последствий на контрагента по сделке;

- момент возникновения имущественных потерь связан с моментом представления уточненной налоговой декларации и подтверждающих документов о том, что имущественные потери уже понесены (или неизбежно будут понесены);

- если налогоплательщик не реализовал расходы и не применил вычет по НДС, он вправе требовать взыскания соответствующих сумм убытков с лиц, виновных в их причинении. Такое право у стороны по сделке возникает в связи с предоставлением недостоверных заверений контрагента (ст. 431.2 ГК РФ). Факт нарушения обязательства и вина нарушителя в причинении вреда при доначислении налогов потерпевшему должны быть доказаны.

Подводя итог, можно заключить, что фискальное ведомство пропагандирует внедрение института налоговой оговорки, концентрируя внимание на общих позитивных социально-экономических результатах такой конвергенции частного и публичного правового регулирования. В частности, в качестве главной преференции для государства выступает способствование выведению «по цепочке» экономики из тени посредством санации бизнес-сферы, культивирования налоговой законопослушности, увеличению налоговых поступлений в бюджет, повышению инвестиционной привлекательности.

Перспективой положительных изменений от использования конструкции защиты имущественной сферы для бизнеса презюмируется: исключение искусственного занижения цены в договорах и восстановление здоровой и честной конкуренции; формирование справедливых и «адекватных» рыночных цен (тарифов) с учетом обязательных платежей (налоговых и неналоговых платежей); снятие налоговых, репутационных и иных рисков; устранение внутреннего коррупциогенного фактора; оздоровление инвестиционного климата.

Вместе с этим оправдана озабоченность субъектов предпринимательской деятельности потенциальным предоставлением гарантий от негативных последствий функционирования института налоговой оговорки, а именно перекладывание обязанности по уплате налога на обладающих материальным ресурсом контрагентов посредством неверного определения выгодоприобретателя в рамках сделки.

Иначе говоря, политика фискальных органов по пропаганде активного внедрения во взаимоотношения субъектов предпринимательской деятельности налоговой оговорки не должна трансформироваться в инструмент фискальной «инквизиции». А именно, когда наличие или отсутствие налоговой оговорки становилось бы критерием, предопределяющим подходы,

позитивные или негативные, фискальных органов к оценке деятельности налогоплательщиков. Наличие или отсутствие налоговой оговорки в договоре между субъектами предпринимательской деятельности должно быть именно результатом свободного выбора участников обязательственных отношений. Нам представляется, что само по себе желание фискальных органов инициировать активное внедрение налоговой оговорки в предпринимательскую практику не приведет ни к «обелению» экономики, ни к выходу из «серой зоны» значительной части экономики. Эти задачи не могут быть решены посредством налоговой оговорки. Эти задачи решаются посредством совсем других инструментов, о которых уже написано немало и экономистами, и юристами.

Список источников

1. Налоговая оговорка как инструмент защиты имущественных интересов от неправомерных действий контрагентов // Круглый стол № 2. 09.11.2021. М., 2021. URL: <https://youtu.be/WJQIAhquuX4> (дата обращения: 09.11.2021).
2. Саськов В. Неполный вычет по НДС. Новации в применении ст. 54.1 НК РФ // Финансовая газета. 2019. № 39 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Стриж К.С. О пределах прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога // Бухгалтер Крыма: учет в унитарных предприятиях. 2021. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Tselidiani I.A., Anisina K.T., Davydova M.A., Kostikova E.G., Migacheva E.V., Proshunin M.M., Lyutova O.I., Pavlova E.V. Transformation of the Legal Mechanism of Taxation Under the Influence of Digitalization: Russian Case Study // INTERTAX. 2021. Vol. 49, Is. 5. P. 435–446.
5. Демин А.В. Диспозитивность и налогообложение: комментарии законодательства и практики налогового администрирования // СПС «КонсультантПлюс».
6. Стоянова М.К. Генезис института исполнения налоговой обязанности иным лицом // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 594–602.
7. Tselidiani I., Matyanova E., Razgildeev A., Dudnik D., Mikhailova A. Tax optimization in the modern tax system under the influence of digitalization: Russian case study // European Journal of Comparative Law and Governance. 2021. № 8 (4). P. 429–452.
8. Дубровин О. Налоговые оговорки: нужны ли они гражданскому обороту. Шортрид. 2021. URL: <https://shortread.ru/nalogovye-ogovorki-nuzhny-li-oni-grazhdanskomu-oborotu/> (дата обращения: 16.11.2021).

References

1. Youtube. (2021) *Nalogovaya ogovorka kak instrument zashchity imushchestvennykh interesov ot nepravomernykh deystviy kontragentov* [Tax clause as a tool for protecting property interests from illegal actions of counterparties]. 9th November. [Online] Available from: <https://youtu.be/WJQIAhquuX4> (Accessed: 9th November 2021).
2. Saskov, V. (2019) *Nepolnny vychet po NDS. Novatsii v primenenii st. 54.1 NK RF* [Incomplete VAT deduction. Innovations in the application of Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation]. *Finansovaya gazeta*. 39. [Online] Available form: Konsul'tantPlyus.
3. Strizh, K.S. (2021) *O predelakh prav po ischisleniyu nalogovoy bazy i (ili) summy naloga* [On the limits of rights for calculating the tax base and (or) the amount of tax]. *Bukhgalter Kryma: uchet v unitarnykh predpriyatiyakh*. 1. [Online] Available from: Konsul'tantPlyus.

4. Tsindeliiani, I.A., Anisina, K.T., Davydova, M.A., Kostikova, E.G., Migacheva, E.V., Proshunin, M.M., Lyutova, O.I. & Pavlova, E.V. (2021) Transformation of the Legal Mechanism of Taxation Under the Influence of Digitalization: Russian Case Study. *INTERTAX*. 49(5). pp. 435–446.

5. Demin, A.V. (2017) *Dispozitivnost' i nalogooblozhenie: kommentarii zakonodatel'stva i praktiki nalogovogo administrirovaniya* [Dispositiveness and taxation: comments on the legislation and practice of tax administration]. [Online] Available from: Konsul'tantPlyus.

6. Stoyanova, M.K. (2021) Genesis instituta ispolneniya nalogovoy obyazannosti inym litsom [Genesis of the institution of the execution of tax obligations by another person]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 11. pp. 594–602.

7. Tsindeliiani, I., Matyanova, E., Razgildeev, A., Dudnik, D. & Mikhailova, A. (2021) Tax optimization in the modern tax system under the influence of digitalization: Russian case study. *European Journal of Comparative Law and Governance*. 8(4). pp. 429–452.

8. Dubrovin, O. (2021) *Nalogovye ogovorki: nuzhny li oni grazhdanskomu oborotu* [Tax reservations: are they needed in civil circulation]. [Online] Available from: <https://shortread.ru/nalogovye-ogovorki-nuzhny-li-oni-grazhdanskomu-oborotu/> (Accessed: 16th November 2021).

Информация об авторах:

Цинделиани И.А. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: TsindeliianiImeda_finpravo@rsuj.ru

Безикова Е.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия); доцент кафедры теории права юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: Kathy_Bezikova@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Tsindeliiani, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: TsindeliianiImeda_finpravo@rsuj.ru

E.V. Bezikova, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kathy_Bezikova@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2021;
одобрена после рецензирования 14.11.2021; принята к публикации 02.03.2022.

The article was submitted 17.08.2021;
approved after reviewing 14.11.2021; accepted for publication 02.03.2022.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81

Факс: 8 (382-2) 52-98-68

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2022. № 43

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 28.03.2022 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 16,2. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 4959.

Дата выхода в свет 05.04.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru